

СТОЛИЦА

№15(21)
1991г. 1руб.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

УПАКОВЩИК №1
ГОРБАЧЕВ

«Весы». («Очередь»). х.м. 63х49см. 1990г.

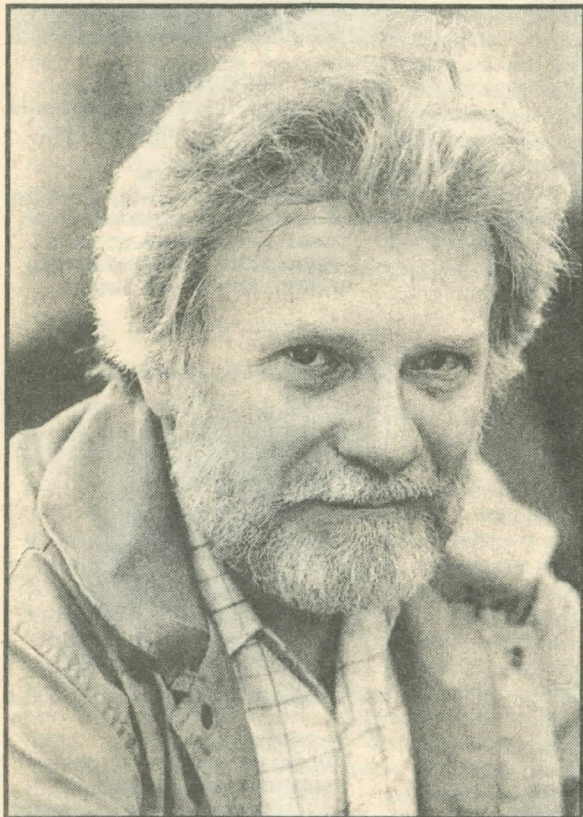

«Воскресенье». х.м. 50х60 см. 1990г.

**Заметки о творчестве
Василия Колотева
читайте на стр.64.**

Андрей НУЙКИН:

ПРИДЕТ ЛИ К ВЛАСТИ «ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА»?

НУЙКИН Андрей Александрович (59 лет), кандидат искусствоведения. Работает во Всесоюзном научно-исследовательском институте киноискусства. В последнее время приобрел широкую известность как публицист, выступающий в средствах массовой информации по острым политическим проблемам. Как истинный интеллигент-«шестидесятник», ратует за последовательную демократизацию нашего общества. Вышел из КПСС после полозковского съезда.

Не прошел номер!

«УСЛОВИЯ ЖИЗНИ изменятся, и зло перестанет господствовать, и человек станет человеку самым близким другом и братом», — писал создатель ЧК Ф.Э.Дзержинский. И его ведомство не жалело сил, чтобы стать ближе к людям, следуя партийному лозунгу «Дойти до каждого!» И дошли бы! И спали бы мы все, как «самые близкие друзья и братья», на одних нарах, если бы не тайные козни классовых врагов. И ведь до чего, сволочи, хитрые — только-только сдерут с них одну фальшивую личину, глянь — они уже под что-то другое замаскировались и гадят тайно в кастрюли пролетариата. Как только они за годы нашей боевой истории не назывались! Большевики и эсеры, троцкисты и бухаринцы, космополиты и стилисты... Сейчас вот, извольте радоваться, — «демократы». Хорошо еще, что не всеми забыты заветы Феликса Эдмундовича, успели любимые массаами газеты, такие, как «Правда», «Советская Россия», «Красная звезда», раскрыть трудящимся людям подлинное лицо этих «так называемых». Теперь-то мы знаем, сколь коварные замыслы скрывались за их высокопарным разглагольствованием про непонятное — про гласность, плюрализм, правовое государство, суверенитеты, приватизацию.

Ведь до чего додумались в своей ненависти к простому человеку эти, не при дамах будь сказано, популисты? Подорвать престиж КПСС нападками на Сталина, дестабилизировать обстановку митингами, ослабить советскую власть всенародными выборами, развалить индустрию забастовками, сорвать продовольственную программу критикой колхозов и, доведя таким путем народ до полной утраты бдительности, подсунуть ему идею об отказе от исторических завоеваний социализма! С чьего голоса поют эти сирены частной собственности и рыночного рая — вычислить не трудно. Судите сами. Будет ли правительство Павлова при переходе к рынку передавать народу в собственность заводы, землю, магазины и все остальное? Дураку ясно, что не будет. Зачем же все это передавать народу, если все это и без того народное? Выкупить же то, что ему принадлежит, народ не сможет по причине полного обнищания. Стало быть: «теневики» скупят Россию, «страна пойдет с молотка» и «новоявленные буржуа и помещики» полностью захватят власть в стране, уже несколько раз построившей у себя социализм. Рабочие под угрозой безработицы начнут нещадно эксплуатироваться, а колхозники, шестьдесят лет дышавшие воздухом свободы, пойдут наниматься поденщиками к кулакам и латифундистам. Вот чего хотели добиться наши демок-

СТОЛИЦА

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник *Моссовета*

№ 15
1991

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 411700 MALPEK
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Олег ОРЛОВ
Владимир ПЕТРОВ
(ответственный секретарь)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Генеральный директор
Михаил ПЕКЕЛИС

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40
Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария
Fax: 41.21-311.45.11
Tel.: 41.21-311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland
Номер подписан в печать 15.04.1991

Тираж 200000. Цена 1 р.

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Человеческом полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак.665.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Придет ли к власти «теневая экономика»?
(А.Нуйкин)

ПЕРЕСТРОЙКА ПЕРЕСТРОЙКИ

- 6 Очередной «внеочередной»...
(В.Янкулин)

ВЕСЫ

- 11 Коммунизм? Это опасно!
(И.Заславский)

АРМИЯ

- 13 «Социализм с человеческим лицом — это словоблудие!» — заявил Иван Кузьмич Полозков военным морякам
(И.Силачев)

ПОЗИЦИЯ

- 15 Почему молчат военные?
(М.Пустобаев)

ЛЮДИ И ДЕНЬГИ

- 25 Почему почтамт?
(В.Басков)

К БАРЬЕРУ!

- 36 Шестой, он же первый
(В.Комиссаров)

ЗАКРЫТАЯ ЗОНА

- 39 «Дело Джангирияна» меняет адрес
(Г.Карапетян)

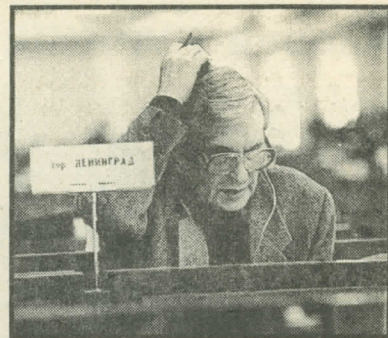
ЧЕЛОВЕК В ГОСУДАРСТВЕ

- 42 Почему американцы не боятся ФБР
(В.Власихин)

ДНЕВНИК И.

АРХИВ

- 54 Булгаков глазами доктора Живаго
(В.Бессонов)

- 9 Олег БАСИЛАШВИЛИ:
«Я думаю, что человеческая цивилизация располагает достаточным информационным потенциалом, чтобы больше не допустить появления на планете раковых государств. Это слишком опасно для всего мира».

- 47 Чернобыль с нами.
«Каждый прожитый день в «грязной» зоне еще раз подтверждает, как жестоко нас обманывали, припрятывая правду о Чернобыле...»

- 57 Юз Алешковский
Призрак в белом халате

раты не без подсказки некоторых спецслужб, точные названия и адреса которых вы без труда можете узнать у народного депутата Алксниса, но... Не прошел у них этот номер!! Здоровые силы общества успели сомкнуть свои ряды вокруг Полозкова, Андреевой и Макашова, чтобы не только раскрыть глаза людям, но и стеной стать на защиту идеалов дедушки Горбачева. Но пасаран!

Что ж, я всегда бежал в кладовку за старыми кирзовыми сапогами, слышав этот мобилизующий лозунг, но, увы, после того, как у нас в стране «близнецами-братьями» стали партия и Полозков, со мной произошло что-то непонятное — я разучился наматывать портянки по нормативам Министерства обороны. А любой солдат подтвердит: если их наматывать не спеша — в голову почему-то начинают лезть всякие ненужные мысли. Даже сомнения могут закрасться. Например, в философской глубине Устава гарнизонной и караульной службы. Только, ради бога, не пугайтесь, столь деструктивные идейки я вам подбрасывать не собираюсь. Поделюсь лишь несколькими сомнениями, вполне частного и сугубо центристского свойства.

Что это за зверь — «теневая экономика»?

У НИХ ТАМ, на захравшемся Западе, где все продается и покупается, любой школьник вам растолкует, что это за зверь. Дикий, конечно, не сидящий в клетке. «Регулируемый зверь», как определил бы академик Абалкин. В условиях нормального капитализма, если у людей возникает в чем-то потребность, обязательно найдутся и дельцы, которые захотят на ней заработать. Законные потребности там удовлетворяются через легальные экономические каналы (то есть с уплатой налогов)... Но у общества есть и потребности, не одобряемые обществом (если и не запрещенные законодательно, то сильно лимитированные или осуждаемые общественным мнением): в наркотиках, оружии, продажной любви, азартных играх и т.д. Деятельность, удовлетворяющая эти потребности, переходит в подполье, в экономику «теневую». Формальная, но достаточно четкая грань таковой — неуплата налогов.

Объем подобного рода экономики в развитых странах более-менее стабилен и не очень велик. «В США теневая экономика, то есть «черный бизнес», составляет 3—5 процентов...» Строгость наказаний и неподкупность судей тому причина? Нет, господство частной собственности. Как так? Разве не она именно и открывает широкие ворота перед преступным бизнесом — проституцией, торговлей наркотиками, оружием и т.д. и т.п. (читайте брошюры общества «Знание», там все это очень доходчиво описано)?

Да, бизнес не сентиментален и неморален. В нем все в конечном счете регулирует экономическая целесообразность, выгода. Частная собственность, действительно, спокойно, без душевных судорог открывает ворота ко многому, что моралисты клеймят и запрещают. Но моралисты упускают одну деталь — корысть, выгода, открывая указанные двери, регулируют и их пропускную способность, чем моралистам никак не удается добиться при самых сверхчеловеческих усилиях. И мистики тут никакой нет, есть просто жизнеспособная саморегулирующаяся общественная система.

Теневая экономика развитых стран — органичный сектор общей экономической системы, и он полностью подчиняется ее законам, ее железным нормам. Простая неуплата налогов, тем паче сочетающаяся с преступным бизнесом, дает сверхприбыль. Конкуренция в теневой экономике ограничена, цены зачастую — монопольны... Почему

же эта сфера не разрастается стремительно в раковую опухоль? Потому, что и острота конкуренции, и норма прибыли в ней регулируются извне, всей экономикой в ее целостности. Подпольному бизнесу «совокупный капиталист» позволяет иметь сверхприбыль — он понимает: за риск надо доплачивать. И за неприятность выполняемой функции. Но если норма прибыли станет чрезмерной, в сферу устремятся новые инвесторы, конкуренция возрастет, доходы снизятся до уровня, негласно признаваемого всеми прочими предпринимателями как «разумного» (для этой сферы).

Может ли «черный бизнес» резко повысить свои доходы, подкупая государственных служащих, захватывая постепенно власть и т.д.? Пока в стране главным хозяином положения остается частный капитал, свободный предприниматель, производитель товаров и услуг — нет, не может. Совокупный капиталист спокойно воспринимает, что теневая экономика «подмазывает» государственный механизм, обеспечивая себе и чиновникам повышенную норму дохода (и те и другие рискуют, а за риск, повторяем, надо платить). Но никогда он не позволит, чтобы этот симбиоз перешагнул за пределы дозволенной им, «разумной» нормы. Иначе резко снизится норма прибыли в основных сферах экономики. А в таких случаях совокупный капиталист не менее беспощаден, чем мафия, когда она борется за сферы влияния. Повторяем, бизнес неморален, но строг.

Обычный, «не «теневой» предприниматель при соблюдении выработанных рынком норм и пропорций вполне конкурентоспособен по отношению к «теневику», даже уплачивая (немалые) налоги, не гоняся за монопольными ценами. В частности и потому, что он может в своих (легальных) сферах торговать по более низким ценам (тенивик должен включать в цены сверхдоход, без которого ему нет смысла рисковать и изворачиваться). Да и размеры налогов устанавливаются у них не расчеты правительства, а (в конечном счете) «стихия» рынка. Если в Швеции налоги выше, чем в США, то и сфера теневой экономики в результате не 3, а 10%! Риск там оплачивается выше, значит, и готовых рисковать больше.

Нет, не нравственный уровень буржуазных правительств, не мудрость и строгость буржуазных законов, даже не опыт демократической жизни — главные гаранты современной западной демократии, а частная собственность! Отберите ее, сделайте ее ничьей — и от «мудрых» законов, от «вековых» традиций, от накопленного опыта на второй день у самой цивилизованной страны следа не останется! Не верите? Что ж, тогда попытайтесь разобраться, сколько процентов экономики относится к «теневой» у нас, где господствуют (слава КПСС!) не волчьи законы капитализма, а исполненные гуманизма и бескорыстия законы социализма.

«Тень на плетень» вместо «теневой экономики»

ПОПЫТОК определить масштабы нашей теневой экономики известно не мало. Татьяна Корягина утверждала, что в обороте этой экономики ежегодно «крутится» около 100 миллиардов рублей, который обеспечивается усилиями около 30 миллионов человек. Зав. сектором проблем борьбы с экономической преступностью ВНИИ Прокуратуры СССР А.Ларьков определяет «цену» нелегального бизнеса в 300—350 миллиардов рублей. В процентах объем ее исчисляются тоже по-разному. Называют и 17, и 30% национального дохода страны. Можно, ко-

нечно, затеять научную дискуссию: какая из цифр лучше, точнее? Только хорошо бы перед этим понять, а что в наших условиях стоит считать экономикой теневой? То, за что налог не платят?

В связи с обострившимся дефицитом спичек в городе Перми на людных перекрестках появились старушки, предлагающие огоньку. Берут недорого — по гривеннику за «прикур». Налогов, надо понимать, предприимчивые (от голода) бабуся не платят. Теневики вышли из подполья? Смешно.

А вот другой факт. «В Академии коммунального хозяйства, руководители которой, ловко манипулируя несовершенством шкалы коэффициентов оплаты за научные разработки, в год получали по 70—100 окладов. Ладно если бы польза-то была от их разработок, а то, как и в начале века, на вооружении коммунального хозяйства по-прежнему — ведро, метла, лопата и поливальный шланг» («Советская культура», 24.03.90). Можно не сомневаться, и партвзносы, и налоги со своей предпринимательской деятельности руководство Академии выплачивало скрупулезно. Так что, их экономика «световая»? Тоже смешно.

При капитализме никакой дурак не станет возводить фундаменты и стены, чтобы выплатить за них зарплату и бросить, никто не будет выпускать обувь, которую не покупают даже при остром товарном дефиците. Поэтому критерий уплаты налога там достаточен, а у нас? В СССР само понятие налога зачастую лишено смысла, ведь назначает налоги у нас тот же, кто определяет цены, потолки зарплат, величину тарифов, дотаций... Какая разница ему и нам, в каком виде, на каком этапе денежного кругооборота нас с вами ограбят до нитки? Да и то, как израсходовать собранное через все эти каналы в государственный «общак» — сколько истратить на дело, а сколько разворовать, определяют те же люди. У нас можно платить огромный налог и богатеть, ничего не делая. Можно не платить налога и быть нещадно обобраным государством (наши низкооплачиваемые, которых «великодушно» освободили от налога, в то время как аналогичная категория в развитых странах хоть и платит налоги, но и получает в десять раз больше!).

«Бутырке (речь идет о знаменитой московской тюрьме, в стенах которой «строителей видели в последний раз в 1771 году» — А.Н.) по-прежнему не выдают денег на капитальный ремонт и не дают возможности их зарабатывать. В мастерских даже на принципах добровольности труда можно организовать весьма выгодное для тюрьмы производство. Но все заработанные СИЗО средства изымаются государством. Поэтому администрация изолятора не спешит заняться коммерцией — нет смысла» («Известия», 7.03.91).

Скажите на милость, как же нам отделять теневую экономику от нормальной по мировым методикам, если у нас нет налогов как таковых, а есть только разные формы изъятий? Нет, нам нужно искать какие-то свои критерии в этом вопросе. И критерий законности для наших условий решающим тоже быть не может (вспомним заведомые долгострой, работу на склад и прочие вполне легальные формы бессмысленной растратной деятельности). Похоже, что четкого формального критерия в определении теневой экономики нам вообще не найти. Нужен, судя по всему, критерий содержательный, доходящий до сути. Допустим, такой: имеет ли данный вид деятельности (орган, институт, предприятие и т.д.) своей объективной целью (субъективно любому предпринимателю позволительно заботиться только о личной выгоде, на Западе это лишь подстегивает экономику!) удовлетворение той общест-

венной потребности, которую призван удовлетворять этот вид экономической деятельности?

Экономика кривых зеркал

«Мы ЕХАЛИ на похороны отца в Нижний Тагил, в Москве ловили такси; уже отъезжая, водитель сказал: «80 рублей». Я воскликнула: «Ни за что». В ответ — поток грязных слов, таксист остановил машину и высадил нас. Оглушенные, стояли мы на улице, а муж меня успокаивал: «Это не гостакси, а частник...» (Из письма в газету жительницы Мозыря Д.Соловьевой.) Возмутительная история? Конечно. Но не страшная. А со мной недавно случилась страшная, почти мистическая. Я прилетел в Москву в три часа ночи. Такси в аэропорту не было. Доехал до городского аэровокзала на автобусе, вышел — вся площадь в машинах с зелеными огоньками. Я обошел с чемоданом ее всю. Если бы хоть кто-то предложил подвести до Преображенки (не до Тагила!) за те самые 80 рублей! «Это было бы возмутительно, но понятно. Увы, ни один таксист даже в разговор со мной не вступил, ни один ни суммы не заломил, ни валюты не потребовал!.. Чем наши таксисты занимаются по ночам? Ради чего собираются в кучи? Кого обслуживают? Фирмачей, гангстеров, валютных проституток?.. За счет чего они делают свой «глан», на что живут?.. Д.Соловьева в письме гнев обращает против «граблящих народ таксистов», «частников, торгующих извозом на государственной машине...». Апеллирует к милиции и закону. Если бы только в «грабеже» было дело. Похоже, нам надо скорбеть о большем — об исчезновении службы такси. Частника-то как раз к исполнению этой функции закон и милиция не подпустили. А гигантская государственная машина, армада чиновников, служб, контролеров, техники, шоферов, механиков, гаишников, созданная именно для этого за наш счет, занимается чем-то нам неведомым и непонятным. Иногда нас таксисты все же соглашаются подвести, если им по пути или если много заплатим. Да, «по пути» служба такси занимается и извозом. Но мало ли что теневые или преступные системы делают доброго «по пути»! Если их деятельность оценивать с этих позиций, пришлось бы согласиться с утверждением, что Гитлер и его банда пришли к власти, чтобы построить в Германии хорошие дороги.

«Торгующие извозом на государственных машинах...» Не хорошо, конечно, не нормально. Лучше бы на своих они нас возили (но тогда надо, чтобы и государство не грабило тех, кто хотел бы купить машину и заниматься «извозом»). Но пусть на государственных, лишь бы занимались все же извозом! А как же насчет «ограблений государства»? — спросите. А черт с ним, с государством! При нынешнем государстве все, что от нас к нему попало, то пропало и к нам не вернется ни в каком виде. Нам надо, как республикам, начинать от нуля налаживать друг с другом «горизонтальные связи», минуя государственные структуры, будто и нет их вовсе. Но связи нормальные, а не сюрреалистические, к которым приучил нас социализм. И понимание «теневой экономики» нам надо вырабатывать, исходя из своих человеческих нужд и забот, а не из забот премьера Павлова или генсека Горбачева.

«По сути, наши магазины уже давно не являются государственными...», — говорит председатель одной из комиссий Моссовета Ю.СОЛОМАТИН («АиФ», 1990, N 28), обосновывая необходимость продажи их частникам. Правильно! И рестораны давным-давно реально не государственные, и многое другое. Реально ими ведают совсем не те лица и структуры, что значатся в документах,

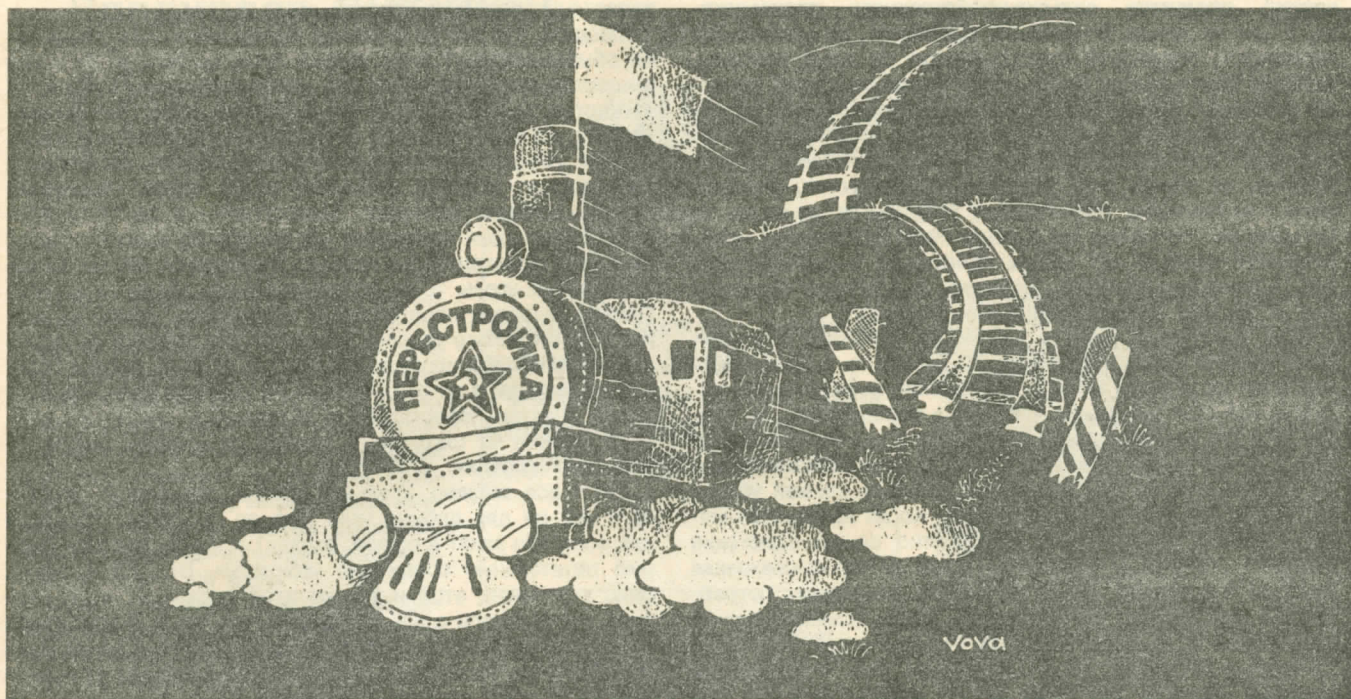

Рис. В.Иванова

но... Всегда ли это означает переход в сферу теневой экономики (если исходить из наших с вами интересов, а не из интересов «теневиков» от политики)?

Вот несколько соображений Михаила Гуртового о «теневой науке» вчерашнего и сегодняшнего дня: «Теневая наука начала существовать в стране с 50-х годов. Тогда стало окончательно ясно, что государство обеспечить подданных товарами, хоть приближающимися к мировому уровню, не сможет никогда. И вместо артелей лжеинвалидов и пугливых кустарей дело внегосударственного производства товаров взяли в руки организаторы подпольных цехов. Серьезные дельцы западной складки, хотя в основном восточного происхождения. На корню купили власть... Потом возникли и собственные лаборатории. В Армении, например, разрабатывались краски для тканей и кожи. В Грузии математики рассчитывали, как сэкономить ткань. В Азербайджане проводились опыты в виноделии... Сегодня «производственный сектор» теневой экономики, насыщавший пусть левым, но доброкачественным товаром, практически перестал существовать... Окончательно взяли верх рэкетеры, спекулянты, грабители... В корне поменялась и направленность подпольной науки. Она стала работать только против человека, в унисон с наукой легального военно-промышленного комплекса и, что особенно страшно, переплетаться с ней». («Московские новости», 10.03.91).

Все правильно, все реально, только почему же мы должны «подпольный» выпуск позарез нужных народу товаров именовать теневым производством? Разве в 50-е годы деловые люди не попытались, наоборот, вместо больной, ирреальной, теневой экономики создать нормальную экономику «с человеческим лицом»? Да и какая же она, к черту, «подпольная», если все, кому положено с подпольем бороться, не только знали о ней, но и кормились от нее? От народа она «подпольная»? И вот на наших глазах дельцы от политики и эти слабые ростки нормальности загна-

ли в настоящую «тьфу», подмяли под себя, сделали античеловечными, во всех смыслах этого слова преступными...

Где же, наконец, те реальные предметы, тени от которых покрыли всю страну, всю нашу жизнь?... Да, но кроме военно-промышленного монстра есть же у нас какие-никакие промышленность, сельское хозяйство?... Все-таки не умерли мы пока с голоду и зад какими-то штанами-юбками у всех прикрыт. Плохо, но кормит-поит-одевает нас наша социалистическая экономика. Совсем-то это отрицать невозможно! Кормит-поит-одевает, спору нет. Но... боюсь, что главные цели у нее все же в чем-то другом. А это она делает только «по пути». Это для нее нечто побочное, как для Гитлера строительство дорог. Преувеличиваю? Что ж, давайте взглянемся.

Цифры — упрямая вещь...

НАЧНЕМ с основы основ жизни народа — с сельского хозяйства. В стране 97 процентов сельхозугодий принадлежит колхозам и совхозам и лишь 3% находится в личном пользовании. Однако эти три жалких процента дают 60% картофеля, 30% овощей, 27% молока, 30% мяса... Объясняя голод и пустые прилавки продуктовых магазинов, певцы грядущего изобилия, которое нам обеспечат когда-нибудь колхозы, сетуют на недостаточность средств, вкладываемых государством в сельское хозяйство. Экономисты робко возражают: не так уж мало! В год мы «закрываем в землю» 100 миллиардов рублей (за тридцать лет «в село» вложен триллион рублей!). И никакой отдачи!

Компенсируя эту бесплодность, мы тратим ежегодно на закупку за границей только зернобобовых еще 6 миллиардов долларов. Это даже по туристскому курсу (не по реальной покупательной способности) еще 60 миллиардов рублей в год. На приобретение того, что обязано давать сельское хозяйство. Голландия размером с Московскую область, по крохам отвоевывая пашню у морского дна, яв-

ляется вторым в мире экспортером (прекрасных по качеству) продуктов сельскохозяйственного производства, а мы на своих бескрайних просторах, на уникальных черноземах сражаемся друг с другом за кусок колбасы, которую отказывается брать в рот голодная кошка! Но если огромные деньги и средства, выделяемые для колхозов и совхозов, не доходят до рядовых их работников (а это так), то не закапывают же их на самом деле в землю. Куда-то, на что-то они, наверное, расходуются, какие-то цели с их помощью достигаются? Разумеется, но не те, на которые рассчитываем мы с вами. Ради ЭТИХ целей председателю колхоза нет нужды заботиться о рентабельности, производительности, качестве, сохранении плодородия и прочих капиталистических глупостях.

Если килограмм мяса в хозяйстве (мясной!) Костромской области обходится более 30 рублей, а в Красноярском крае килограмм меда в 160 рублей, хозяйства же, несущие эти золотые яички, числятся в передовиках, то, значит, все эти экономические параметры у нас не имеют значения. А что имеет? Умение ладить с начальством, вовремя подбросить на дом секретарю райкома свежей убойки, медку, фруктов... И не перечить, когда начальство меллет глупости, и выполнять безропотно самые idiotские решения. Короче — гигантская наша колхозно-совхозная система существует для обеспечения жизненных потребностей достаточно разросшегося круга номенклатурных работников и их родственников (потребностей не только желудочно-кишечных, но и «духовных», речь о выделении «райских уголков» под дачи и под выгулы тещ, об устройстве на работу бездельников, организации охот, рыбалок, тоев, пикников и т.д. и т.п.).

Вы не припомните, сколько десятилетий уже печаль наша скорбит о потерях продукции села? Приводятся цифры. Кто считает, что теряется на дорогах, запахиивается на полях, сгниивается и т.д. 30% продукции, кто ведет речь о половине... Суть не в этом, а в том, что все эти разговоры и фельетоны абсолютно ни на чем не отражаются — ни на положении вождей сельского хозяйства, ни на состоянии хранилищ, ни на ситуации с переработкой. Тем, на кого работает наше сельское хозяйство, вполне хватает и остающихся процентов. Тем более, что предназначенную для них продукцию не только выращивают отдельно, но и хранят по-особому. Увы, сельское хозяйство в условиях развитого социализма — это гигантская сфера «теневой» экономики, лишь «по пути» выделяющая малую часть своего потенциала для снабжения населения продовольствием, а индустрии — сырьем. Но это совершенно не обязательная функция нашего сельского хозяйства. Скоро мы все получим по кусочку оврага, возьмем в руки лопаты и начнем осуществлять величественную Продовольственную программу каждый сам по себе, независимо от государства. Можно не сомневаться — продуктивность этого сельского хозяйства будет несопоставимо более высокой, чем у колхозов и совхозов, да будет земля им пухом!

О промышленности. Еще первая волна шахтерских забастовок привлекла внимание к некоторым странностям этой сферы. Прочитирую одну только статью: «С недавних пор Донбасс стал давать стране не столько уголь, сколько горную массу».

«Массовые приписки начались где-то в семидесятые годы, — вспоминает бывший зам. директора шахты «Северная» И.Силахин, — мешали с углем породу, манипулировали весом вагонеток. Ежемесячно приписывали по 10—15 тысяч тонн. Учет добычи велся по одним показателям, отгрузка — по другим, оплата — по третьим».

По сути, целые железнодорожные составы возят по стране пустую породу. Эта порода выдается за уголь, ко-

торый добыли несуществующие рабочие, но за который заплачены реальные деньги...»

Скажите, что это за странная промышленность, сама себя обманывающая? И не только себя, но почему-то и все вышестоящие инстанции, все контролирующие органы. С легкостью небывалой! И кому нужна такая экономика? Народу, который грабят? Энергетикам, у которых взрываются котлы из-за того, что порода гореть не жалеет? Государству, которое выделяет из бюджета громадные деньги, которые исчезают безвозвратно в какой-то бездне? Продолжим выдержки: «В заработке шахтера большая доля приходится на премию. Премируют его не за качественный уголь, а за перевыполнение плана — за вал. Планы, зачастую неоправданно возросшие, можно выполнить порой только за счет приписок или техники безопасности. Зарботок шахтера зависит не от того, как сработает сам шахтер, а от того, сумеет ли руководитель «сделать план». Шахтер перестал быть ключевой фигурой. Не контора зависит от шахтера, а шахтер от конторы» («Комсомольская правда», 27.07.89).

Вот и все сказано. Угольная промышленность существует у нас не для добычи угля (это ее побочная, досадная для всех, но занят в сфере, задача), а чтобы создать щедрую питательную среду для «конторы». Вся организация дела подчинена этой и только этой задаче. И надо сказать, справляются с ней гениально, так что и потребители и шахтеры вынуждены работать на «контору», а не на нужды общества, не на свои нужды. Нормальная это экономика? Ни в коем случае — теневая!

У меня накопилась груда папок, открыв которые я без труда смог бы показать на примерах, что и наш военно-промышленный комплекс обеспечивает стране обороноспособность только «по пути», между делом, а главная его задача — создавать возможность для теневых политиков и дельцов всех рангов бесконтрольно распоряжаться доброй половиной (по меньшей мере) бюджета страны (не для парламента, упаси бог, хотя и в нем накопилось «теневиков» вполне достаточно).

Минводхоз (переименованный ныне в «Водстрой»), ДОСААФ, Детский фонд, Комитет советских женщин, Советский фонд мира... Да сколько еще у нас в стране всяких организаций, которые выполняют продекларированные на вывесках функции «по пути», «между делом», «для отвода глаз», а на самом-то деле являются типичнейшими наростами теневой экономики, вытягивающими последние соки из больного, истощенного советского общества!..

И если все это суммировать, то с неотвратимостью приходишь к выводу, что в наших условиях теневая экономика — это основная экономика, а нетеневая, официальная — лишь питательная среда, сырьевой базис для нее. Она нужна лишь для того, чтобы теневой было где разгуляться, чем замаскироваться и оправдать свою античеловеческую, хищническую, грабительскую сущность.

Так сколько же процентов составляет у нас в стране теневая экономика с этой (единственно оправданной, думается) точки зрения? 80... 90 или, может быть, 99%... И как мы еще тянем на том, что теневики всех мастей нам оставляют на прожить? И когда мы в результате своего социалистического выбора протянем ноги?..

Общее резюме

ПУГАТЬСЯ того, что «теневики» в нашей стране с помощью демократов придут к власти, более чем странно. Они пришли к ней у нас в 1917 году. С помощью террора и обмана. И на них все эти годы продолжают держаться.

Владислав ЯНКУЛИН

Очередной «внеочередной»...

Прошу прощения у читателя за заголовки, но очередной «внеочередной» — не каламбур, а реальность, с которой мы, к сожалению, еще будем сталкиваться не раз. Это дорогостоящее телевизионное шоу (по первоначальной смете его цена — 3 миллиона рублей), несмотря на оценки: «все-таки был полезен», «обменялись мнениями», «приняли важные решения», ничего существенного нам не дало и, скорее всего, не даст.

Если отбросить всю парламентскую говорильню и непарламентские оскорбления, большая часть которых досталась «одному» Ельцину, все пикирование «четырех» (Исакова, Горячевой, Исаева, Абдулатипова) против все того же «одного», то в сухом остатке будет немногое. Естественно, немногое в том смысле, что дал именно III Съезд народных депутатов России. Ведь прекрасный и аргументированный доклад Ельцина с программой выхода из кризиса делался на основе большой работы экспертов и правительства независимо от съезда и еще до того, как возникла идея его созыва. Впрочем, сам Ельцин и люди из его окружения считают, что, хотя съезд был им навязан, он позволил поставить некоторые точки над «i»: закрепить решения референдума о президентской власти в России, получить властные функции, необходимые для очередной попытки переломить экономическую ситуацию в республике.

Однако не будем заблуждаться: несмотря на наличие реальной программы, несмотря на решимость Ельцина и Силаева брать на себя не только полномочия, но и ответственность за их реализацию, шансов в обозримом будущем заметно изменить нашу жизнь к лучшему — немного. Причины — системного характера, а система пока не сломана. Напротив, она, как более сильный партнер в перетягивании каната, спокойно наблюдает, как «так называемые демократы» пытаются перетянуть его на себя. Ей же это не надо: вам дали конец, тяните. И заявляя это, те, кто стоит за системой, прекрасно знают, что канат за-

Заметки между съездами народных депутатов РСФСР, один из которых недавно закончился, а другой скоро начнется

цементирован в основание всего дома. В крайнем случае его можно порвать, но перетянуть в нынешней ситуации — исключено.

И потому на съезде были заблокированы все девять пунктов политических условий выхода из кризиса. Среди них такие важнейшие, как департизация государственных органов, армии, КГБ; официальный отказ от применения силы как средства политической борьбы; наконец, организация на принципах «круглого стола» диалога всех политических сил и профессиональных объединений страны. Экономические условия, в принципе, приняты были, но политические заблокированы полностью.

Что собирается противопоставить «несокрушимой силе» Ельцин? В отношении «шестерки» членов президиума, выступивших против него с политическим доносом и явно не скрывающих свое стремление саботировать все акции Председателя ВС РСФСР, он заметил:

— Я буду требовать от них жесткого выполнения прямых обязанностей на тех участках работы, за которые каждый из них отвечает. А требовать я умею...

Но не надо забывать, что требовать умеет и «Старая площадь». Достаточно сомнительно и решение продвольственного кризиса — в случае саботажа местных органов власти — с помощью прокуроров. Правда, обозначив эту возможность, Ельцин сам же и показал ее иллюзорность: местные бонзы, которые возглавляют саботирующие районы, как пра-

вило, народные депутаты СССР. Это просто не позволит получить разрешения на возбуждение против них уголовного дела.

Нападкам «шестерки», группы «Коммунисты России» и подведомственной ей прессы еще до съезда подверглась идея Ельцина об уполномоченных на местах — акция, необходимая, по мнению Председателя, для проведения земельной реформы. Критика называла идею узурпаторской, дискредитирующей местную власть, явно превышающей конституционные полномочия. В конце съезда Председатель пояснил, что его уполномоченными на местах будут народные депутаты РСФСР, избранные в тех же регионах. Сразу возникает вопрос: среди них, особенно в сельской местности, немало тех, кто как раз и препятствует передаче земли в частное пользование, да и всем другим нововведениям российского парламента. Как Борис Николаевич представляет себе в данном случае проведение властных функций, осталось неясным.

Есть, правда, у Ельцина еще одна «домашняя заготовка»: сразу после выборов Президента — уже в июне-июле провести досрочные выборы в местные органы власти. Формальным основанием послужит принятие на очередном, IV съезде в мае Закона РСФСР о местном самоуправлении. Но и здесь ситуация не однозначна: трудно полностью разделить уверенность Бориса Николаевича, что «народ правильно сделает свой выбор». Само собой, во всех этих прогнозах предполагается, что 12 июня, на которое назначены президентские выборы, этот выбор будет «правильным». Сегодня, по крайней мере, на этот счет сомнений почти нет.

Конечно, все больше людей понимают, что такие действия, как прошедший съезд, не более чем спектакль нашей ирреальной жизни. Достаточно вспомнить первый его день, когда некий самый главный режиссер вмешался в это шоу и перегородил центр города грузовиками и солдатами. Съезд ответил импровизацией —

признал решения Президента и Кабинета министров неконституционными и прервал свою работу до следующего дня, когда Президент (его упрямыства хватило на один день) снял ненужные городу декорации. Несмотря на уверения Пуго на Верховном Совете СССР и другие неуклюжие заявления, вмешательство «главного режиссера» оказалось бессмысленным.

Однако у съезда, выражаясь театральным языком, был и реальный задник: забастовка полумиллиона шахтеров, тотальное повышение цен, совещание политорганов армии, которое Президент предпочел съезду своим присутствием, что также не повысило его рейтинга у депутатов.

И все же съезд сыграл свою роль зонда политической ситуации страны: поведение делегатов, их выступления, результаты голосований, наконец, дали во многом адекватное представление об идущих процессах. Причем некоторые из фактов были более информативными, нежели основные линии борьбы вокруг вопроса о президентстве в России. Чего стоит, например, переданный по факсу из Свердловска протокол голосования избирателей за отзыв В.Исакова, одного из главных инициаторов съезда и основного содокладчика — опровергателя Ельцина. В голосовании за отзыв участвовало на полторы тысячи избирателей больше, чем тогда, когда Исаков был избран в народные депутаты. Причем если на выборах «за» него тогда проголосовало 50,3 процента голосовавших, то теперь «за» отзыв из народных депутатов, а значит, против Исакова — 74,4 процента! Чем не индикатор общественного сознания?

Еще один факт, заслуживающий внимания, — выступление Николая Травкина. Я помню, как на заседании Межрегиональной депутатской группы, проходившем накануне I Съезда народных депутатов РСФСР, он снял свою кандидатуру в качестве альтернативной Ельцину, заявив, что еще не созрел для этого. Но сразу же оговорился, что через год к такому поступку будет, вероятнее всего, готов. И судя по его выступлению на очередном съезде в мае, мы можем считать свидетелями его выдвижения на пост Президента России. Николай Ильич выбрал в политике путь достаточно традиционалистский — создание своей партийной сети, проникновение ее во все регионы и структуры.

Ельцин смотрит на эту ситуацию скептически. «Пока в одной партии 15

миллионов, а в другой — 20 тысяч, силы слишком неравны. Да и 6-я статья Конституции СССР отменена пока только на бумаге, — сказал он на заключительной пресс-конференции. — КПСС по-прежнему распоряжается государственным имуществом, армией, КГБ, залегаем, если ей надо, в бюджет государства. Так что реально сегодня система многопартийности или даже двухпартийности возникнуть не может. Но если демократическое движение всех сил и партий сможет консолидироваться и оформиться в организационно единую силу — это будет реальным противостоянием КПСС. Пока этого нет».

Весьма неожиданным прозвучало Постановление съезда в связи с трагическими событиями в Южной Осетии: не столько оно само, сколько его резкий, порой ультимативный тон. В частности, в прямую зависимость от неприемлемых для Грузии сегодня условий (восстановление статуса Южно-Осетинской АО, освобождение председателя ее Совета Т.Г.Кулумбегова и других незаконно задержанных лиц) поставлены все договорные отношения с Россией. Кроме того, в 6-м, последнем пункте постановления от Президента и Совета Федерации СССР съезд потребовал принятия срочных мер по нормализации обстановки в этом регионе и создания условий для возвращения беженцев в места их проживания.

Правда, на встрече с журналистами Ельцин заметил, что средства массовой информации немного погрешили в интерпретации постановления: оно, мол, направлено прежде всего на консолидацию, на прекращение бессмысленной междоусобицы. «Мы подписали с Гамсахурдиа протокол, на основании которого и будем, видимо, действовать», — заключил он. Объективности ради заметим, что этим постановлением Ельцин показал союзному парламенту, что способен более решительно препятствовать межнациональным конфликтам. С другой стороны, он не хочет терять столь важного союзника в противостоянии Центру, как Гамсахурдиа. Да, политика все-таки не слишком однозначное дело...

Еще один информативный факт состоял в том, что изменилась полярность отношений вокруг личности Горбачева. Причем сам Михаил Сергеевич к этому не имеет никакого отношения: такова, видимо, его судьба — ее определяют события, в центре которых он оказывается. В прямой или завуалированной форме его

отставки потребовали в своих выступлениях все четыре главных оппонента Ельцина. Если предположить, что доклады эти писались на Старой площади, то явно не в аппарате Генерального секретаря.

С другой стороны, Горбачева защищали Травкин, Старовойтова (в интервью, данном на съезде), наконец в последний день прозвучало заявление четырех депутатских групп в защиту Горбачева, причем речь идет не об ортодоксальных его сторонниках. Объяснение этому, впрочем, несложно: нельзя выбивать последнюю подпорку, не подготовив ей более или менее надежную замену.

Ну а что наш главный герой? Кто он сегодня — Председатель с президентскими полномочиями или президент, временно исполняющий обязанности спикера? В принципе это не столь существенно. На «внеочередном» Ельцин еще раз доказал, что умеет выигрывать даже при навязанных ему условиях игры. Шоу, которое готовилось для его дискредитации и, возможно, отстранения от власти, вылилось в его триумф. Добившись постановления о перераспределении функций исполнительной власти, он частично компенсировал отказ съезда узаконить департизацию государственных органов. Получив отказ на организацию «круглого стола», он еще раз продемонстрировал нежелание партократии к открытому и честному обсуждению острых проблем.

Правда, сейчас по Москве ходят слухи о встречах руководящих партийных инстанций в «своих» аудиториях, где, когда заходит речь о лидере России, они делают прозрачные намеки, что у Бориса Николаевича не все ладно со здоровьем. При этом многозначительно поднимают глаза к потолку. Не знаю, что стоит за этими намеками. Проведя весь съезд на одном дыхании, завершив его последний день, когда началась программа «Время», Ельцин уже через несколько минут вышел к толпе ожидавших его журналистов и еще почти час отвечал на их вопросы — бодро, весело, оптимистично.

В перерыве одного из съездовских дней Ельцин встречался с Илиеску, приехавшим для этого специально в Большой Кремлевский дворец. Как сказал Борис Николаевич, они обсудили планы прямого сотрудничества. Но на вопрос журналиста, возможно ли у нас развитие событий по румынскому сценарию, сказал, что «румынского варианта» у нас не будет.

Олег БАСИЛАШВИЛИ:

«КОГДА Я ШАГАЮ ПО МЕРТВОМУ ГОРОДУ...»

С народным артистом СССР, депутатом Верховного Совета России Олегом Басиладшвили мы договорились встретиться в одном из перерывов между заседаниями третьего внеочередного Съезда народных депутатов РСФСР. Однако из зала заседаний Олег Валерьянович вышел чрезвычайно взволнованным и огорченным. Чувствовалось, что происходящее на съезде он принимал слишком близко к сердцу. Увидев меня, он поначалу даже предложил перенести наш разговор на другое время. И ушел куда-то быстро по коридору. Потом неожиданно вернулся, нервно закурил папиросу. Сказал, успокаиваясь:

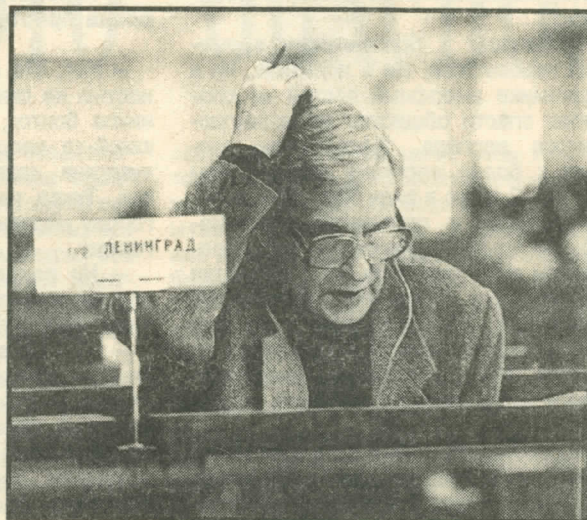

Фото В.Киселева

— Вряд ли я смогу поразмышлять сейчас о чем-нибудь другом, кроме увиденного и услышанного. Впрочем, давайте, попробуем.

— Олег Валерьянович, зачем вам это нужно?

— Что именно?

— Политика. Съезд. Верховный Совет. Эти парламентские споры вокруг повесток дня и регламента, когда одна группа депутатов пытается перехитрить другую. Ведь вы же прекрасный артист. У вас есть слава, признание — практически все, что удовлетворяет человеческое самолюбие. Ради чего вы принимаете участие в этом театре политического абсурда?

— Я не хочу краснеть перед своими детьми. Хочу, чтобы дети мои были не такими, как я, а лучше. Причем не просто лучше жили, а лучше были, чем все мы. Чтобы они были честными, чтобы у них исчез комплекс страха, который в нас вбит на уровне генов, комплекс раба, угодника, вора, мерзавца, мздоимца, взяточника. Иначе говоря, всех тех качеств, которые мы в себе ненавидим. Вот я и хочу, чтобы все эти качества отсутствовали у моих детей, у детей моих знакомых, во

всех представителях грядущих поколений.

— Но, насколько я понимаю, совершенствоваться человеку помогает больше искусство, чем политика.

— Я бы не стал противопоставлять в такой плоскости искусство и политику. Эти сферы человеческой деятельности не исключают, а дополняют друг друга. Это как терапевтический и хирургический способы лечения. Искусство бесспорно оказывает громадное позитивное влияние на сознание человека. Но в истории любого общества бывают моменты, когда искусство, к сожалению, вынуждено отойти как бы на второй план.

Вы же видите, что наше общество сейчас находится в коматозном состоянии. И вернуть его к жизни нельзя горькими таблетками правдивых кинолент, необходим прямой массаж сердца. Поэтому аполитичность для настоящего художника в наше время аморальна. Аполитичность просто несовместима с истинным искусством, как гений и равнодушие. У нас, увы, нет времени для споров о настоящем искусстве. Нужно срочно принимать жизненные законы, кото-

рые будут предохранять народ от вырождения.

— И вы думаете, что дебаты на съездах и заседаниях Верховного Совета дадут нашей стране такие законы?

— Я уверен в этом, иначе бы никогда не стал депутатом. Общество нельзя улучшить с помощью насилия. Наш исторический опыт тому пример. Мне даже кажется: то, что сегодня с нами происходит, — это расплата. Расплата за наше прошлое насилие и наше прошлое надругательство над памятью и совестью народа. Расплата за искусственный голод и уничтожение церквей, за обман крестьян и третирование интеллигенции, за многолетнюю ложь и воинствующее самомнение. Ведь нельзя же, согласитесь, бесследно десятилетиями уничтожать в народе лучшее, что дает ему природа. Убивая в людях стремление к свободе и предприимчивости, мы приглушили в них инстинкт самосохранения. Обратите внимание. В стране не хватает продуктов, а на полях гибнет урожай. И никто не хочет этот урожай собирать и сохранять. Наше союзное правительство достигло последней степе-

ни административного маразма. Оно считает своей обязанностью напоминать крестьянину каждую весну о том, что ему надо сеять. Вместо этих дурацких понуканий человеку просто надо дать элементарную свободу.

— Интеллигенцию всегда отличал известный радикализм. Но что интеллигенция может предпринять, если начнется демарш реакции?

— Возврат к брежневским временам невозможен. Ни в политике, ни в экономике аморфный застой не способен спасти общество от надвигающегося распада. Эффективен возврат к более жесткому режиму, чем застой. Я имею в виду 30-е, 50-е годы. Но возврат к сталинизму невозможен по другой причине: мы уже переболели этим режимом. И в обществе против него существует устойчивый иммунитет. Так что возврат к старому — это скорее способ отпугивания от нового. Мол, поспешные преобразования могут вернуть прежние порядки.

Я думаю, что у реакции в настоящее время мало шансов для наступления. Но тем не менее с ней нужно постоянно бороться — жить по совести.

— Вы оптимист. Неужели после всего того, что произошло в нашей стране в начале этого года, вам не было страшно?

— Страшно было всем: и тем, кто принимал решения, и тем, кто эти решения выполнял, и тем, кто об этих решениях узнавал. Я не верю «храбрецам», которые ничего не боялись, когда произошла трагедия в Вильнюсе или были введены войска в Москву. Это просто безответственные люди. 28 марта мы, депутаты разных уровней, взявшись за руки, уводили по Тверской от Манежной площади стихийные группы митингующих. Чтобы избежать кровопролития. Мы видели, как отставших от нашего депутатского «каре» били резиновыми дубинками стражи порядка. И хотя мы были защищены от произвола депутатской неприкосновенностью, все равно было страшно. Тонкая депутатская прослойка в любой момент могла разорваться, и две несомнестимые стихии — армия и толпа — могли прийти в опасное соприкосновение.

Честно говоря, в последнее время Москва — город, в котором я родился и который всегда любил, — вызывает во мне неприятные ощущения. Появилось в нашей столице что-то неживое и пугающее. Днем — совершенно без-

ликие и безразличные толпы, а вечером — затемненные окна и пустые улицы. Как-то во время съезда после вечернего заседания, часу в восьмом, я шел по Маросейке. Так вот, во время этой короткой прогулки мне встретилось не больше десяти прохожих. После войны такими пустынными улицы в Москве никогда не были.

— Говорят, в столице резко выросла преступность...

— Нет, эта пустота улиц с преступностью не связана. Люди не преступников боятся, в их душах поселился какой-то неосознанный страх, предчувствие какой-то неясной опасности. Такое ощущение, что идешь по городу мертвых. Точнее, по мертвому городу.

— Но разве вечерний Петербург, где вы живете, не похож на вечернюю Москву?

— В Петербурге, мне кажется, больше жизни. Там еще можно наблюдать и переживать обычные человеческие радости. А Москву покинули даже влюбленные. Мне этот город почему-то представляется умершим. Это тоже расплата за уничтожение «сорока сороков».

— Вы верите в Бога и не верите коммунистам?

— Я стараюсь придерживаться христианских заповедей потому, что они основаны на общечеловеческих ценностях. Что же касается коммунистов... Коммунистом был мой отец и мой брат, погибший на Курской дуге. Я глубоко уважаю веру этих людей, хотя сам никогда в партии не состоял. Рядовым коммунистам можно искренне посочувствовать. Они оказались еще более обманутыми, чем мы, беспартийные. Другое дело — партийные вожди. На их совести обман доверчивых.

— Сейчас никакой разговор о политике не обходится без споров о Горбачеве и Ельцине. Как вы к ним относитесь?

— О Горбачеве мне говорить трудно. Я не люблю судить людей. Горбачеву я верил. Да и сейчас считаю, что демократы должны приложить все силы, дабы склонить Михаила Сергеевича на свою сторону. Если он сам не способен проводить реформы, то пусть хоть не мешает проводить реформы другим.

Как политику я, конечно, больше симпатизирую Ельцину. Но у него есть один недостаток, слабость — это исключительная честность и порядочность.

— Вы считаете безнравственностью достоинством политика?

— Конечно же, нет. Ельцин предлагает порядочность в каждом человеке, с которым он вступает в переговоры. И действует в соответствии со своими представлениями о порядочности. К сожалению, его оппоненты строят свою политику нередко на иных моральных принципах. Кажется, Талейран сказал, что язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли. Этот афоризм очень точно характеризует прошлую и нынешнюю политику многих правителей, привыкших одно говорить, а другое делать. Традиционный разлад между словом и делом приводил ко многим конфликтам и войнам. Мне кажется, что хитрость, изворотливость перестают играть в политике ведущие роли. Приходит время нравственной политики, не допускающей никакого жульничества. Цели, методы, сроки объявляются открыто. Прежде чем действовать, политик честно заручается поддержкой общественного мнения. Такую политику, к примеру, недавно продемонстрировал президент США Буш во время кризиса в Персидском заливе. К нравственной политике тяготеет и Ельцин.

— Возрождение России вы связываете с возрождением в человеке свободы, совести, нравственности. Что же мешает этому процессу и как его ускорить?

— Мне представляется, что честность вырабатывается в человеке, как адреналин. Когда мы воспринимаем ложь и несправедливость, наше сознание как бы начинает вырабатывать гормоны честности. Это естественная защитная реакция организма. Гласность и свобода слова нас преобразили. Мы перестали быть равнодушными к происходящему. Мы начали остро чувствовать любую фальшь. Так что возрождение нравственности у нас уже началось.

— Но возрождение это легко приостановить. Помните, как «обмолвился» наш президент, упомянув закон о печати?

— Был такой известный ученый Лоуренс. Так вот, он доказывал, что здоровая клетка, теряя информационную связь с организмом, превращается в раковую. Я думаю, что человеческая цивилизация располагает достаточным информационным потенциалом, чтобы больше не допускать появления на планете раковых государств. Это слишком опасно для всего мира.

Беседа вел Юрий БЫЧКОВ

Илья ЗАСЛАВСКИЙ,
народный депутат СССР

КОММУНИЗМ? ЭТО ОПАСНО!

Фото Ю.Шуккина

Мне кажется, что любая объективность подразумевает наличие позиции по отношению к добру и злу. В нашем обществе абсолютным злом, без доли процента добра, является, без сомнения, коммунистическая идеология и коммунистическая партия. Партия эта на протяжении десятилетий систематически нарушала принципы человеческой морали: «Не убий... Не укради...» Люди истреблялись миллионами, какие уж там заповеди! Их постоянно и беззастенчиво обирали: последний пример — недавняя денежная реформа.

На протяжении всех этих десятилетий коммунистическая идеология старалась выдвигать «объективное» мнение о себе, откреститься от отождествления себя со стопроцентным злом. Утверждалось, что есть коммунисты хорошие, а есть коммунисты плохие. И каждый кивал на соседа или на прошлое. Хрущев на Сталина, Брежнев на Хрущева, Горбачев на Брежнева, все дружно кивали на албанский режим и на кровавый режим в Пномпене. Но именно сейчас весь мировой опыт показал — никогда и нигде хорошей коммунистической партии у власти не было. Там, где они правили, всегда нарушались нравственные заповеди, совершались преступления.

Коммунистическая идеология изначально узаконивала нарушение заповедей, отвергая экономические принципы развития общества, опираясь на внеэкономическое принуждение, а стало быть — на воровство, убийства и репрессии. Последняя попытка построить «гуманный социализм» была предпринята в нашей стране, и несколько лет создавался миф о хороших коммунистах, миф о возможности улучшения социализма. Миф этот был сладок, и его слушали, потому что никто не хочет верить в то, что впереди долгий и нера-

достный путь испытаний. Всем хочется верить, что все хорошее и светлое наступит завтра. Но ведь завтра коммунистическая партия не разведется, как дым. А значит, люди вынуждены были убеждать себя, что КПСС сможет стать хорошей. Люди закрывали глаза, когда проливалась кровь то в Тбилиси, то в Баку.

Теперь, когда произошли трагические события в Прибалтике, невозможно уже обманывать себя, как прежде, когда искали случайные обстоятельства — местное руководство допустило ошибки, якобы Лигачев позвонил не тому, кому надо, и т.д. Стало уже всем очевидно — это линия коммунистического руководства, что все это не могло произойти и не происходило без ведома коммунистов. Именно они в очередной раз ответственны за пролитую кровь, уже в период «социализма с человеческим лицом», а значит, хороших коммунистических режимов просто не бывает. Это не абстрактная теория, это экспериментально доказанный факт, и с этим фактом надо считаться.

Таким образом, мы приходим к понятию антикоммунизма не как к понятию какого-то идеологического течения, противостоящего коммунизму, как пытаются часто изобразить, а как к некоей системе критериев, проповедующей добро и отрицающей зло. Совершенно не обязательно думать, что антикоммунизм — это какое-то направление, утверждающее некие свои конкретные концепции взамен коммунистических, так же, как антифашизм — чрезвычайно общее течение философской мысли. Так же как и антифашистами, антикоммунистами могут быть и социал-демократы, и консерваторы, любые порядочные люди.

Очень часто задают вопрос: «Ведь фашисты тоже были антикоммунистами? Как же так?» И нередко на этом пытаются играть сторонники

Сейчас очень модно говорить об объективности прессы. Причем под объективностью часто подразумевают отсутствие позиции. Мы вообще живем в обществе ненормальном, о котором говорят, что оно стоит на голове, хотя, на мой взгляд, это сказано слишком просто. И у нас многие слова имеют другой смысл, не тот, который подразумевает любой нормальный человек.

Что, например, может цивилизованный человек иметь против объективности? Но ведь идеологи правящей до сих пор коммунистической партии требуют от прессы, под соусом объективности, уравнивания таких понятий, как добро и зло. Они требуют не называть добро добром, зло — злом, Христа — Христом, а лукавого — лукавым. Они предлагают расплывчато говорить: «Есть такое явление, а есть другое. И все это хорошо в рамках плюрализма». И вот с такой «коммунистической объективностью» я не согласен. Раньше была «арийская физика», «социалистическая генетика». Теперь появилась «коммунистическая объективность».

коммунистической идеологии, отождествляя антикоммунистов с фашистами. И вот здесь надо очень четко сформулировать: антикоммунизм — условие для нормальной партии, для нормального движения необходимое, но далеко не достаточное, потому что любое объединение против зла совершенно не означает, что это объединение несет в себе элементы добра. Точно так же антифашизм не означает сам по себе, что его носители — хорошие люди и что эти люди глубоко порядочные. Сталин ведь тоже был одним из лидеров антифашистской коалиции.

С коммунизмом необходимо бороться, и важно определить сами методы борьбы. Эти методы ни в коей мере не должны базироваться на насилии. Иногда говорят, что если вас собираются убить, то и защищаться не надо. Но всякий нормальный человек защищаться будет, это его право, если эта защита не выходит за рамки самообороны.

Идеологи коммунизма часто используют довольно ловкий ход. Они утверждают, что антикоммунисты имеют цель — физическое истребление 18 миллионов рядовых членов КПСС, тем самым они как бы преподносят массовому сознанию идею о заложниках диктатуры парт-аппарата. Этими заложниками, по замыслу коммунистических идеологов, должны стать все рядовые члены КПСС.

На самом деле антикоммунисты ни в коей мере не ставят своей задачей уничтожение своих идеологических противников, чего, кстати, нельзя сказать о самих коммунистах. Ведь репрессии против негодных — это именно их изобретение, и многомиллионные жертвы навсегда останутся на их совести. В партии, я считаю, очень много честных людей. Как они

туда попали? Да очень просто: вступление в КПСС долгие годы было непрерывным условием реализации себя в социальном плане. Другой путь — это мафия и диссидентство. Многие люди были слишком порядочны, чтобы уйти в мафию, и не настолько герои, чтобы стать диссидентами. Поэтому грешно укорять тех людей, которые выбрали третий путь самореализации — КПСС. И грешно вешать на них все преступления системы, хотя, безусловно, среди этих 18 миллионов есть конкретные люди, ответственные за преступления против народа.

Сейчас у нас появилась свобода выбора, и человек волен вступить в любую партию, и скоро, вероятно, можно будет спросить у коммуниста, почему он является членом партии, совершающей преступления. Но это — в перспективе. Чтобы это стало реальностью, требуется огромная, кропотливая работа. Работа индивидуальная, чисто человеческая, ведь многим коммунистам просто тяжело морально выйти из рядов КПСС. Вспомним, в какое время они туда вступали и какое время мы переживаем сейчас. Но повторяю, единственный способ борьбы с коммунистической идеологией — ненасильственный способ. Надо людям помочь прийти к осознанию того, что далее пребывать в этой партии аморально.

Иногда наших советских антикоммунистов пытаются обвинить в том, что они гораздо нетерпимее к коммунистам, чем западная интеллигенция. В самом деле, западная интеллигенция — достаточно левая и зачастую очень терпимо относится как к своим собственным коммунистическим партиям, так и к коммунистическим режимам. Причем это относится не только к «красной профессуре», но и к тем, кого коммунистическая про-

паганда клеймила как «антисоветчиков». Стивен Коэн, услышав про залпы армии по народу в Вильнюсе, не придумал лучшего комментария, чем: «Вот аргумент против тех радикалов, которые не поддерживали линию Горбачева. Если бы его вовремя поддержали, подставили плечо его нынешние противники, то никакого бы насилия не произошло».

И эти слова принадлежат человеку, который во все времена считался ярким антисоветчиком! Чего уж говорить о более левых представителях интеллигенции.

Откуда же берутся корни этого явления? Кто создал миф о Советском Союзе во главе с Горбачевым как о самом демократическом государстве? Этот миф был одной из главных заслуг нашего МИДа во главе с Шеварднадзе. Фигура эта весьма противоречивая, и, кто знает, когда он уходил в отставку, не было ли среди других причин и такого побудительного мотива, как досада хорошего специалиста. Профессионал добился очевидных результатов по созданию облика СССР, не соответствующего реальности, а этот облик вдруг собираются столь бездарно разрушить его коллеги по кабинету Крючков и Язов. Хотя это, конечно, всего-навсего гипотеза.

Антикоммунизм, я уверен, будет привлекать все новых сторонников, обретать черты массового движения, несмотря на то, что сейчас развернута крупномасштабная кампания против антикоммунистов. Их пытаются уговаривать, запугивать, компрометировать. А там, где это не удается, начинается откровенная травля честных людей. И, как всегда, инициатором и исполнителем этой акции выступает КПСС.

Записал М.МАСЛОВ

INTERGRIERTE INFORMATIONSSYSTEME GmbH
O-8010, Dresden, Leningraden Strasse, 15

фирма
«ИНТЕГРИРОВАННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ»
авторизованный дистрибьютер фирмы DEC — Диджитал
Эквипмент Корпорейшн

предлагает

СИСТЕМЫ под ключ на основе VAX* и PDP*

и

ПАКЕТЫ ПРИКЛАДНЫХ ПРОГРАММ, например:

SCOUT* — система управления производственными процессами,
ALL-in-1* — «все в одном» — автоматизированное бюро,
AutoCAD* — АРМ для конструктора и архитектора.

У Вас есть Системы на базе СМ ЭВМ?

Фирма IIS обновляет и модернизирует Ваши системы.

У Вас есть Системы на базе VAX?

Фирма IIS вместе со своими советскими партнерами предоставит Вам запчасти, услуги по техобслуживанию, возможность модернизации и современное программное обеспечение.

Обращайтесь к нашим советским партнерам — в фирму «ZELAX».
103575, Зеленоград, корп.923, ЗЕЛАКС
Телефон: 530-10-01 Телефакс: 531-73-23

* VAX, PDP, ALL-in-1 — зарегистрированные товарные знаки
фирмы Диджитал Эквипмент Корпорейшн;
SCOUT — зарегистрированный товарный знак фирмы Датанорм;
AutoCAD — зарегистрированный товарный знак фирмы Автодеск.

Иван СИЛАЧЕВ

«СОЦИАЛИЗМ С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ — ЭТО СЛОВОБЛУДИЕ!» —

заявил Иван Кузьмич Полозков военным морякам

Года два назад, в самом разгаре внедрения в нашу политическую жизнь сплошной демократии, мне довелось побывать в одной веселой компании морских офицеров. Сидели в квартире старинного московского дома, пили, извините за выражение, самогон, который непрерывной струей выдавал на кухне агрегат, изготовленный морскими умельцами из лучших сортов нержавеющей стали и латуни. Судя по отсутствию запахов, непременно сопутствующих винокурению, материалы на флот поступают качественные — герметичность оборудования была на высоте. Но это — к слову.

В таких компаниях главной темой застольных разговоров была, естественно, политика. В то время «Огонек» только-только подступался к армейской тематике, мысль о деполитизации армии была еще жутко крамольной, поскольку в партии, по словам ее Генсека, «шли процессы демократизации», внушалась надежда, что вот-вот она перестроится и предстанет перед народом помолодшей (до уровня 18-го года, очевидно) и с абсолютно человеческим лицом. И все в это искренне и безоблачно верили. Так что о партии разговоров не было.

А вот о политике... Как раз в то время М.С.Горбачев внедрял в мировое сознание идеи «нового мышления», горяча пообещал сокращение вооруженных сил, а только что завершившаяся XIX партконференция уже вплотную подступилась к ВПК.

Мужики в черных погонах с крупными звездами, разливая самогон, грозили кулаком в сторону Кремля: «Зря он армию тронул! Не знает, с кем имеет дело! А нас куда? Да мы... Мы такие... Мы такое можем...»

Я пытался спросить: ну что они могут? Выйти на «Тайфуне» из северной бухты в море и дать залп с одного бор-

та — по Москве, Саратову, Вологде? В конце концов один вконец обесилевший от беготни к змевику «капраз» сказал: «А что? Узнаете, что мы такое...» И заснул. На бильярдном столе.

Тогда было смешно. Бравый подводник в обнимку с кием — это впечатляло.

А смех был неуместен, если вдуматься. Это стало ясно после того, как военный истеблишмент сначала перешел в активную оборону, а затем, вконец разобидевшись, после тщательной рекогносцировки на политическом театре военных действий и внедрения во все выборные структуры власти (народ и партия едины!) поднялся в атаку. В обнимку с Иваном Кузьмичом.

Тут надо отдать российскому Персеку должное: он за чужие спины не прячется, ни принципов, ни взглядов своих не скрывает, грудью идет на бумажные стрелы всяких там «Огоньков», «Курантов» и «Мегаполисов». И не поймешь, то ли безудержной храбрости человек, то ли фаталист, поднявшийся в последний и решительный.

Полозков опасен тем, что он играет на серости, его призыв «Долой реставраторов капитализма!» звучит так, что слушатели немедленно начинают вертеть головами в поисках этих самых «реставраторов»...

Мне довелось слушать его в разных аудиториях. Реакция на него тоже разная, от презрительно-брезгливого внимания до вдохновенного впитывания любой дезинформации, которой частенько грешит Персек.

Тем более любопытно было взглянуть на его общение с военными — людьми, традиционно образованными, к любому гражданскому начальству относящимися отстраненно-лояльно, не более того.

А тут — отчетно-выборная партконференция Северного флота, куда и был приглашен Иван Кузьмич. (Кроме того, он в течение четырех дней побывал в нескольких населенных пунктах Мурманской области и — как мы там писали раньше? — «встречался с труженниками сельского хозяйства, металлургической и рыбной промышленности, представителями партийно-хозяйственного актива области».)

ИТАК, СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ. Дом офицеров в городе Североморске. В зале — делегаты, на улице — стройный ряд «калош» (машины такие, черные снаружи, красные внутри). Разъезжал И.К.Полозков по области, как в старые недобрые времена: выставлялись посты ГАИ, гаишники, посмеиваясь промеж собой, прижимали к кюветам мешавший проезду гостя транспорт... Для сопровождавшей Кузьмича свиты и тесного круга журналистов были отпечатаны пропуска с красными буквами по диагонали: «всюду»...

Началась партконференция. Мне всегда нравились подобные мероприятия у военных: поминутная расплывчатость действия, четкое следование регламенту. Всегда знаешь, когда на первый перекур пойдешь, когда выборы закончатся, когда первую рюмку опрокинешь.

Но времена-то другие! Со всех партийных трибун — «обновление», «приоритет первички», «развитие партийной демократии, гласности, критики и самокритики». Эти выражения есть и в тексте постановления партконференции, отпечатанном дня за три до ее начала. Точно так же, на отличной бумаге отпечатаны были списки всяческих выборных органов (которые затем избраны были непосредственно на партконференции). Работа была проделана не зря,

никаких поправок и дописок в эти документы вносить не пришлось.

Только и разговоров, что о реформе в армии. И политорганы вот преобразованы — в политико-воспитательные. (Кадры, правда, остались те же, но это так, моя мелкая придирка.)

О чем шел разговор в выступлениях боевых партийцев? Ясное дело, о чем, скажет просвещенный читатель, — о боевой подготовке, об искоренении дедовщины, социально-бытовых условиях офицерских семей, о нарушениях дисциплины коммунистами флота, об организации более-менее полноценного досуга личного состава, о культуре...

Ан нет!

«Антикоммунистические силы предпринимают все усилия... Ведут нападки на важнейшие институты государства, игнорируют Конституцию СССР. Отчетливо видно стремление псевдодемократов под прикрытием плюрализма мнений (прости им, господа, их грамотность! — И.С.) посеять недоверие народа к своей армии...» (Из постановления конференции.)

«Политические силы всех мастей... Непомерные политические амбиции... (непомерные — в сравнении с чем, интересно? — И.С.) Проникают на корабли и подразделения... рвущиеся к власти, а кое-где и взявшие ее преследуют антинародные цели... рано или поздно мы должны встать под чью-то знамена...» (Из доклада начальника Военно-политического управления, вице-адмирала А.Г.Селиванова.)

«На политическую арену вышли деструктивные, подрывные силы, которые зовут к капитализму... Действуют они не без помощи с Запада». (Из речи командира базы подлодок.)

Дальше фамилии и звания записывать не стал, поскольку все говорили об одном и том же, будто одной рукой речи писаны: «Твердость и бескомпромиссность вашей позиции, Иван Кузьмич, поможет нам выстоять... (против чего, интересно?) Мы умалчиваем об антикоммунистической сущности Собчака, Травкина, а они, к сожалению, способны собрать сотни людей, а к нам не хотят прислушаться... От наших же жен слышим — зачем, мол, нам такой Союз (зря не слушают жен, ой, зря! — И.С.). Иван Кузьмич, в нас вы можете не сомневаться — надо наступать по всему фронту...»

Достаточно?

В ПЕРЕРЫВЕ В КУРИЛКЕ морской летчик — генерал с досадой говорил приятелю-подводнику:

— О чем эта трескотня? И так уже самолеты не летают, корабли не плавают, лодки не всплывают. А мы все, понимаешь, чертей под лавкой ищем. Профессионалы нужны — у каждого пульта, у каждого ствола! Вот главное!

Лучше не скажешь. На флоте в 2,4 раза возросло число преступлений, совершаемых коммунистами. За год 29 человек покончили жизнь самоубийством — рядовые, мичманы, лейтенанты. За 2 месяца 460 коммунистов вышли из партии.

Трех этих примеров должно бы хватить на трехдневный аналитический семинар что, как, почему? Почему стреляется лейтенант, вешается рядовой? В чем причина ухода из партии? Может, прозрел человек, а может, обижен кем — спросил кто-нибудь? Разве не в этом состоит смысл политико-воспитательной работы? Кто виноват во всем этом бардаке? Кто виноват — Ельцин и Собчак?

...И тут вышел Иван Кузьмич. Весь в строгом темном. Привычно взошел на трибуну.

Выступление его было строгим и удивительным.

Сначала, естественно, речь шла о том, какую замечательно-спасительную роль играет РКП в обществе, какими стройными рядами идет за ней рабочий класс (шахтерские забастовки уже шли вовсю!) и затем:

«Все это наложило друг на друга...» (Неважно, кто на кого наложил, однако — стиль!)

«Миллион и 800 тысяч коммунистов вышли из партии. Но 108 тысяч приняты в ее ряды!» (Сказано с большой гордостью, хотя и не уточнено, сколько «невыхедших» коммунистов попросту не платят взносы. К тому же сегодня, когда прием в партию происходит практически явочным порядком, гордиться сотней тысяч новобранцев не следовало бы. Да и куда, скажем, деваться офицеру, который, как и любой солдат, «носит в ранце маршальский жезл»? Без партбилета и «протяжки» через все партийно-политические структуры не видать ему ни академии, ни карьеры. Вот и вступают в «ряды».)

«Программа «500 дней» — это авантюра, популизм чистой воды. Там нет ничего серьезного. Она всегонавсего направлена на то, чтобы отнять и разделить!» (Вот здесь я полностью признаю: прав Персек на 300

процентов. Эта программа должна была отнять. Отнять, наконец, у партхозаппарата то, что ему не принадлежит и не им создано: средства производства, а вместе с ними и политическую власть. Разделить — народное, руками поколений созданное богатство в виде заводов, фабрик, распаханых земель, разделить и раздать толковым, головастым, предприимчивым людям и коллективам, которые способны восстановить то, что уже развалено, да и приумножить тоже.)

«Эта программа не укладывается ни в какие научные рамки... Это пучина непродуманных экспериментов над народом». (Здесь бы ему изложить свою, строжайше научную программу — ан нет.)

Затем Иван Кузьмич пострашал боевых офицеров наступлением зря технотронных войн, к которым мы не готовы, перспективной стать сырьевым придатком транснациональных корпораций, попенял, заикаясь от гнева, газете «Известия», посмеявшей пером Отто Лациса вступить в полемику с ним, Персеком российским. И вдруг:

«Перестройку партии надо было начинать не с демократизации! Это демагогия. Надо вернуть в партию товарищество». (Честно признаюсь: я попытался расшифровать этот пассаж с ходу. Не вышло. Посмотрел материалы последнего съезда КПСС. Там — сплошная демократизация. Выходит, Кузьмич супротив решений съезда партии, частью которого является РКП? Или — чур, чур! — он, как Ленин когда-то, решил размежеваться с этими несознательными союзными партийцами? А вот термин «товарищество» я в политологических текстах встретил впервые.)

Дальше пошло нечто совсем фантастическое.

«Социализм с человеческим лицом — это словоблудие!» (Все, спесья Кузьмич, подумал я.) А он дальше: «Ну, давайте не называть это социализмом!»

Давайте, в самом деле, — мысленно поддержал я его. Все равно никто не знает, что это такое. И тут же — ответ на мои размышления: «Для нас, коммунистов России, социализм (ну-ка, ну-ка, может, услышу, наконец, что это такое? Кого ни спросишь — мычат или ругаются почему зря) — это рост национального дохода за счет ускорения научно-технического прогресса. Вопрос лишь в том, как идти к этому...» (Комментировать эти

На демонстрацию

Фото В.Усманова

строки мне, с моими тройками в дипломном вкладыше по политэкономии социализма и научному коммунизму, как-то не пристало. Зато теперь я знаю, что такое социализм. Это — рост национального дохода плюс станкостроение всей страны.)

Много еще чего говорил Иван Кузьмич. Демократические Советы — последнее прибежище негодяев. Нерегулируемого рынка не бывает. Проект российской Конституции насквозь реакционный, ведет к диктатуре.

И, наконец, ягодки:

«Да, они нас обошли. Но смотрите — Япония какую эффективную жесткую командно-административную систему отстроила — Сталину такая и не снилась!»

«Нам надо заставить экономическими методами прежде всего. Ну и экономическими, правовыми...»

КТО-ТО МОЖЕТ ПОДУМАТЬ, что автор, описывая все это, решил заочно поехидничать над простоватым Персеком. Совсем нет. Не надо забывать, где все действие происходило. В столице Северного флота — вот в чем дело. Да, в перерыве офицеры разводили руками — мол, дает Кузьмич! А сами перед этим единодушно

голосовали за реформу: то есть теперь к военно-политическому управлению добавляется еще и партком штатными работниками. Через такой двойной заслон «запроданцу-демократу» и в самом деле пробиваться будет затруднительно...

А ведь многие, пожалуй, и в самом деле могут поверить, что экономику можно «застабиллизировать» политическими методами! А еще и в то, что, по словам Полозкова, успехи концерна «Тойота» полностью зиждутся на жестком планировании...

Один из двух кандидатов на должность секретаря флотского парткома развил любопытный тезис об «интеллигентиках», к которым причислил одного известного поэта, лауреата всех премий, который «льет грязь на социализм», и — об истинных интеллигентах, в ряды которых в качестве примера зачислил свою неграмотную бабу, которая «не лила грязь ни на Ленина, ни на Сталина, а учила добру». (Как тут не вспомнить и дедушку Горбачева, сделавшего в свое время социалистический выбор.) Но в целом майор мне понравился. Второй кандидат на партийный пост выглядел на его фоне настолько невразумительно, что сразу стало ясно — его не изберут в секретари.

Ничего подобного!

Избрали как раз вот этого, невразумительного. Разгадка проста. Он по должности — зам. начальника политуправления. И в звании на два порядка выше. Такова демократия военная, что поделаться.

Потом Иван Кузьмич отвечал на вопросы. Я вышел из зала покурить. И хотелось есть — на обед была чашка бульона с горстью жаркого. Мимо прошла буфетчица — из комнаты президиума. На подносе — пустые бокалы, недоеденные свежие помидоры, апельсиновая кожура. Жизнь продолжается...

Пусть кинут в меня камень: окаял, очернил флот. Да при чем здесь флот? Что такое флот — я знаю. На кораблях бывал, в море вместе в военморами болтался, в офицерских бараках ночевал, с военными моряками дружил и дружу. Но — больно смотреть, как шуршат никчемными партийными бумажками люди в черных с золотом мундирах. Как смиренно выслушивают политико-экономическую чушь из уст АНТех и демократоборца, Персека российского. Как ловят идеологических чертей под лавкой вместо того, чтобы заниматься главным своим делом — содержать в боевой готовности вверенный им нами, налогоплательщиками, флот...

ПОЧЕМУ МОЛЧАТ ВОЕННЫЕ?

Михаил Пустобаев, бывший майор ВВС, уволенный из армии за 4 месяца до пенсии за дискредитацию звания советского офицера, размышляет о политической активности и социальной защищенности военнослужащих.

12 октября 1990 года в программе «Взгляд» майор ВВС Пустобаев рассказал о перемещениях войск под Москвой, в которых принимало участие и его подразделение, дислоцированное в Пскове, и истолковал их как подготовку военного переворота. После этого майор вынужден был дать объяснения высшему военному руководству и в прессе. В ответ на участие псковского десанта в литовских событиях Пустобаев подал рапорт, в котором выразил протест в связи с применением армии против мирного населения в политических целях, отказался от своих медалей и потребовал отставки министра обороны. 19 марта майор был уволен из ВВС за дискредитацию звания советского офицера, полностью лишен средств для обеспечения себя, двоих детей и неработающей по состоянию здоровья жены.

— В последние два—три месяца высшее и среднее военное командование на митингах, коммунистических партконференциях и в выступлениях по телевидению демонстрирует завидное единство. Упорно создается впечатление единой монолитной военной силы, стоящей на страже президентского Союза и социализма.

— Разумеется, единство это дутое. Армия разделена прежде всего по социальному признаку на две неравные группы или касты. В этом я еще раз убедился, когда после моего выступления во «Взгляде» вынужден был объясняться с высшими и военными чиновниками вплоть до маршала Язова.

Все они, не сговариваясь, вполне искренне говорили мне буквально одно и то же: «Что ж ты, парень, чернишь нашу армию. Я, когда в нее попал впервые, каша наелся досыта и оделся. Армия тебе все дала, а ты...»

В сущности, я их прекрасно понимаю. Когда они шли в армию, быть одетым и сытым значило не так уж мало. С годами и чинами эта социальная защита для них росла и крепла, и сегодня она у них на том уровне, которому может позавидовать и подпольный советский миллионер. Поэтому мы с ними просто говорим на разных языках.

Мое поколение шло в армию больше по романтическим соображениям — ведь по уровню социальной защищенности младшее и среднее офицерство уже в семидесятые годы мало отличалось, а то и проигрывало другим социальным группам. Афганская война, последние события, да и просто житейский опыт романтику нашу сильно подорвали. В социальном же плане мы оказались на том уровне, к которому стремился маршал Язов, поступая на службу, — с голоду не умираем. И только.

Парадокс, что я вообще смог говорить о чем-то с генералами. Был допущен к ним и смог убедиться сам, что мы говорим и думаем по-разному. После литовских событий и моего рапорта я был вызван к генерал-майору Акимову. Я ему говорю — преступление посылать армию против народа. А он спрашивает: «Против какого народа? В Литве не наш народ...»

— Романтические идеалы разрушены, социальное положение на грани бедствия... Получается, что

советский офицер — человек, которому терять нечего. Отчего же он столь безголос и покорен? Может быть, срабатывает коммунистическая пропаганда?

— Ну, коммунистическая пропаганда... Вы бы видели, как это делается, как смешно и нелепо. Когда началась перестройка, я служил в Забайкалье. Там на политзанятиях между разговором о том, что каждому надо перестраиваться, и сообщениями, что наша часть уже перестроилась, прошло совсем немного времени. Потом вдруг новое указание — перестройку надо углублять и расширять. И на занятиях задолбили — с этим делом торопиться не надо, теперь каждый должен углублять и расширять...

Оценка событий — только по «Правде» и «Красной звезде». Когда в «Комсомолке» стали правду об армии писать, замполиты сдуру ссылались на эти публикации, но очень скоро и «Комсомолка» попала в разряд «позволяющих себе» и «очерняющих»... В разговорах между собой в оценках событий офицеры не очень-то блуждают. Когда я показал номер «Столицы» с выдержками из речей Язова, где он признается, что не знает, что такое общечеловеческие ценности, все были возмущены.

А вот правовая защищенность и социальное положение военнослужащих — дело другое. Здесь мы все просто как заложники, причем за проступок и выраженную позицию можем заплатить буквально жизнью своей и близких.

— Не слишком ли сильно сказано?

— Так оно и есть. Отказ от выполнения приказа — трибунал, и жизни у тебя и твоих близких уже не будет. А между тем во всех цивилизованных странах мира существует понятие преступного приказа, наносящего ущерб государству, оскорбляющего достоинство военнослужащего. Выполняя такой приказ, ты становишься соучастником преступления и просто обязан отказаться. Однако в наших законах подобные положения не разработаны, а правовая защищенность

и юридическая грамотность военнослужащих равны нулю. В этой сфере царят невежество и произвол. Большинство не знает и не интересуется своими правами, понимая, что как начальству выгоднее, так оно всегда повернуть сумеет. И в общем-то большинство право.

Апофеозом «военного правосудия» по моему делу стало решение «суда чести», по которому я уволился из рядов Вооруженных Сил за проступки, коих не совершал. Я не согласился с решением суда, подал жалобу, но она не была принята во внимание. Аттестационная комиссия отменила решение суда, но на ней прозвучало другое обвинение, которое меня просто поразило. Оказывается, я виноват в том, что, «хорошо зная законы и порядок службы, умышленно не подсказал председательствующему на «суде чести» о нарушении им закона во время ведения дела, желая впоследствии выставить суд в дурном свете и тем самым в очередной раз дискредитировать армию». На этом основании аттестационная комиссия приняла решение о моем увольнении.

Теперь о социальной защищенности военнослужащих. В нашей стране тотальной зависимости человека от государства мало кто может сравниться по бесправному положению с офицером Советской Армии. Тот, кто просто высказывает свое мнение, рискует всем. Замеченные в дружеских контактах с таким смутьяном, как я, мгновенно были предупреждены и о грядущей прибавке к жалованью и об очереди на квартиру — мол, всего этого запросто можно лишиться. А ведь в нашей части пятьсот человек стоит в очереди на квартиру. Квартир выделяется по двадцать в год. Ты можешь получить жилье через двадцать лет, а можешь и вовсе не получить и быть уволенным в запас не только без средств к существова-

нию, но и без жилья. В буквальном смысле слова оказаться с семьей на улице. Что при развернувшейся кампании «сокращения численности Вооруженных Сил» вполне вероятно и очень даже просто.

— Но ведь представители других социальных групп — рабочие и служащие, например, тоже рискуют, отстаивая свои политические убеждения. Однако силы оппозиции здесь все более укрепляются.

— Дело в том, что ни их положение, ни даже положение работников суда, правоохранительных органов и самого КГБ не сравнится с положением служащего в СА.

Развитие политического плюрализма стало возможным на фоне судьбы таких людей, как Ельцин, Гдлян, Афанасьев, Калугин. Потому что на их примере люди видели — можно идти против коммунистов и власть имущих и при этом остаться непобежденным. Ельцин вообще не покидал руководящих постов, Афанасьев остался ректором после выхода из КПСС, Калугин, даже если бы не стал депутатом, мог бы спокойно зарабатывать на жизнь написанием книг. Вместе с тем каждый мог убедиться, что и на более нижних этажах системы, по мере создания альтернативных экономических и политических структур, уничтожить социально человека за его позицию и убеждения не так просто.

Если ты прав и тебя выгнали с работы за критику — тебя восстановит суд. Если суд несправедлив — тебе помогут активисты твоей партии и демократы в Советах. Есть альтернативная экономика, где с тебя не потребуют заполнения анкеты с пунктом о партийности.

Но кому, спрашивается, нужен бывший командир мотострелковой роты? Большинство воинских специальностей никогда не потребуются для альтернативных экономических

структур. Для переучивания нужно время. А где взять средства на содержание семьи? Вот и поддерживаем кого угодно гробовым молчанием под нарисованными политорганами лозунгами на митингах и партконференциях. А что делать?

— В самом деле — что?

— Считать, что с нищими и бесправными людьми в армии спокойнее, могут только очень недалёковидные политики. Полагать, будто кадровые военные в конце XX века будут гордиться тем, что в армии они одеты и не умирают от голоду, — безумие. В конце концов, это обычные люди с отнюдь не беспредельным терпением. Нормальные люди. Только вооруженные.

Военная реформа — не блажь демократов, которые якобы мечтают развалить армию. Это как раз армия разваливается и деградирует без важнейших реформ. Неужели непонятно, что только свободный и независимый политически и социально человек может гарантировать обороноспособность страны от ослабления, а ее мирных жителей — от насилия в политических целях.

Слагаемые военной реформы в принципе уже всем известны — деполитизация, демократизация отношений, с тем чтобы инициатива не была наказуема, создание иной системы социальных и материальных стимулов, в конце концов, создание нормальной профессиональной армии.

А начал бы я с того, что уже сегодня во всех военных училищах ввел дополнительный курс смежных гражданских специальностей. Чтобы человек в будущем мог чувствовать себя спокойно и уверенно. И плата за поступок по совести не была бы так высока. Иначе мы, возможно, будем узнавать все новые имена героев. А положение будет все трагичнее.

Беседу вел Владимир ЛУКИН

ДВА ГОДА МЫ ЯВЛЯЕМСЯ ЛИДЕРАМИ ЧАСТНОГО СЫСКА И ОХРАНЫ В СССР.

Все то, что дорого Вашему сердцу, сохранит, защитит, разыщет
детективная фирма «ЗАЩИТА-СЕРВИС ЛТД»

Наш адрес: Москва, гостиница «Севастополь-2», офис 418

Телефон: (8 095) 318-60-81

Телефакс: (8 095) 200-32-83

Телекс: 41-33-10

Фото В. Сварцевича

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ОГРАЖДЕНИИ

Надеемся, читатель не забыл об обращении 29 народных депутатов РСФСР, а также выступления некоторых наших избранников из союзного парламента, в которых они просили Президента оградить их от несносных попыток сограждан оказать давление на их неподкупную совесть, а заодно запретить митинги и собрания трудящихся. Результаты принятых мер, явно не-

конституционного характера, известны.

Поэтому автор, руководствуясь исключительно гуманными соображениями, решился предложить нашему парламенту принять нижеследующий проект Постановления. На его взгляд, оно исключит всякие превратные толкования Основного закона так называемыми демократами.

ПРОЕКТ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВС СССР

Идя навстречу пожеланиям народных депутатов и многочисленным просьбам трудящихся об исключении различных форм давления на парламентариев, а также в целях дальнейшего укрепления народолюбивости и связей граждан со своими избранниками, Верховный Совет СССР постановляет:

1. Признать приоритет писем и жалоб народных депутатов над аналогичными заявлениями избирателей, резолюциями санкционированных и несанкционированных митингов, требованиями забастовщиков и конструктивными предложениями деструктивных сил.

2. Выделить для плохо огражденных депутатов в качестве транспортных средств импортные инкассаторские машины за счет валютных ассигнований, предназначенных для закупки за границей товаров не первой необходимости (лекарств, продовольствия, одежды, обуви, белья и др.).

МВД СССР и КГБ СССР обеспечить сопровождение на БМП (боевых машинах пехоты), а командованию ВВС — вертолетное прикрытие с воздуха. В этих целях использовать технику, подлежащую уничтожению в связи с соглашениями по сокращению вооружений.

3. Для железнодорожного сообщения предоставить народным депутатам спальные места в бронепоездах, впереди которых пропускать противоминные платформы. Финансирование производить за счет средств, по-

лученных от пятипроцентного налога с продаж, а также средств из дополнительно вводимого десятипроцентного налога с покупок.

Для воздушных перевозок закупить в США самолеты-невидимки типа «Стэллс», дополнительно оборудовав их ракетонепробиваемой обшивкой.

4. Названную категорию депутатов в целях личной безопасности и ограждения снабдить бронезилями, бронекостюмами, броненосками и бронезащитными ондатровыми шапками.

Для звукоизоляции от влияний внешней среды применять беруши улучшенного типа.

5. На расстоянии пяти метров от кремлевской стены соорудить китайскую, используя территорию между ними в качестве терренкура для прогулок депутатов в перерыве между заседаниями.

6. Использовать в качестве зон отдыха для депутатов еще не обнаруженные комиссией ВС по привилегиям дачи и охотничьи домики вместе с охраной и обслуживанием. Означенные объекты после выхода депутатов на пенсию или истечения сроков полномочий передавать по просьбе Союза писателей СССР в частную собственность бывших законодателей по ценам, установленным для сараев перспективных деревьев.

7. В целях личной безопасности и во избежание морально-политического давления на депутатов их встречи с избирателями про-

водить исключительно по телефону, телеграфу, радио, телевидению и по почте. Корреспонденцию предварительно подвергать текстовой, бактериологической, химической, радиационной экспертизе и проверке на СПИД.

8. Квартиры и номера гостиных, в которых проживают депутаты, взять под охрану отрядов специального назначения. Городские телефоны в них отключить, заменив их на «вертушки».

9. Компетентным органам в строгом соответствии с Конституцией, отечественными и международными законами об охране прав и свобод граждан и их избирателей пресекать нежелательные контакты с избирателями, преследующими цель оказать давление на депутатов. В качестве пресекателей использовать демократизаторы предельной длины, саперные лопатки, дезодоранты типа «Черемуха», а в исключительных случаях — исключительно пули со смещенным центром тяжести.

10. Ответственность за выполнение данного Постановления возложить на компетентные органы, имеющие в своих структурах управления по соблюдению конституционных прав граждан, наблюдению за так называемыми демократами, охлократами, демороссами, просто россами и евреями, а также по борьбе с хорошо организованной преступностью.

11. Настоящее Постановление вступает в силу до обсуждения, до принятия и независимо от итогов раздельного голосования в палатах Союза, Национальностей, а также в Палате мер, весов и эталонного времени.

В порядке законодательной инициативы — Яков ШЕСТОПАЛ, избиратель

Москва

У ВНУКА ЛИГАЧЕВА ПОЯВИЛСЯ «КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ»

Егор Кузьмич Лигачев, помнится, в своих мемуарах с гордостью писал: внук-де учится в военном институте. Действительно, учится, и даже стал в последнее время знаменитостью. Имя Алексея Лигачева сейчас на устах у всех, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к Военному Краснознаменному институту МО СССР (в простонародье — Военный институт иностранных языков). Вот что сообщили здесь корреспонденту «Столицы»...

Комиссия Главного управления кадров Министерства обороны обнаружила: курсант военно-политического факультета Алексей Лигачев имеет две академические задолженности еще с зимней сессии. А ведь согласно приказу министра обороны курсанты-«хвостисты» подлежат отчислению в первый же день нового семестра. Строгая комиссия погрозила пальцем и дала указание «привести списки курсантов в соответствии с приказом министра». Привели. Несколько задолжников, включая Алексея, отчислили.

Пол-института поверили в перестройку. «Так просто эта история не кончится», — решила вторая половина. Скештики оказались правы.

Рассказывают, что спустя три дня начальника института и начальника третьего курса вызвал «на ковер» лично министр обороны СССР, Маршал Советского Союза, кавалер многих орденов Дмитрий Тимофеевич Язов. После душевного разговора у него в кабинете Алексея Лигачева восстановили в списках института.

Министр обороны, что и говорить, для солдата или курсанта — отец род-

ной. Не пожалел своих драгоценных минут, заступился. Жаль, не хватило времени, чтоб походатайствовать за остальных «хвостистов», отчисленных после злополучной проверки. Рейтинг Дмитрия Тимофеевича в этом случае поднялся бы до небес.

Руслан СТОЛИЧНЫЙ

Москва — Рязань ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, ЕГО... ЗАКРЫВАЮТ...

Генеральный директор столичного объединения «Гидропроект» Л.П. Михайлов издал приказ о том, что редакция многотиражной газеты «Гидротехник» подлежит ликвидации. Ее сотрудники объявлялись уволенными. Объяснение — «отсутствие дальнейшего финансирования со стороны администрации, партийной и профсоюзной организации».

Было бы наивно полагать, что объединение, которое ворочает миллионами, не нашло двадцати пяти тысяч рублей для своего издания, тем более, что рекламодатели согласились внести пятнадцать тысяч.

Подлинная причина закрытия газеты — в другом. В последнее время в многотиражке стали появляться материалы, нежелательные для руководства. Критиковались партийная организация и бюро социального развития, различные службы, главные специалисты. Каплей, переполнившей чашу терпения дирекции, стала публикация об образовании в «Гидропроекте» комитета «За демократическую Россию». Партком не пожалел терпеть, чтобы со страниц «своего» издания «пропагандировали» идеи политических противников.

В.МОРОЗОВ

...ИЛИ ОБВОРОВЫВАЮТ

Именно так поступили с городской газетой «Вечерняя Рязань», известной в области своим демократическим направлением.

События развивались следующим образом: первый секретарь обкома КПСС Леонид Хитрун, выступая по

радио, призывает «разобраться с газетенками горсовета», «Вечерка» публикует статью «Леонид Хитрун снимает белые перчатки» — на редакцию обрушивается ревизия контрольно-ревизионного управления. Спустя еще несколько дней облфинуправление снимает со счета газеты весь уставной фонд — 131 тысячу рублей (по закону никто не имеет права изымать его без санкции правоохранительных органов). Начальник облфинуправления Маргарита Шаврина заявила: списание бюджетных средств, не освоенных в течение года, производится автоматически (деньги были выделены для редакции за три дня до нового года).

Специалисты Министерства финансов РСФСР считают действия рязанских властей незаконными, но никто не спешит вернуть деньги ограбленной газете.

Впрочем, слухи о кончине «Вечерки» оказались преувеличенными. Опираясь на помощь читателей, газета выходит без срывов графика.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Нижегородская область ПАТРУЛЬ ВЫТЕСНИЛ МАФИЮ ИЗ РАЙЦЕНТРА?

Приказ министра внутренних дел СССР и министра обороны СССР о совместном патрулировании работников МВД и военнослужащими, как известно, касается лишь столиц и крупных городов. Творчески пересмыслив директивы Центра, Сергачский райсовет решил организовать совместный патруль в райцентре с населением около... 25 тысяч человек.

Все дело в том, что ни сергачская милиция (в патрульно-постовой службе всего шесть человек), ни недавно созданный рабочий отряд действия милиции не могут сладить со здешней «коза ностра». Да еще военные строители, появившиеся тут несколько месяцев назад, добавляют хлопот: то пьяные разгуливают по улицам, то машиной таранят забор. Что делать? Содержать милиционеров сверх штата? Отказались местные предприятия. Просить помощи? Неоткуда.

Изо всех зол райсовет выбрал самое дешевое: солдатам ведь платить

не надо, обмундирование и харчи у них — от министерства...

Первые недели совместного патрулирования дали неплохие результаты. За десять дней — всего три правонарушения. Теперь бы еще изыскать по патрулю для каждого села — и с преступностью все будет в ажуре.

Виктор МАЙОРОВ

Рязань

СТАЛИНА ПРИЮТИЛА... ЦЕРКОВЬ

Церковь села Кострово, что под Рязанью, в первые годы Советской власти разделила печальную участь многих других «культовых зданий» — стала складом. Такое ничем особенным не отмеченное прозябание длилось до наших дней, пока рабочие, навоя порядок, не обнаружили среди прочего хлама... внушительную скульптуру Иосифа Виссарионовича Сталина. За годы хранения на складе «отец народов» ничуть не пострадал — выглядит молодцом.

О местных руководителей того же сказать нельзя — Сталин задал им жару, как в былые времена. Что делать с монументом? Решили «до лучших времен» (интересно, до каких именно?) оставить «лучшего друга складских рабочих» там, где нашли.

Так и стоит он, невозмутимый, посреди оскверненной и загаженной его режимом церкви.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Ярославль

ГОТОВЯТСЯ К ПРЕЗИДЕНТСКОМУ ПРАВЛЕНИЮ...

Десятки людей, стоявших в очереди у магазина «Женская одежда», стали свидетелями операции, блестяще проведенной сотрудниками Кировского РОВД. Любопытного прохожего, заглянувшего в открытую дверь магазина в момент, когда оттуда выходил усиленный наряд, безо всякого повода атаковали бравые сержанты и рядовые милиции, используя при этом газовые баллончики. Женщины и старушки, решившие вступить за беднягу, были моментально разбросаны могучими руками, самых ретивых «обрабатывали» газом — за компанию.

Несколько возмущенных граждан отправились в отделение милиции. Впрочем, на то, что их показания дадут ход, надежды мало. В прошлом году сотрудники ГАИ ни за что ни про что избили резиновыми дубинками несовершеннолетнего студента-первокурсника, вскоре после этого семью выстрелили в упор был убит молодой человек, «угрожавший» милиционеру игрушечным пистолетом-зажигалкой. В обоих случаях «стражи порядка» остались безнаказанными.

Ярославцы недоумевают: то ли милиция все еще страдает рецидивами щелоковского «беспредела», то ли готовится принять на себя новые обязанности в случае введения прямого президентского правления.

Сергей КИСЕЛЕВ

Самарская область

НЕ ДАЛИ «ДОГУЛЯТЬ»

Застолье, организованное директором мясокомбината города Чапаевска З.А. Абдурахмановым, было в самом разгаре, когда нагрянули работники ОБХСС. Блюстители закона имели удовольствие познакомиться с собутыльниками гостеприимного директора — заместителем начальника областного объединения «Агропромтранс» В.М.Обуховым, генеральным директором городской агрофирмы А.Е. Кириченко, директором арендного предприятия облпотребсоюза А.А.Аюповым, директором совхоза имени Ленина Ф.А. Куликовым. Роль «свадебного генерала» выполнял бывший секретарь Чапаевского горкома КПСС, а ныне — председатель федерации профсоюзных организаций Самарской области, член бюро обкома КПСС В.Е. Долгов. Последнего удалось извлечь из кабинета директора мясокомбината, лишь взломав дверь.

Профессиональный интерес работников ОБХСС был сполна удовлетворен: в самых неожиданных местах обнаружили запасы осетровой икры, отрезы отличной шерстяной ткани, а в кабинете главного инженера — палки копченой и вареной колбасы.

Ткань и икру, очевидно, сюда подвозят «гости». А колбасу берегут для них на мясокомбинате в знак благодарности. Неясно только, чем расплачивается с хозяином член бюро обкома партии. Может, последними директивами ЦК?

Надежда ОЛЬШЕВСКАЯ

Рисовал В.Иванов

Осколки собирал Кирилл РЫБАК
Наш телефон: 921-52-78

Фото А.Соловьёва

БЕЛЫЙ НОСОРОГ

ЖИЛ, ЖИВ, И БУДЕТ...

...Материал не получался.

Сначала у меня появились совершенно достоверные сведения, что Мавзолей Ленина попал в декабре прошлого года (вместе с Кремлем и Красной площадью) в «Список всемирного наследия» ЮНЕСКО. Вырисовывалась замечательная ирония в адрес ООН. Потом в ходе расследования выяснилось: Мавзолей исключен. Что предполагало саркастическую усмешку в иную сторону.

Оказалось: ни то ни другое. ЮНЕСКО поступила умнее. Как? Для этого мне придется рассказать все ab ovo, тем более, что фейерверк декабрьских публикаций, действительно, оставил в тени один любопытный момент.

Начнем с того, что двадцать лет в среде московской интеллигенции царило мнение, мол, с возведением в 1961 году Дворца съездов Московский Кремль был исключен из некоего списка ЮНЕСКО. На поверку мнение оказалось слухом, ибо сам «Список всемирного наследия» появился лишь после того, как 16 ноября 1972 года ЮНЕСКО приняла «Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия».

Сегодня в «Списке» 340 номинаций: Акрополь, Персеполис, Стоунхендж, Альтамирские пещеры, Великая Китайская стена, Шартрский собор, Версаль, центры Рима, Венеции и Флоренции... Любопытно, что первую попытку подобной систематизации предприняли еще древние, но, наверное, потому, что у них не было «Конвенции» — из «семи чудес света» уцелели лишь пирамиды в Гизе, которые с рук на руки и попали в современный «Список».

СССР активно участвовал в разработке «Конвенции», но присоединяться к ней — по причине то ли бедности, то ли вредности, а то ли просто из нежелания «покупать поросенка»

— упорно не хотел. (Карта «Уорлд Херитидж» испещрена цифирками, и лишь шестая часть суши девственно чиста, словно занесенная снегом пофигизма...)

Недоумение было и на лицах работников Моссовета, поставленного почти перед фактом год назад: «А зачем нам все это ну-у-ужно?» Действительно, зачем?

Ну, во-первых, «у них» — собственная гордость. И раз мы не хотели подключаться к «Конвенции», Забугорье только чмокало губами: «Ки-жи! Бьютефул!» — но никакой конкретной помощи не оказывало. Теперь же мы можем претендовать на безвозмездную финансовую помощь, пользование уникальным оборудованием, реставрационные десанты, консультации; наконец, реклама: объекты «Списка» попадают во все бедекеры, путеводители, их, грубо говоря, покупают — а нам текут денежки... (Отметим и специфически «нашенскую» выгоду: когда в прошлом году собрались что-то строить в Кремле, хватило пары слов — «ООН! ЮНЕСКО! Штраф!» — чтобы покупатели отступились.)

Откровенно говоря, помощь эта имеет в виду развивающиеся страны (из 110 государств, подписавших «Конвенцию», 40 не имеют своих памятников в «Списке», а для престижа одного членства достаточно) — но, видно, нам еще долго придется мириться с этим эпитетом... Так, только в восьмидесятые годы 5 миллионов долларов пошло на спасение исторических памятников Гаяти, Цейлона и национального парка Гарамба в Заире, последнего прибежища белого носорога...

Что касается денег, то бюджет Фонда всемирного наследия (в этом году он составляет 2,3 млн. долларов) формируется из взносов стран-участниц. Только уплатив этот взнос

(около 260 тыс. долларов), мы и смогли в 1988 году ратифицировать «Конвенцию».

Ратифицировав, стали собирать кандидатов в «Список». Каждая губерния сочла своим долгом представить что-то: так, наряду с Соловками, Старым Орхеем, Суздалем, Гобустаном, Бухарой, Вильнюсом здесь оказался обелиск Свободы (в комплексе с Рижским братским кладбищем) — при том, что гораздо более знаменитую нью-йоркскую тезку американцы и постеснялись бы предлагать...

В Москве обсуждались: Кремль с Красной площадью, Коломенское, церковь Покрова в Филях, особняк Рябушинского (блестящий модерн, ныне музей Горького), дом декабриста Штейнгеля в Гагаринском, как образец деревянного ампира, и дом Константина Мельникова в Кривоярбатском. Чудесные вещички, хотя с Версалем все же не тягаться... Поэтому выбрали две первые кандидатуры.

14 декабря прошлого года 14-я сессия Комитета Всемирного наследия завершила свою работу. В заветный список попали: Кремль и Красная площадь, исторический центр Ленинграда, Кизи, Ичан-Кала, Киево-Печерская лавра и тамошняя же София.

Кремль прошел по четырем критериям из шести: отмечен печатью гения, оказал известное воздействие на культуру своего времени и служил ее эталоном, не имеет аналогов в мире и, кроме того, связан с великими событиями. (Забавно, что этот пункт здесь последний. А в нашем же родном Законе об охране памятников при перечислении разновидностей шедевров первым номером идут «здания, сооружения... связанные с революционным движением, с Великой Октябрьской социалистической революцией!»)

Но помимо этих требований есть два немаловажных условия: доступность и сохранность. Эта-то пара и вызвала скептическую усмешку на губах специалистов.

Что касается доступности, то, как известно, открыт Кремль был лишь в 1955 году, да и то не весь: три тропки, огороженные молчаливыми постовами, шаг влево — провокация, шаг вправо — побег... (Обаятельный же американец хлопнул по столу козырем: «А у нас в кабинете Буша экскурсии водят!»)

...Не одна слеза прокатится по щеке читающего историю Кремля. Всякий гость считал долгом выразить свое к нему почтение: Батый, Тохтамыш, Наполеон, Усиевич... Были и анекдотически-печальные случаи, как, например, с уникальным собором Николая Гостунского, одиноким рифом, маячившим на Ивановской площади и снесенным в одну ночь накануне визита прусского короля Фридриха-Вильгельма для устройства плац-парада. А в конце XVIII века Екатерина решила упрятать весь Кремлевский холм в классицистические стены — поручила проект Баженову — и успела взорвать пару башен...

Но больше всех постарались, конечно, большевики. Один за другим взлетали на воздух Чудов монастырь, Вознесенский, церкви Константина и Елены, Благовещенская, собор Спаса на Бору — старейшее здание города! А что самое омерзительное — на месте такой красоты строились убогие сундуки типа рерберговского шедевра, где ныне Президиум Верховного Совета... В пятидесятые снесли четыре старинных корпуса, старое здание Оружейной палаты и Синодальное управление, заменив их цукатом Дворца съездов...

Поэтому поначалу казалось справедливым предложение внести в «Список» одну Соборную площадь. Но начальник Управления охраны памятников молвил: «Весь Кремль возьмут — сердцем чувствую!» И тогда стали собирать документы: в здание Верховного Совета фотографа не пустили, в Совмин — тоже, внутрь башен — «Упаси боже! Там у нас столько всего напихано...» Влез фотограф на Ивана Великого — только объективом чуть в сторону повел — а ему уж из кустов кричат: отворачивай, мол, пушку, не то стрелять будем! Аэрофотосъемка — «Вы что, издеваетесь?» А интерьеры Грановитой палаты не смогли дать потому, что там непрерывно шли заседания!

Но, как ни странно, претензий к на-

шим материалам не было. Что, в общем, можно расценить как реверанс Михаилу Сергеевичу. К тому же редкая страна имеет в «Списке» больше пяти объектов, а тут одним махом пять наших взяли!

Однако в окончательном решении ЮНЕСКО была одна странность. Или хитрость? Кремль и Красная площадь попали в «Список» как единый ансамбль. Но в перечне номинаций, составляющих самостоятельную ценность внутри ансамбля, нет ни Дворца съездов, ни здания Президиума Верховного Совета, ни Мавзолея! Ситуация странная, двусмысленная и в общем-то смешная. Вроде как Третьяков заявил бы Серову: «Дорогой мой, «Девочку с персиками» я беру, но вот персики... видите ли... как-то не выписаны... Оставьте их себе».

Ну, с Дворцом все ясно. «Напряженный вертикальный ритм пилонов, облицованных белым мрамором, придает всему сооружению величие и масштабность...» — о шедевре Михаила Посохина сказано достаточно. Более того, если Моссовету придет в голову снести Дворец — ЮНЕСКО ничего против иметь не будет. А что, может быть, он уже окупил свою балансовую стоимость?

Мавзолей же, в отличие от Дворца съездов, оказался в перечне объектов, составляющих ансамбль Кремля и Красной площади (ибо разве есть в нем какие-то иные достоинства, кроме тактичности расположения?), но как самостоятельной ценности — его также нет.

— Никаких политических инсинуаций вокруг Мавзолея не было, — говорит Наталья Потапова, большой специалист по Кремлю, — он не прошел с чисто эстетической точки зрения...

Что ж, примерам на Мавзолеем критерии ЮНЕСКО. С архитектурной точки зрения — вылитый крематорий. С функциональной — «Анатомич-

еский театр одного актера», по определению писателя П.Г.Паламарчука. С исторической — трибуна злодеев, сцена какого-то зловещего кукольного театра. Печати гения на челе не чувствуется, более того, авторство Мавзолея — после публикации дневников архитектора Никифора Тамонькина — вопрос спорный и некрасивый. Влияние на культуру своего времени оказал самое пагубное. Ну а что до аналогов — прочитывается элементарно: Вавилонская башня!

Впрочем, есть же в «Списке» остров Горе, бывлой центр работорговли; есть и концлагерь Освенцим; почему же не быть Мавзолею — как грозному напоминанию о страшной идее?

Но если быть совсем честным — думается, без Мавзолея Красная площадь не оскудела бы. Поднимется, дай Бог, Казанский собор, вернутся на свое место Минин с Пожарским, появятся — хочется верить — Иверские ворота. Ведь они мешали танкам и демонстрациям? Так я надеюсь, что танки через Исторический проезд больше ездить не будут. И толпы под красными стягами — больше не будут ломиться по святой брусчатке...

Впрочем, как знать... Сейчас разрабатывается охранная зона вокруг Кремля, готовится глобальный проект превращения его в единый полноценный музей — а на ум приходят события семидесятилетней давности (каков, кстати, период обращения истории?). После февральской революции в Комиссии по приему, охране и заведению дворцовым имуществом (Щукин, Грабарь, Васнецов, Бахрушин) тоже возникла подобная идея — «акрополизации» Кремля. А через каких-то пять месяцев Кремль был безжалостно расстрелян красногвардейцами...

Николай МАЛИНИН

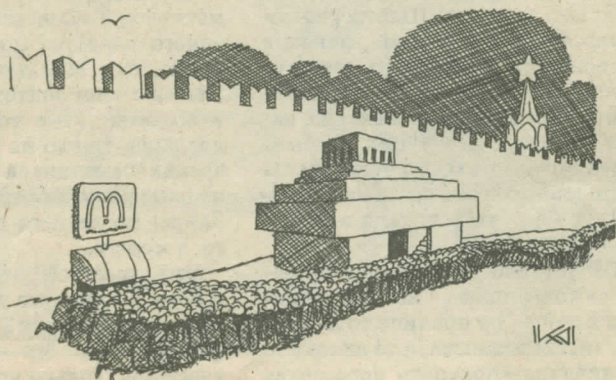

Рис. А.Казачкова

ПОЧЕМ ПОЧТАМТ?

или МАНИ! МАНИ! МАНИ!

Наше государство оказалось на удивление легко продаваемым... История здания московского почтамта интересна уже одним тем, что оно строилось как почтамт — и до сих пор стоит на своем месте. Это можно считать особым везеньем. Например, другое историческое здание, то, в котором помещалась редакция газеты «Труд» на Тверской, передвинули с его законного места, редакцию выселили, а почтамт, представьте, пощадили.

Что ни говорите, а пока в Москве есть почтамт, чувствуется стабильность жизни.

Даже когда улицу Кирова переименовали в Мясницкую, москвичам это, в общем-то, понравилось. Почтамт и строился на Мясницкой, а не на Кирова. Но еще раньше почтамт закрыли на ремонт. И москвичи немного растерялись: а как же без почтамта! Всю жизнь туда ходили, там можно было купить все, что имеет хоть малое отношение к почте, телеграфу и телефону. Почтамт, естественно, работал круглосуточно. Еще Ленин говорил, что социализм без почты и телеграфа — пустейшая фраза... И вдруг закрыли!

Уже даже улицу успели переименовать, а почтамт отремонтировать не было никакой возможности. «Столица» неоднократно интересовалась, как идет ремонт почтамта. Разговор об этом затевался и в Моссовете, и при личных встречах с руководством почтамта и Министерства связи СССР...

В Моссовете мы в полный голос возмущались тем, что в закрытом якобы на ремонт отдельном здании главного операционного зала почтамта руководство настелило искусственную траву, на которой загадочная избранная публика... играла в теннис. Как можно играть в теннис, когда операционный зал закрыли из-за аварийного состояния? Не опасна ли иг-

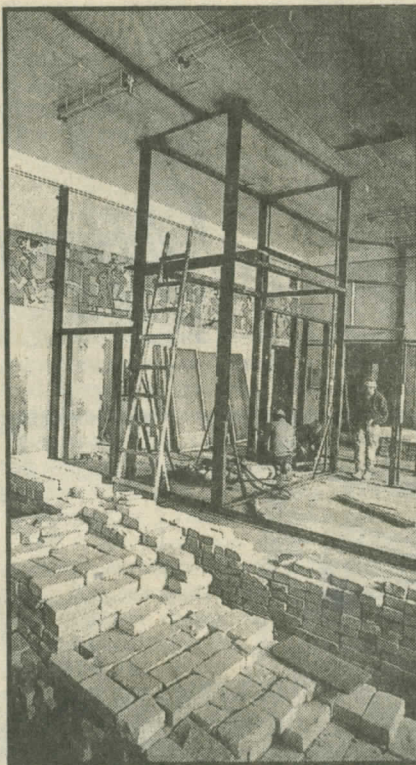
Фото В.Шишова

ра в теннис в здании, которое разрушается? — такие вопросы задавали мы на широком совещании в Моссовете. Нет, тогда нам не сказали, что почтамту нужны деньги и он готов продаться кому угодно, — заложить хоть по отдельности красивый мозаичный пол, стеклянный потолок, заменяющий там крышу и по-научному называемый фонарем, или балконы. Нам только указали на невоспитанность: как, дескать, можно прилюдно поднимать частные вопросы? Совещание же все-таки идет, деловые люди за столом, постыдились бы...

ПРОДОЛЖАТЬ разговор о теперь уже непонятно почему закрытом от людей почтамте нас заставили читатели: звонили встревоженные женщины, мужчины и уверяли, что они точно знают, что почтамт уже никогда не будет почтамтом, что его продали. Читатели говорили, что именно «Столица» должна заступиться за московскую историческую достопримечательность — название журнала обязывает. Поэтому когда в редакцию приехал заместитель министра связи СССР Евгений Алексеевич Манякин в сопровождении заместителя начальника московского почтамта Константина Васильевича Шаталова, мы не преминули спросить: что же делается с почтамтом? Когда закончат ремонт? И кому его, старенького, продали?

На наших глазах заместитель министра поспорил с заместителем начальника почтамта. Заместитель министра связи доказывал, что такая мысль — абсурдна, что почтамт не продан, что он лично подписывал все документы по капитальному ремонту дома № 26 по Кирова (теперь по Мясницкой), лично ездил утверждать проект к начальнику Главмосархитектуры Леониду Васильевичу Вавакину. А заместитель начальника почтамта отпарировал, что заместитель министра связи в своем министерстве не все знает, что делается в Москве. Почтамт — нищий! Он закрыт на ремонт ввиду его опасности для посетителей! А что касается травяного покрова, то он для рабочих почтамта, которые там проводят свои обеденные перерывы!

Одно с другим как-то не сходилось: если почтамт нищий, то куда же тут обеденные уклады для сортировщиков посылок и бандеролей! И еще заместитель начальника московского почтамта сгоряча сказал, что почтамт сдали, сдали. За деньги. Потому что почтамт — нищий! Кому сдали? Откинулся на спинку редакци-

онного стула пораженный заместитель министра. Сдали, был ответ. Потому что деньги нужны.

— Ну вот видите, — сказал заместитель министра связи всей страны, — Минсвязи уже никем не командует, нас никто не слушает...

Этим признанием завершилась беседа о никудышной работе московского почтамта, из-за которого письма по Москве ходят больше месяца и потому учреждения вместо того, чтобы ужиматься, вынуждены заводить курьеров, курьеров, тридцать пять тысяч или даже уже больше курьеров... А частные лица, бросая письмо в почтовый ящик, совсем не уверены, что письмо дойдет.

МОСКОВСКИЙ ПОЧТАМТ заложили гораздо раньше, чем об этом сообщила местная печать. В роли ролевика выступила Российская товарно-сырьевая биржа. Два года в главном операционном зале московского почтамта она будет вести торговлю на пальцах — продавать то, чего в магазинах нет и в помине: мясо, муку, древесину и прочие прелести. Дело, конечно, очень хорошее: возвращение к западному образу жизни, дай бог, сделает нас снова похожими на людей. Но в Москве, разрешите напомнить, от старых времен осталось великолепное здание настоящей Биржи — гигантское, просторное, в

чем-то похожее на почтамт. Это здание находится прямо напротив редакции «Столицы»: окна редакции смотрят в окна Биржи. Правда, в тех окнах торчат... кульманы. В необъятном здании, предназначенном для крикливых биржевых операций, расположился какой-то тихий институт. На первом этаже — столовая, куда иногда ходят наши сотрудники. И, кроме вывески столовой, другой на Бирже нет: тайна, что ли? На каждом шагу — тайны! И у новой биржи на Мясницкой уже есть своя тайна: никто не отвечает на вопрос, сколько Российская товарно-сырьевая биржа платит руководителям почтамта за аренду главного операционного зала? Почему продали почтамт?

Продать почтамт — одно удовольствие. Тогда деньги текут сами. Не нужно сортировать письма, продавать марки и вообще стремиться сделать как можно больше работы, чтобы как можно больше заработать. Сиди в своем кабинете начальника почтамта, а деньги на счет почтамта поступают. Слово бы продажа марок и конвертов идет с утра до утра и еще, знаете, суток не хватает. А в банке, как ни странно, в данном случае вовсе не интересуются: с чего это московский почтамт стал таким богатым? Перед банком почтамт не отчитывается, перед Министерством связи СССР не отчитывается, перед редакцией журнала «Столица» и перед москвичами — тем более. И получается, что все в жизни московского почтамта зависит от того, какой ему попадется начальник: попадется настоящий связист — закупит почтовая работа: сортировка писем, бандеролей, посылок, продажа марок, конвертов, предоставление междугородных телефонных разговоров, обмен рублей на двушки, чтобы люди звонили как можно больше... А попадется не связист — и продаст здание почтамта бирже. Или колхозному рынку. Рынок в Москве тоже не хватает. Или бане. А какой отличный салон парикмахерских может получиться из главного операционного зала московского почтамта!.. Начали-то, как вы помните, с простенького теннисного корта. Кто мог подумать, что из почты может выйти отличное элитарное спортивное сооружение?..

Вполне возможно, однако, что начальника-связиста современные предприимчивые люди назовут глупым и недалеким, а начальника, продавшего почтамт, — предприимчивым и очень современным. Зарабатывать деньги нужно по-любому. Та-

Раиса ФИРСТОВА

ХОЧУ
ПОГРЕБ

кой вульгарный взгляд на предприимчивость свойственен и гораздо более образованным людям. Кто бы мог подумать, что драгоценные страницы газеты иные главные редакторы отдадут вошедшей в моду рекламе? Такую роскошь могут себе позволить, во-первых, очень богатые владельцы газет, а во-вторых, газет очень толстых. Но за рекламу охотно продаются «Правда» и «Известия». Некрасивой, неинтересной рекламе они отдают целые страницы, целые вкладыши! Такое карикатурное подобие «западной печати» и смешит, и раздражает. «Правда» и «Известия» — издания не частные. Публикация реклам, которые большинству читателей абсолютно не нужны, потому что рекламируются не товары и не услуги, а какие-то станки и компьютеры, — это так прозрачно: за этим стоят деньги, деньги, деньги («мани! мани! мани!», как поется в знаменитой песенке). Причем если вникнуть в их рекламу, то окажется, что публикуется все без разбору. «Столица» как-то высмеяла одну рекламку, напечатанную в «Известиях»: в той рекламе все был сплошной обман.

ЕСЛИ ТАК легко отдаются за деньги наши центральные газеты и почта с телеграфом, то чего ждать от других государственных структур, которые, что ни говорите, находятся в основании общественного устройства? Это уже на государственных структурах вырастают частные заводы и фабрики. Во всяком случае в безусловно цивилизованных странах в частные руки отдадут что угодно, только не транспорт и связь. Не потому, что жалко, а потому, что человек не может зависеть от прихоти частного владельца в вопросах переездов и заочной связи.

В Москве есть еще несколько хороших зданий, которые можно очень выгодно продать: например, здание, которое занимает Моссовет. Или Колонный зал в Доме союзов. Ну, раз продали московский почтамт, то на очереди только эти здания! Есть еще прекрасные здания Большого театра, театра имени Евг. Вахтангова: внутри там просторно, находятся они в самом центре города. Стоит ли думать о москвичах, которые — ей богу, это тонкости! — просто привыкли к своему городу и как-то теряют почву из-под ног, когда узнают о таких распродажах? Надо только захотеть продать, а покупатель найдется!

Вячеслав БАСКОВ

Как-то купила небольшую симпатичную книжечку о том, как своими руками соорудить погреб. Теперь с удовольствием ее перечитываю и мечтаю, «руководствуясь рекомендациями данной книги, используя в работе дешевые местные строительные материалы», построить погреб. Пособие предлагает на выбор разнообразнейшие типы и конструкции этого сооружения: мини-погреб, наземный с обвалкой, снежник, погреб с погребницей и массу других. Я бы не отказалась от любого. Хочу погреб! Вся беда в том, что строить негде. Погреб нужен под рукой, а на шестом этаже жилого дома его не выраешь. Мудрая книжечка на этот счет никаких рекомендаций не дает. А как обидно выбрасывать с таким трудом добытые продукты!

Скажите: храни их в холодильнике. Я бы рада. Но нет его у меня. Старенькая «Бирюса», исправно прослужив пятнадцать лет, два года назад тихо утасла, и никто не взялся ее оживить. Новый холодильник купить так и не удалось. Стойкий дефицит. Специалисты причину объяснили по-научному доходчиво: на ярмарках в прошлом году промышленность продала торговле холодильников и морозильников на 346 тысяч штук меньше запланированного. Надо полагать, среди них и моя несостоявшаяся покупка.

Холодильник — привычный предмет в доме, трудно представить, что когда-то его не существовало вовсе и были вместо него ледник или погреб — предмет нынешних моих мечтаний. А этих — белоснежных, элегантных, удобных и незаменимых — не было. И лишь в 1962 году учебники домоводства как некое чудо техники на грани фантастики представляют электрохолодильники «Газоаппарат»: на картинках вид спереди, вид сзади и в разрезе. Книга подробнейшим образом его описывает и учит, как с ним обращаться.

Сегодня одна только западногер-

манская фирма «Сименс» выпускает 44 модели холодильных приборов. В РСФСР двенадцать заводов выпускают 15 марок (29 моделей). Тем не менее несколько лет назад отечественный холодильник можно было купить свободно. Более того, его даже можно было в ы б р а т ь. И не за валюту — за обычные рубли, в обычном магазине, без приглашения, без визитки! А сегодня? О «Сименсе» я, разумеется, не мечтаю. Была бы рада любому, даже подержанному из комиссионки, даже тому самому древнему «Газоаппарату». Лишь бы холодильник. Но в продаже нет никаких. А между тем заводы работают, планы выполняют и перевыполняют. Премии там, наверное, выплачивают вовсю, вал идет! Если верить Госкомстату СССР, то в 1989 году страна создала 6 072 000 холодильников и целых 393 000 морозильников. Но где же хоть что-нибудь одно холодильное для меня? И где все они вместе, куда проваливаются, в какой погреб?..

Есть такая книжечка: «О качестве товаров народного потребления в РСФСР». Мне ее показали в Госторгинспекции РСФСР. Книжечка эта — отчет о проведенных проверках.

Понятно, не только злостные бракоделы виноваты в том, что стали острым дефицитом вещи, без которых нормальное существование человека затруднительно. Виноваты, как всегда, одни смежники, другие смежники... Но логично предполагать, что в условиях дефицита хотя бы то, что производится, было бы нормального качества! Заглянем в документ. И увидим, что в 1986 году инспекторы забраковали 21 процент проверенных холодильников. Изготовители, надо полагать, не слишком расстроились, и в следующем году браковка составила уже 29,3 процента. В 1988 году картина улучшилась, халтурно собранных изделий при проверке обнаружилось всего 17,8 процента. Зато в 1989 году, когда дефицит стал особенно ощутим, а

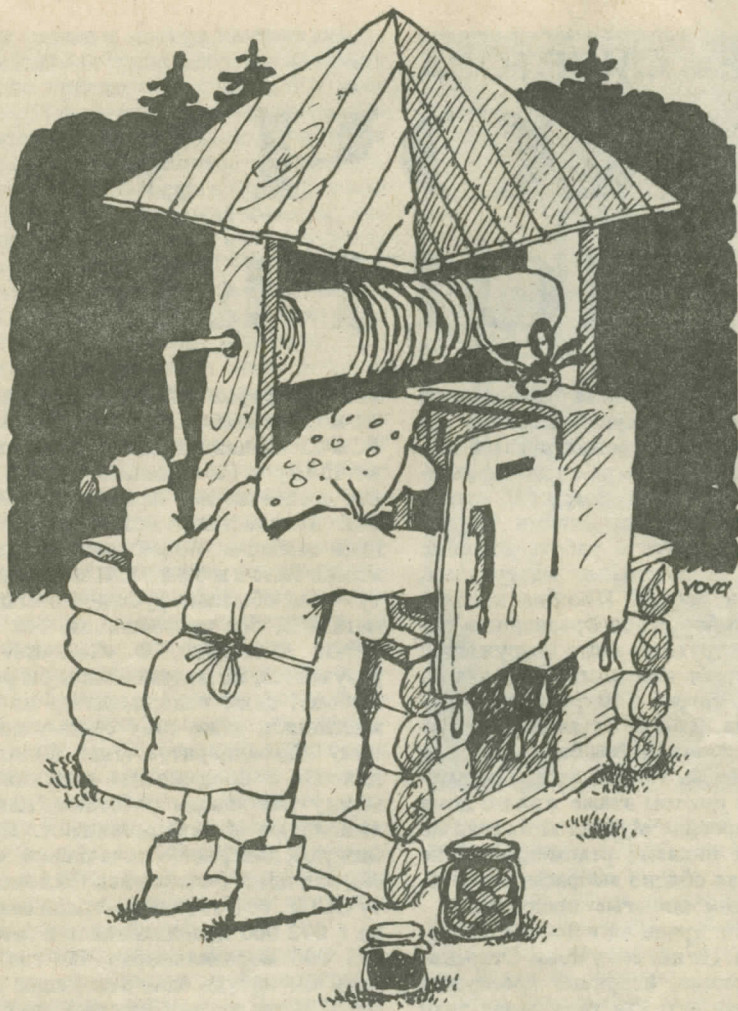

Рис. В. Иванова

каждый аппарат шел у покупателя на ура, госторгинспекция забраковала 31,6 процента. Халтурщикам ажиотажный спрос только на руку: покупатель возьмет что дадут, не глядя. Еще и спасибо скажет.

Берем. А потом мучаемся с ремонтом или возвратом негодной вещи. Губим недешевые и повально дефицитные сегодня продукты, с боем «взятые» при штурме гастронома. По статистике каждый пятнадцатый холодильник у нас «гарантийно» ремонтируется. В сумме, например, в 1988 году затраты на устранение дефектов холодильников по принятым претензиям составили 8,8 миллиона рублей. А цены на эту крайне необходимую в хозяйстве вещь изрядно возросли и продолжают расти. Если в 1985 году средняя стоимость холодильника была 286,4 рубля, то в 1991 году «Саратов», который стоил 250 рублей, стоит 430 рублей, «Ока-6М» вместо 580 рублей — 1150, а «Минск-15М», сто-

ивший 455 рублей, теперь можно будет купить за 900 рублей.

Вся беда в том, что дороже — вовсе не означает лучше. На практике получается наоборот, хуже. Справка госторгинспекции информирует о том, что забраковки на некоторых предприятиях составляли и 33 процента, и 50, и 64,6 и даже 93 процента!

А до чего изобретательны по части халтуры наши мастера — диву даешься!

Наладить производство одноразовых шприцев отечественная промышленность никак не может. Зато одноразовые холодильники давно производятся и по сей день, возможно, стоят у кого-то на кухне. Выпуск такого аппарата разового пользования лет десять назад освоил Васильковский завод. Называется он «Кристалл-9». Агрегат этого холодильника запрессован в шкаф. Сломается — заменить нельзя. В паспорте изделия изготовители мудро об этом умолчали. В свое оправдание ссылаются на

то, что выпускается «Кристалл-9» по швейцарской лицензии. Возможно, но не думаю, что одноразовый «швейцарец» стоит столько же, сколько его Васильковский двойняшка. Последний стоил без малого 300 рублей. Сегодня не стоит ничего, поскольку по настоянию Госстандарта «Кристалл-9» снят с производства. Взамен появился «Кристалл-9М». Но... тоже «одноразовый». А на все претензии владельцев «Кристаллов» замдиректора завода В.К. Шпилевой спокойно отвечал: «Решением Минфина СССР и Госплана СССР от 27 декабря 1988 г. и Совета Министров СССР от 2 января 1989 г. Васильковский завод холодильников освобожден от уплаты штрафа за качество холодильников «Кристалл-9» и «Кристалл-9М» на период 1988—1990 гг.». Таким образом, столь высокие и важные инстанции не просто благословили завод на изготовление заведомо бракованного товара, но даже взяли под свое покровительство, оградив бракоделов от претензий несчастных потребителей.

«На выбор: автоматические холодильники типа «стол» и типа «шкаф», многотемпературные центры для хранения продуктов, холодильники-морозилки... энергоэкономичные морозильные шкафы и лари... автоматически оттаивающие морозильники... Иней, выпадающий в виде паутины, который легко снимается движущимся воздухом и в виде влаги уносится за пределы аппарата, где испаряется за счет тепла, исходящего от работающего компрессора». Спокойно, сограждане! Это не нам. Во всяком случае, не многим из нас. Это, увы, фирма «Сименс».

«Холодильник (шкаф для сохранения продуктов при пониженной температуре)... Это из «Домоводства» выпуска 1962 года. Тоже, к сожалению, не для всех. Не для меня уж точно, целых два года.

«В погребах с хорошей гидроизоляцией и умело подобранной вентиляцией сохраняются постоянный температурно-влажностный режим и благоприятные условия хранения продуктов: они долго не портятся, не усыхают, не теряют присущий им вкус и запах». Это из той моей книжки, о которой шла речь вначале.

Что же, если нет возможности обеспечивать нас за наши же деньги холодильниками, может, разрешат рыть погреба? Представляю себе двор, украшенный оригинальными этими сооружениями. Не «Сименс», конечно, зато удобно.

Уважаемая редакция!

Я оформила годовую подписку на ваш журнал, и с большим удовольствием моя семья и наши знакомые читаем его. Меня не смущает цена — сознание, что деньги идут на хорошее дело, примиряет и с его недостатками. Понимаешь, что это все трудности нашей жизни, а работа людей, выпускающих этот журнал, — хорошая и направлена как раз на изменение нашей жизни.

Но вот с какой проблемой я столкнулась. В течение многих лет по договоренности с почтовым отделением № 305 в мой почтовый ящик доставлялись только газеты и письма, а за журналами я ходила в отдел доставки в удобное для них время раз-два в неделю. К сожалению, платный абонементажный ящик мне предоставить не смогли.

В феврале 1991 года мне вдруг объявили, что я должна заплатить полтора рубля в месяц — 18 рублей в год — за то, что я «беспокою» работников почты и «мешаю» им работать. На мой вопрос: «Почему? Ведь я сама себе доставляю журналы, за доставку которых уже заплатила?» — начальник отдела доставки 305 отделения МАКСИМОВА Наталья Николаевна сказала, что хочет повысить себе зарплату, знает, как это сделать, и сделает это.

Не хочу утомлять вас перечислением всех начальников, с которыми я имела беседы по этому поводу. Ни один не смог мне внятно объяснить, за что я должна заплатить 18 рублей, но зато пообещали: все равно будет по-нашему, а вы еще покажете. Как в воду глядели!

Разговор с начальником 305 отделения был 5 февраля, а 14-го у меня из почтового ящика аккуратнейшим образом вынули хороший немецкий замочек. Я обегала все магазины — замков нет. Пришлось заплатить родному почтовому отделению полтора рубля за копеечный замок и душевно поблагодарить за установку его. Имею основания ждать повторения ситуации. Это что, новый вид вымогательства — «почтовый рэкет»?

Мне бы хотелось знать следующее: если за сохранность оплаченной почтовой корреспонденции я должна платить еще 18 рублей сегодня, а завтра еще неизвестно сколько и за сохранность почто-

Письма, Переписка, Отклики

отдела
социально-
бытовых
проблем

вого ящика никто не отвечает — ни почта, ни ЖЭК, хотя я исправно за все плачу и еще при этом сама себя обслуживаю, то зачем мне такая услуга? Может быть, есть другие способы получения журналов — наложенным платежом или еще как? Обидно отказываться от подписки, но, видно, придется.

И кто же знает, какую зарплату захочет Наталья Николаевна МАКСИМОВА — она ведь не работать хочет, а получать. У меня же пенсия всего 137 рублей, ей может не хватить.

А нельзя ли лично приезжать в редакцию и получать каждый номер? Это проще, чем воевать с почтой.

Анна Ивановна САВВИНА,
Зеленоград,
Москва

Письмо А.И.САВВИНОЙ направлено прокурору города Москвы.

Уважаемая редакция!

Впереди нас ждет очередное мероприятие по экономии электроэнергии: в сентябре опять придется пережить переход на зимнее время. Он так нелегко дается некоторым людям! А зачем мешать естественному ходу времени? Можно ведь и другими, гораздо более гуманными методами сэкономить много электроэнергии. Взять хотя бы телевизионную программу «Время». Большинст-

во людей смотрят ее теперь лишь только потому, что хотят узнать сводку погоды на завтра. Стоит только эту программу повернуть на 180 градусов и передать сводку погоды в начале программы, как многие телезрители тут же выключат свой ящик. А после спортивных новостей, которые пустить бы сразу после погоды, и остальные зрители выключат телевизор. Вот и желанная экономия, и без всякого насилия над естественным ходом вещей.

К.АРСЕНЬЕВ,
Москва

Отдел социально-бытовых проблем очень хотел бы знать мнение читателей по поводу этого предложения.

Читатель О.В. АЛЕКСАНДРОВИЧ сообщил редакции, что в доме № 118 по проспекту Мира в Москве довольно часто выходят из строя лифты. На жалобы жильцов работники РЭУ № 8 «отвечали насмешками». Редакция не увидела в этом ничего смешного и направила письмо заместителю председателя исполкома Моссовета т. МАТРОСОВУ А.С. Вскоре из производственного объединения «Мослифт» пришел официальный ответ, подписанный главным инженером Н.К. МАКАРОВЫМ. В ответе, в частности, говорится:

«Проверкой на месте установ-

лено, что лифты находятся в исправном состоянии, однако сбои в их работе действительно имеют место. Причиной остановок лифтов являются поджоги кнопок аппарата вызова и приказа. В августе-сентябре 1990 года во втором и шестом подъездах дома № 118 были сожжены кабины лифтов. Эти действия производят неизвестные лица. Нами направлены письма в адрес начальников ПРЭО и РУВД Дзержинского района с предложением принять действенные меры по обеспечению сохранности лифтового оборудования».

Уважаемая редакция!

В четвертом номере «Столицы» в статье «Город в движении» приведена одна любопытная деталь: транспортные парки Москвы в 1991 году рассчитывают получить с пассажиров-безбилетников штрафов на сумму 1 742 500 рублей. Это прогноз или план? — справедливо ставит вопрос редакция.

Я все же думаю, что это план, хотя планировать подобные вещи — удивительно. Я вижу все признаки планомерного стимулирования «штрафных» ситуаций в московском транспорте. Именно после 1 января с.г. на многих маршрутах автобусов у водителей вдруг не стало талонов. На стеклах висят художественно выполненные трафаретки: «Талонов нет». С такими трафаретками ездят почти все «крылатские» автобусы: 229, 732, 733, 271... А ведь даже самые добросовестные люди нередко попадают в положение безбилетников. Что делать? Как быть? Нас уже приучили к тому, что талоны продаются у водителя. А теперь не продаются. Кто же в этом заинтересован? Наверняка тот, кто планирует увеличение выручки от штрафных санкций — по отношению к ни в чем неповинным пассажирам.

С.МИХАЙЛОВ,
Москва

Жизнь, как видите, продолжается. И если вам, уважаемые читатели, захочется запечатлеть ее на страницах «Столицы», для этого нужно адресовать письма отделу социально-бытовых проблем. *Н.И.Д.*

Атик ЗАММАН:

«МЫ ДОЛЖНЫ ПОМОГАТЬ ДРУГ ДРУГУ»

Международный консорциум «Перестройка» возник в 1986 году, когда слово, давшее ему имя, приобрело невероятную популярность во всем мире. Это было время, когда Советский Союз чрезвычайно интересовал всех, но мало кто отваживался вложить свои деньги в страну с тоталитарным прошлым, нестабильным настоящим и абсолютно непредсказуемым будущим. Господин Атик ЗАММАН, президент восточноевропейского отделения консорциума, осмелился и не жалеет до сих пор.

— Вашей стране сейчас очень тяжело, — говорит Атик Замман. — И привлечение иностранного капитала для вас просто необходимо. Мы закрепляем экономическое сотрудничество, налаживаем нормальный импорт и экспорт, находим вам партнеров для честного — я это подчеркиваю — сотрудничества, развиваем бартер, создаем совместные советско-американские банки, помогаем становлению Московской фондовой биржи. В работе нашего международного консорциума изъявили желание участвовать бизнесмены Японии, США, Индии, Мексики, Канады, Франции, Германии. И с вашей стороны партнеров немало.

Есть у корпорации свои филиалы в Восточной Европе и Азии.

— Недавно, — рассказывает господин Замман, — мы успешно завершили переговоры с правительством РСФСР о создании первого российского акционерного предприятия «Донская индустрия». Для начала мы взяли себе только одну шахту, которая считается пока абсолютно нерентабельной.

Корпорация «Перестройка» является членом неприбыльной ассоциации — организации, в которую входят многие уважаемые, широко известные фирмы. Ассоциация помогает быстрее найти партнеров для осуществления какого-либо проекта,

но сама прибыли от этого не получает. Так, с ее помощью «Перестройка» нашла себе партнеров для весьма необходимого дела — сборки автомобилей. Этими партнерами стали «Форд» и «Дженерал моторс».

Сейчас консорциум — это мощная, серьезная организация с годовым оборотом в 3 миллиарда долларов. Корпорацией создано в СССР 12 совместных предприятий, которые принимают самое деятельное участие в работе Международного консорциума, организованного для научно-технического, торгово-экономического, социального, культурного и гуманитарного сотрудничества между предприятиями СССР, США и других стран. Занимаются они самым разным бизнесом — от производства компьютеров и медицинско-го оборудования до переработки пищевых продуктов и проката автомобилей.

— Членом «Перестройки» может стать любой, — продолжает господин Замман, — нужно только заплатить вступительный взнос. Причем для каждого предприятия размер взноса определяется в зависимости от финансовых возможностей.

Есть у консорциума и свой Центр обучения. Там помогают молодым советским бизнесменам понять, как работают на Западе, дают навыки, опыт,

знания западного образа жизни. Точно так же работают и с западными бизнесменами — обучают их советским правилам, чтобы приехавший в нашу страну впервые не растерялся, не натворил ошибок, чтобы ему было легче преодолевать различного рода препоны, находить общий язык с партнерами.

Благотворительность — одно из самых главных направлений корпорации «Перестройка». Так, фонд закупил и передал в дар ветеранам афганской войны для начала 600 инвалидных колясок, ремонтирует основательно пострадавший во время известного пожара Дом актера, занимается сбором продовольственной помощи для СССР в Соединенных Штатах.

— Мы живем не только для удовлетворения своих материальных потребностей, — говорит А. Замман. — Если бы было так, то, достигнув в материальном плане всего, что желал, человеку оставалось только одно — голову в петлю. Мы живем в тяжелом, трудном мире и должны помогать друг другу. Иначе не выжить. Знаете, есть такое уже изрядно потрепанное слово — гуманизм.

Разговор с Атиком Замманом коснулся и его биографии.

— По происхождению я индус, моя мать — историк индийской культуры, отец — профессор, гениальный инженер, преподавал в Оксфорде. Он, кстати, один из основателей Коммунистической партии Индии.

— Вы тоже коммунист?

— Нет, что вы! Я беспартийный коммерсант. Учился в Англии, имею дипломы врача-хирурга и экономиста.

— Не страшно заниматься бизнесом в нашей стране? Ведь у нас сейчас здесь такое неясное будущее: что ждет нашу страну, не знают даже колдуны и астрологи. Вы не боитесь потерять здесь свои деньги?

— Не боюсь. Я оптимист. И мой оптимизм основан не на чувствах, а на логике и жизненном опыте. У вас здесь сейчас очень интересно. История творится прямо на моих глазах. Это необычно. Идет сближение двух мощных культур — Запада и Востока, и сближение это происходит именно здесь, в России. У вашей страны огромное будущее. Конечно, у Советского Союза много проблем. Мне нравится помогать вам решать их, помогать преодолевать трудности. Вы скоро вырветесь из того заколдованного круга, в который попали.

Татьяна ПТИЦЫНА

Михаил МАСЛОВ, Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (Фото)

Между небом и землей

Две мысли бились в голове, не давая покоя.

«Все, что ты увидишь в виварии, делается на благо человека. Если бы не опыты над животными, то многие люди лишились бы самого драгоценного — жизни».

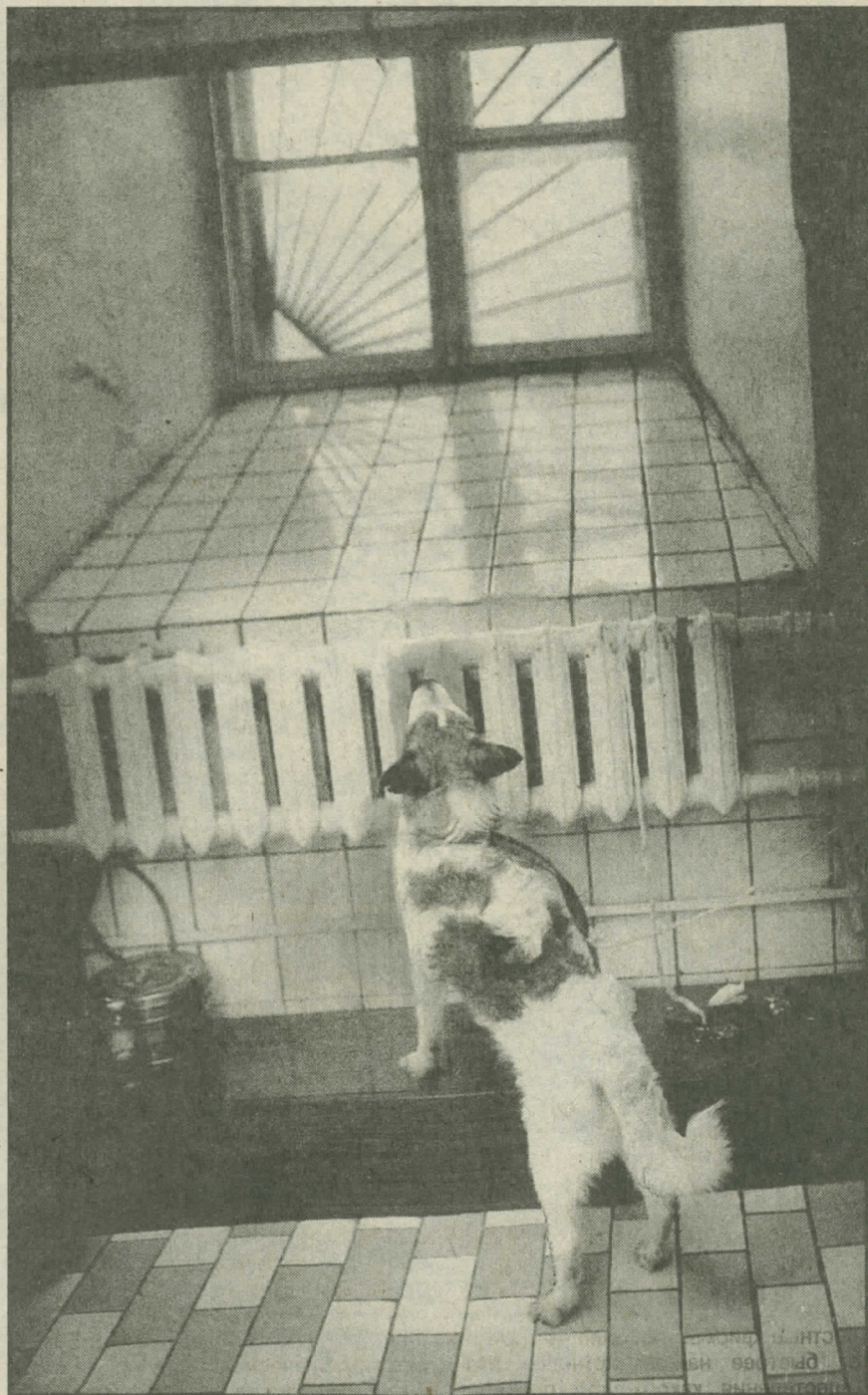
«Нет, не ходи туда... Там работают люди с ненормальной психикой».

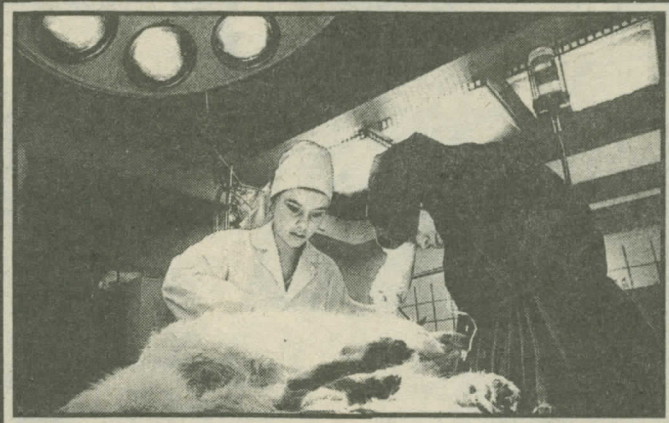
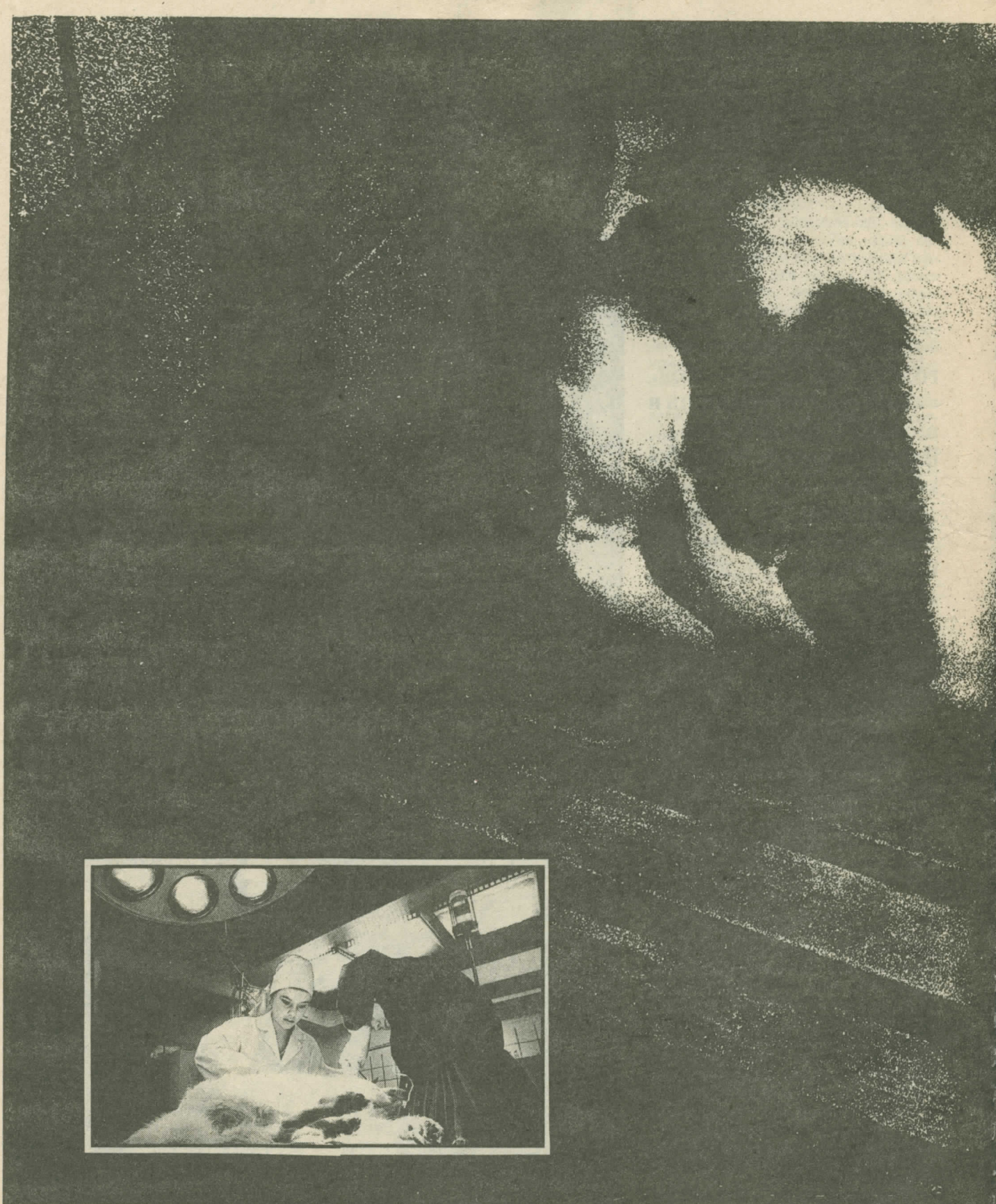
Я все же рискнул и побывал в одном из московских вивариев.

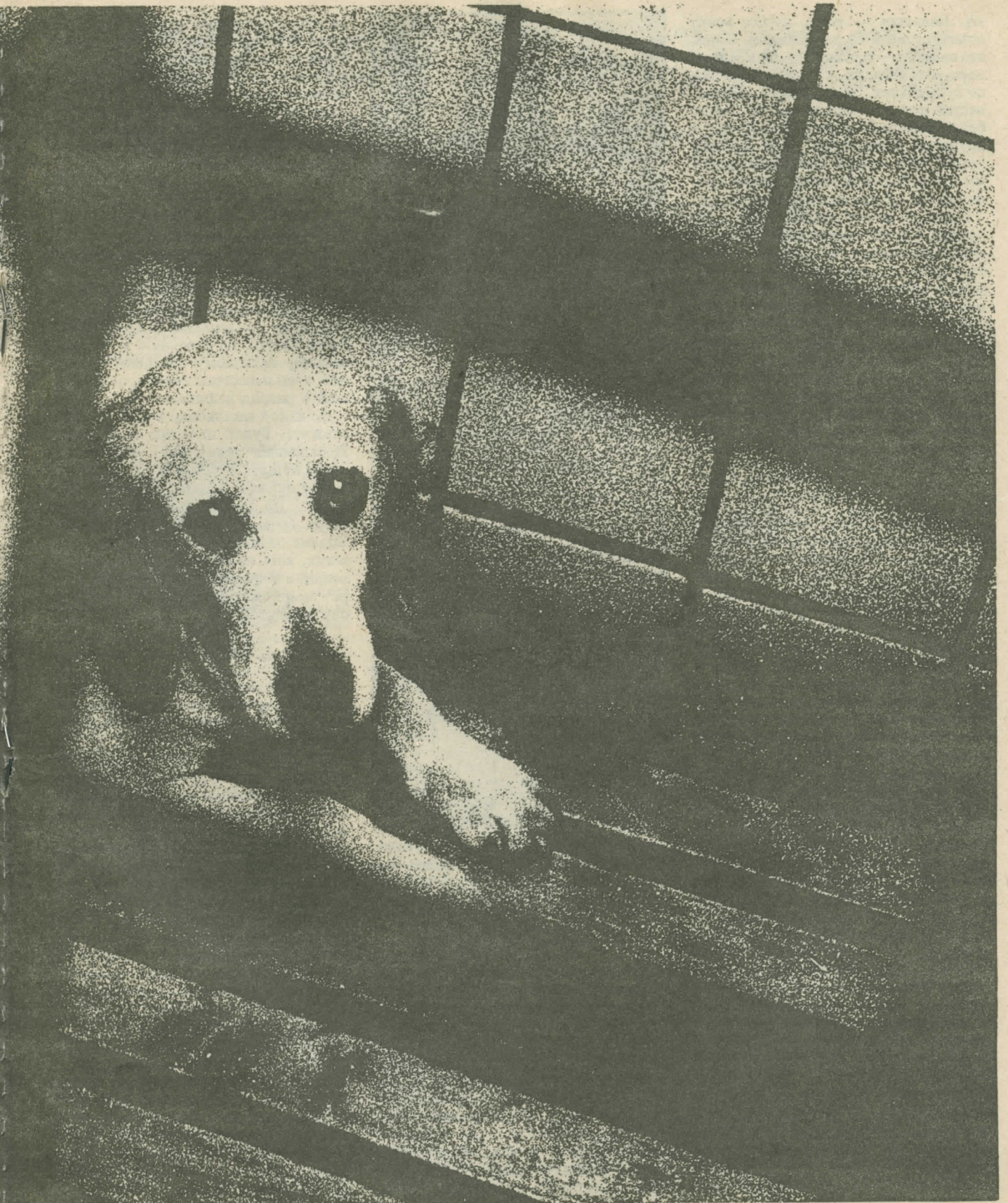
На территории больницы — построек великое множество, куда идти — непонятно. Мимо проходит врач. «Скажите, как пройти к корпусу № 19?». «А-а, это там, где собачек режут? Идите прямо, затем — направо. Увидите, точнее, услышите».

Мимо заборов, мимо мусорных контейнеров, и вот он — старинный особняк.

Много ли зависит от породы собак, в смысле живучести?
Породистые всегда плохо выжива-

ют. Большие — тоже, лучше всего опыты ставить на дворняжках. С чем это связано — неизвестно, по крайней мере есть догадки, а стройной теории не существует. Это, конечно, учитывается при постановке опытов, чаще берут уличных собак. Породистых и крупных используют для откачки крови, если нужна сыворотка, потому что в большой собаке много крови, из нее можно откачать литра два.

Сколько живет собака после операции? Такой статистики никто не ведет, все зависит от сложности опыта и цели, ради которой он делается. Бывает, что эксперимент сразу предполагает смерть животного на столе под скальпелем, иногда все же собака выживает и ей разрешают побыть на этом свете еще с десяток дней. Потом ее «забивают» — термин не медицинский, но прочно привившийся среди врачей, они даже в отчетных документах аккуратно помечают: «Собака забита 20 марта».

В собачьей жизни всякое случается, некоторым счастливицам удается протянуть в виварии несколько лет, в зависимости от «служебной» необходимости и доброты персонала. Я смотрел сквозь решетку во внутренний прогулочный дворик, а на меня с улицы неотрывно глядел огромный черный ньюфаундленд. Он не лаял, не скулил, как остальные гуляющие псы, не вилял хвостом, он просто стоял и спокойно смотрел мне в глаза.

— Он слепой, — услышал я голос врача за спиной.

— Он тоже скоро... туда. К вам?

— Нет, мы его любим, он уже у нас в виварии десять лет живет. Кто ж его домой возьмет? Встречал собак-поводырей, а вот людей, приставленных к слепым животным, не видел. У нас за ним ухаживают, кормят, а где он еще протянет: или дети камнями забросают, или отловят и убьют.

Почти невозможно свикнуться с мыслью, что любая собака, попавшая в виварий, обречена. А если песь организм все-таки победил волю человека, и протез удачно прижился, и рана зажила, и вообще — жизнь снова прекрасна и удивительна? Но царь природы хитрее и догадливее своего древнейшего друга. Он без церемоний приглашает ее на казнь и ведет к операционному столу — ему просто необходимо посмотреть на результат эксперимента. Иначе, если он этого не сделает, то работа сведется к нулю, и, кто знает, не возникнет ли у врача

примитивный вопрос: «А тем ли я занимаюсь, не пойти ли мне чинить водопроводные краны?..» Впрочем, таких откровений я не слышал.

Это правда и ложь одновременно. Человеку безгранично жалко подопытных собак, живодеры в виварии не работают, их туда на пушечный выстрел не подпустят. Некоторые из сотрудников настолько привязываются к ним, что на время берут к себе домой пожить. На время, зная, что наступит утро, когда придется сказать, глядя в собачьи глаза: «Пора» — и выйти из дома пораньше, чтобы успеть поймать сердобольного частника, согласного подбросить ничем

не примечательную парочку в больницу. И никто на свете, ни одна живая душа, кроме этих двух пассажиров, не ведает, что поездка последняя. Я правильно сказал — этих двух, — собака тоже ЭТО знает или, для скептиков, чувствует. Наверное, это самая короткая дорога в жизни врача-экспериментатора...

А почему собаки?

Вот уж, действительно. Почему не рыбы, почему не тараканы?

От нищеты, все от нее, родимой, а не от академика Павлова.

Открою маленький секрет: наиболее близок по строению к человеческому организму организм огромной, всем известной свиньи, перешедшей в разряд дефицита.

Но какой миллионер в наше время, скажите, будет пачками поставлять хрюкающих животных? Нам ведь очень кушать хочется, а тут какие-то сомнительные опыты. Собаки дешевле. До нового года цена одной особи была 5 рублей, после — 25. Вполне терпимо. А главное, псы никогда, хоть чрезвычайное положение введи, в дефицит не попадут. Наоборот, чем хуже, тем лучше, тем больше они плодятся.

...Прощальный круг по необычной планете под названием «виварий», где в одну и ту же секунду творится добро и зло.

Операционная, лаборатории и, наконец, небольшое одноэтажное здание своеобразной конструкции, где и спят, радуются и грустят, живут и умирают друзья человека. Длинный, узкий коридор, по бокам двери, как в тюрьме. Из-за дверей несется сплошной звук, в котором нет сил сопротивляться ни боль, ни ярость.

Если в клетку посадить любое живое существо, то вскоре оно превратится в комок нервов, и состояние, в котором оно будет находиться круглосуточно, можно назвать лишь одним словом — ожидание.

Разносится твердая поступь где-то рядом, клетка открывается...

Нет, это принесли еду. Человек в белом халате придет завтра и на веревке, сплетенной из бинтов, уведет кого-то в комнату, где много света и стены до потолка выложены кафелем. Но то будет завтра, а сегодня скоро придет ночь и до рассвета в виварии наступит тишина.

БЕГ ОТ АБСУРДА, или Кто спрятался, тот не виноват

Дверь редакционного кабинета раскрылась, и предо мной предстал человек: «Здравствуйте! Я — особо опасный преступник, уже несколько лет находящийся во всесоюзном розыске...»

Участковый инспектор лейтенант Емельянов по прихоти чиновников из Каширской прокуратуры в одну секунду превратился из стража порядка в преступника. Можно сказать, одним росчерком пера. Предыстория столь изумительного превращения нехитра.

4 сентября 1987 года около конторы подростка завязалась драка — типичный пьяный деревенский мордобой. О чем было немедленно сообщено Емельянову. Взяв себе в подмогу сослуживца, он быстро добрался до злослучного места. Каша из рук и ног, кровь и дикий мат — вот что он увидел. Разгоряченных спиртом парней остановить словами — все равно, что кричать в пустыне. И вполне логично, что лейтенант стал растаскивать озверевших хулиганов. Драка была ликвидирована.

А дальше, собственно, и начинается абсурдная история из нашей действительности.

Один из зачинщиков, некто Павлов, скончался у себя дома через трое суток после драки. За это время родным и близким не пришлось в голову вызвать врача, они понадеялись: «Авось, отлежится». Не отлежался. Диагноз, поставленный врачами: «разрыв стенки двенадцатиперстной кишки, в результате которого развился перитонит».

Вполне возможно предположить, что разрыв стенки произошел от удара тупым предметом, например, палкой или бутинком. Но нет тому свидетелей, кроме явно заинтересованных (брата и друзей потерпевшего), что этот роковой удар нанес Емельянов. Напротив, существует множество других очевидцев, показывающих, что в действиях участкового не было превышения служебных полномочий. Скорее всего причиной смерти послужил умышленный удар своего же недавнего собутыльника.

После смерти Павлова в Каширскую прокуратуру поступает заявление от

родственников умершего, в котором безапелляционно указывается истинный убийца — лейтенант Емельянов. Прокурору В.Фетисову — почему-то сразу понравилась эта доморощенная версия, и на основе этого заявления он возбудил уголовное дело № 41920.

Показания матери и брата покойного (неоднократно судимого и участвовавшего в драке) берутся за основу, и вскоре на свет рождается постановление об изменении меры пресечения Емельянову — «взять под стражу».

Но под стражу его не берут. Ведь после этого он три раза совершенно добровольно являлся по повестке в суд, жил дома, в родной Кашире. Ситуация интересная — не арестовывают, но и не забывают об этом напомнить: «Смотри, в любой момент защелкнем наручники, если будешь брыкаться». За ним следят, под окнами ночью дежурит машина с оперуполномоченными. А он «брыкался», всеми силами требовал только одного — правильного ведения следствия и вызвать в суд свидетелей, которые могли бы помочь установить истину в происшествии.

В деле, сляпанном, иначе не назовешь, Каширской прокуратурой, полностью отсутствуют крайне важные сведения о ходе инцидента. В частности, нет ни строчки, что драка была не между участковым и Павловым, а носила массовый характер и представляла серьезную опасность для окружающих. Нет в деле и ни одного показания свидетелей со стороны Емельянова. Да и не могло их там оказаться — этих людей не вызывали ни к следователю, ни в суд.

Прокуратуре было невыгодно иметь противоречащие официальной версии факты и доказательства. Это ставило под сомнение компетентность всей работы правоохранительных органов.

Наконец, прокурор понял, что от неудобного Емельянова пора избавляться, и выдумал хитрый ход — передал все права и полномочия независимой Озерской

прокуратуре: пусть там ковыряются, а с нас взятки гладки.

С этого момента нервы у «бессрочного» подследственного сдали, и он ушел в бега, успев даже съездить пару раз на Север подкормить — надо же жену с двумя детьми кормить. Потом опять возвращался домой — в неизвестность.

И сегодня его не арестовывают, а ведь сколько раз могли! Его ищут... но не находят. Озерская прокуратура тоже не может, а точнее, не хочет Емельянова заключить под стражу. Если бы она это сделала, то ситуация вышла бы из-под контроля. Все же есть предел. «Страсти по участковому» кипят в районе не один год.

Я разговаривал с бывшими коллегами ЕМЕЛЬЯНОВА. Все в один голос: «Невиновен! Но наше мнение никому не нужно».

Общественность района исписала кипы бумаг с заявлениями и протестами в областную прокуратуру.

Отделение, где служил Емельянов, решило было объявить забастовку, если не последует справедливое пересмотра дела. Милиционеры «уломали» не делать этого.

Ответственный работник МВД России, проверивший затянувшийся инцидент, заявил: «Дело сфабриковано. Емельянова просто подставили».

Справедливости ради надо отметить: все-таки была одна ошибка, допущенная Емельяновым. Ему следовало бы еще тогда, сразу после драки, составить рапорт о случившемся. Но мало ли драк было в его службе, которые он пресек? Десятки, а то и сотни. Специфика сельской местности — «стенка на стенку, колхоз на колхоз».

Не мог же он знать, что Павлов скончается через трое суток после пьяных клубных танцев. Именно это оплошность и позволила прокуратуре на скорую руку вынести страшный вердикт: «Виновен».

Пошел четвертый год, как Емельянов находится во Всесоюзном розыске.

Если областная прокуратура сегодня же не возьмется за полный пересмотр дела, если не будут допрошены абсолютно все свидетели, если останется предвзятое отношение к делу, то, боюсь, числиться в «бегунах» Емельянову — участковому, выполнявшему свой долг, — еще не один год.

Михаил Львов

ШЕСТОЙ. ОН ЖЕ ПЕРВЫЙ

Генерал Комиссаров — первый в истории Москвы начальник городской милиции, выбранный исключительно демократическим путем. Шестой по счету и последний кандидат, предложенный Моссовету комиссией по законности, правопорядку и защите прав граждан.

Вокруг этого имени разгорелась настоящая политическая война. Говорили, будто за Комиссарова депутаты «сдали» председателю исполкома все остальные руководящие посты. Будто намеревались штурмом взять Петровку, 38, чтобы посадить в законное кресло законного избранника, не утвержденного в МВД СССР. Члены комиссии пикетировали союзное и российское министерства, а потом, отчаявшись, объявили: «Если Комиссарова не утвердят, мы все умрем» — и перестали есть.

Вячеслав Сергеевич — бывший сыщик, заместитель начальника Волгоградского УВД, министр внутренних дел Северной Осети, начальник курса Академии МВД СССР — доступен журналистам, откровенен (в меру), корректен в отличие от прежнего начальника ГУВД Богданова, без стеснения заявившего на брифинге о своих сомнениях в профессиональной пригодности конкурента.

Сам в политической борьбе не участвует, крайних мер не поддерживает, но верен слову, данному им депутатам, и искренне переживает за них. В 53 года считает себя молодым и сильным, чтобы возродить московскую милицию.

В Академии читает лекции по борьбе с организованной преступностью, пишет диссертацию об экстремальных ситуациях и пресечении массовых беспорядков.

В свободное время помогает жене по хозяйству, с удовольствием гуляет с младшим внуком (у Вячеслава Сергеевича две дочери и трое внуков), играет в шахматы. Регулярно читает демократическую прессу.

Наш разговор состоялся накануне президентского указа о передаче московской милиции в прямое подчинение МВД СССР. Отвечая на вопросы, генерал Комиссаров еще не знает об этом диктаторском жесте Центра, о том, что должность, на которую он избран народными депутатами, фактически упразднена.

Я же пока не знаю, как расценит указ Комитет конституционного надзора Верховного Совета СССР и чем закончится очередная драматическая коллизия нашей жизни.

Уверена в одном. Первый в истории столичной милиции истинно народный ее руководитель, даже несостоявшийся, займет подобающее место в летописи наших надежд и разочарований.

Елена САЛИНА

— Вячеслав Сергеевич, вы хотите быть начальником московского ГУВД?

— Теперь уже — надо. Самолюбие, честолюбие есть. Я дал слово депутатам, и они прошли за меня такую марафонскую дистанцию. Сначала я отказывался несколько раз, я знаю цену должностям в нашей системе, сколько это стоит здоровья. Потом согласился выступить на комиссии и

на альтернативной основе изложить свою программу. Я был у них шестым кандидатом. Большинство проголосовало «за».

— Как ваше нынешнее руководство относится к такому качеству, как честолюбие?

— Без восторга.

— Почему МВД СССР отказалось утвердить вас в этой должности?

— Лучше бы, конечно, этот вопрос

им задать. Дело в том, что никто конкретно не был против. Я побывал у всех заместителей министра, и каждый со мной беседовал полтора-два часа. Ни у кого из них не возникло ни тени сомнения в моей профессиональной пригодности. Только Пуго сказал: «Давайте подождем, пока решится со статусом Москвы». Если верить Пуго, а я ему верю, формально отказа нет.

Возможно, у союзного министерства есть свои виды на эту должность, и меня, насколько я понимаю, в этом списке нет.

— **А как вы собираетесь строить свои отношения с МВД СССР в столь щекотливой ситуации?**

— Мною просчитано. Если руководство хочет, чтобы московская милиция работала лучше, оно не будет вставлять мне палки в колеса. Учитывая совпадение интересов, я надеюсь на их помощь. Чисто человеческая досада уйдет.

Но работать будем только на взаимоприемлемой основе. Помыкать мной, дергать меня без толку или ставить в угол, как мальчика, никому не позволю.

— **Вы независимый человек?**

— Стараюсь им быть. У меня есть свое мнение и своя позиция. Не искачаю, что кого-то это настораживает.

— **Как вы оцениваете нынешнюю работу московской милиции?**

— Я не сказал бы, что она работает плохо. Но я знаю другое: московская милиция может работать лучше при той же численности и ресурсах. Резервы — в улучшении организации деятельности всех структур. Первое, что будет создано с моим приходом, — мощная криминальная служба.

— **Вы уверены, что вам удастся остановить отток кадров из милиции?**

— Если мы не решим вопрос с оплатой труда, ничего не удастся сделать. Желаящих работать на нищенскую зарплату уходит все меньше. Энтузиазм улетучивается, а проблемы остаются.

Я знаю, каково быть нищим. Мой первый оклад был 60 рублей. За вычетами — 50. Я тогда рассчитал, что должен съезть рубль в день. Рубль я ел, а 20 в месяц оставлял на книги, газеты и чтобы переодеться в штатское. А соблазнов ведь полно. В той же столовой милиционера с удовольствием вкусно и бесплатно накормят; в магазине отоварят. Чтобы победить преступника, милиционер должен быть экономически независимым.

Я понимаю, у нас бедная страна. Недавно понял и то, что мы не скоро будем богатыми. Но если общество не даст денег милиции, оно просто не выживет. Сейчас ведь столько соблазнов: кооперативы, СП, охрана, частный сыск. Там же платят бешеные деньги.

— **Кстати, как вы относитесь к совместительству? Известно, что ваш предшественник Богданов**

входил в руководство нескольких СП.

— Я поставил условие: чтобы к моему приходу ни один руководитель не был в составе ни одного СП. Потому что начальник РУВД ли, ГУВД не сможет сохранить независимость, не сделать ничего для этого СП. Это врьсь. Или сам попадет в зависимость, или окажется в положении Фильшина. То есть мой принцип — для руководителей совместительство неприемлемо.

— **А для рядовых сотрудников?**

— Если платить им сколько надо, им не придется охранять кооперативы.

— **Сколько, вы считаете, будет достаточно?**

— Это просчитано. Рядовой милиционер должен получать сегодня не меньше 600 рублей. Но с учетом инфляции и роста цен. Я уже разговаривал с председателями райисполкомов. Большинство из них может и хочет дать милиции денег. Жилищная проблема тоже решается через райсоветы. Без взаимодействия с ними не обойтись. Нужны ведь не только деньги — нужны фонды. Мы обязательно будем строить жилье.

— **Это позволит отказаться от лимита иногородних сотрудников?**

— Количество лимитчиков можно сократить. У нас есть должности, где сутки работаешь, трое дома. Их вполне могут занимать жители Московской области. Вообще важно занять соответствующие позиции в соседних областях, откуда мигрирует к нам преступность. Почему бы сотруднику уголовного розыска не жить в Рязани и оттуда взаимодействовать с Москвой? Мы же тратим время и деньги на командировки. Так же по линии борьбы с организованной преступностью наши люди могут работать и жить в Закавказье, Средней Азии и так далее.

Конечно, о конкурсном наборе в милицию говорить пока рано, но для ведущих служб мы найдем способных людей.

— **И преступность в Москве начнет сокращаться?**

— И преступность в течение этого года и следующего резко возрастет! Знаете, почему? Мы будем регистрировать все преступления. Я уверен, половина из них сейчас укрывается от учета. Грех моих предшественников в том, что в угоду кому-то они всегда стремились показать благополучие. При мне благополучия не будет. Будет укрепляться законность и совершенствоваться учетно-

регистрационная дисциплина. Но и раскрываемость увеличится — я же сам работник уголовного розыска, я знаю, что можно предпринять.

— **Предполагаете ли вы кадровые перестановки в руководстве ГУВД?**

— Если замы захотят уйти на заслуженный отдых — держать не буду. Они все пенсионного возраста. Если же сумеют обеспечить свой участок работы — пусть работают хоть до семидесяти лет.

— **Как вы относитесь к департизации правоохранительных органов?**

— Я свою точку зрения уже высказывал и нажил себе весьма строгих оппонентов.

Если мы претендуем на правовое государство и главенство закона, мы должны отказаться от давления любых партий. Следуя политике определенных партий, мы можем натворить бед, как это случилось в Тбилиси, Баку и особенно четко видно на примере Прибалтики. Что это за структурное подразделение — ОМОН, которое действует на территории республики, а подчиняется президенту и ЦК? Абсурд.

А если спустя какое-то время в органах появятся парткомы или ячейки других партий? Кроме раздора и бесконечных дискуссий, ничего не будет. Вспомните съезды народных депутатов. Каждая партия начнет претендовать на место под солнцем в кадрах.

Правоохранительная система должна быть департизирована. С другой стороны, людям, по несколько десятков лет состоящим в партии, нелегко будет взять и положить партбилеты. Неизбежны психологическая ломка, переживания — по себе сужу.

Предлагаю приостановить членство в партии, и сам готов сделать это. Второй вариант. Прикрепиться к ячейке по месту жительства. Иначе нам всегда будут высказывать недоверие.

Это не популистский жест. Это моя позиция, которая уже давно известна и парткому, и политотделу.

— **И все же, вы готовы к роли неудачника?**

— Готов и к этому. Не вижу в этом трагедии. Попытаться сделать для столицы больше, чем сделали предшественники, — разве это плохо?

ПРОДОЛЖЕНИЕ СПУСТЯ СУТКИ
(ПО ТЕЛЕФОНУ)

— **Сегодня опубликован указ Президента, назначившего начальником ГУВД Москвы и Москов-**

ской области Ивана Федоровича Шилова.

Вячеслав Сергеевич, это... все?

— Это все. Сама идея объединения усилий Москвы и области не плоха, но соответствует ли она Конституции, проведенная вопреки воле депутатского корпуса и Москвы, и области? Как бороться с преступностью без поддержки местной власти? Впрочем, я свое дело сделал...

А Ивана Федоровича я хорошо знаю. Это один из самых удачных кандидатов, профессионал высокого класса и замечательный человек. Но я предвижу новую борьбу. И ему не завидую.

Опять Комиссарова вызывал Пуго.

Просил отказаться, сулил высокие должности в министерстве. Заверял, что лично он ничего против не имеет, но существует же на карте Москвы Старая площадь... Вот вам и призрак, который почти уже похоронили. Ау, серый московский кардинал!

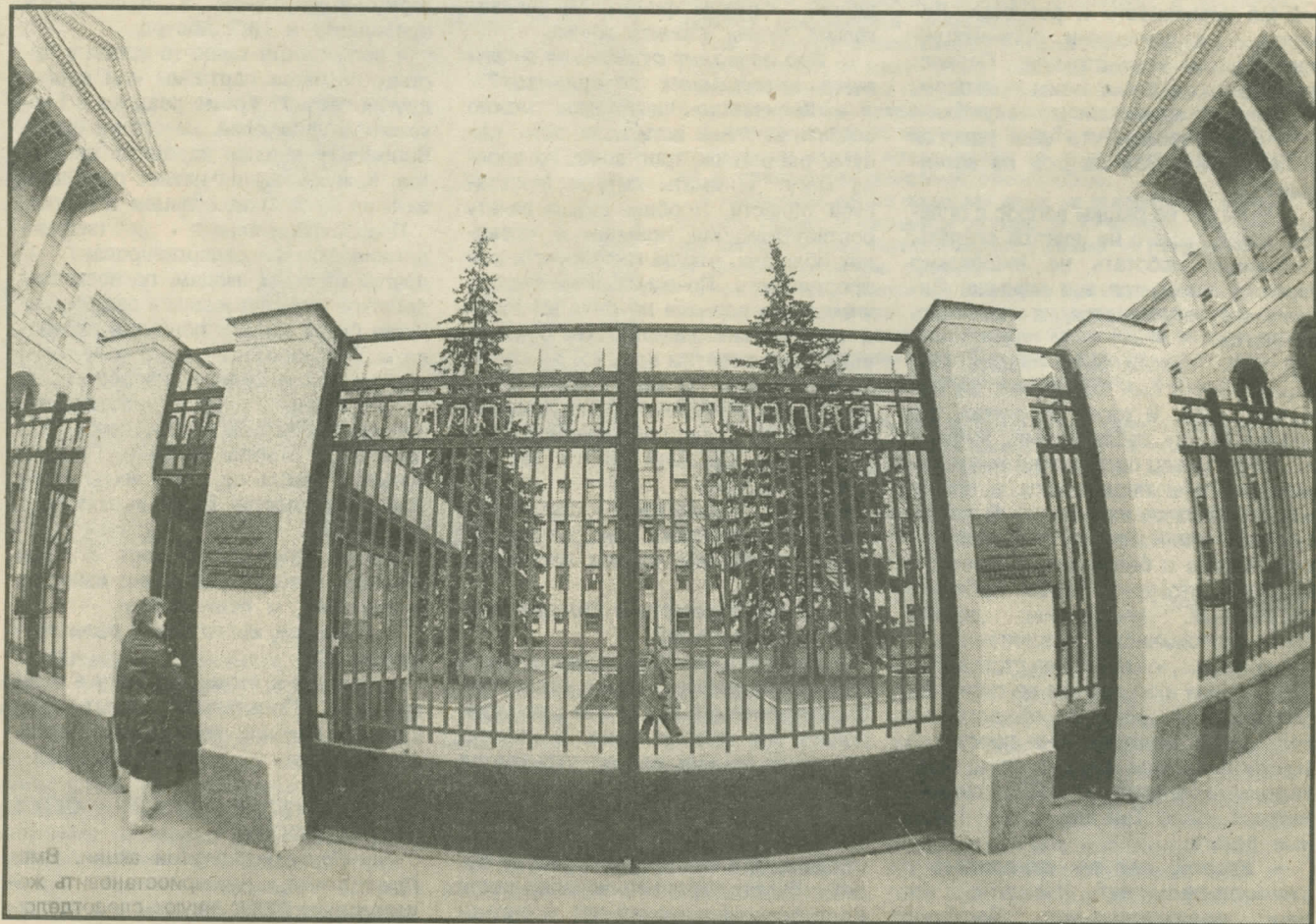
Российский министр Баранников выполнил, наконец, свой долг, издал приказ о назначении Комиссарова. А в ГУВД опять не пускали. Кардиналам министры не указ. Чтобы сохранить влияние, они способны не только стереть Москву с карты России, они к Сатурну ее припишут, как только образуют там КПСС, разумеется. Можно ли департизированной милиции доверить охрану Старой площади?

Что будет дальше? Читатели знают это, наверно, лучше нас.

Нам же пора подписывать номер в печать. А упорное, безрезультатное и безнравственное противостояние продолжается. На одной чаше весов

— жизнь. И горе тому, кто не способен понять, как это бывает, когда чувство собственного достоинства депутата, усиленное тысячекратно молящими глазами избирателей — сделайте же хоть что-нибудь! — дороже жизни.

На другой — тупое упрямство силы. Или очередной виток борьбы за сытое существование. Неужто так плохо, что каждая пядь неотданной земли кажется последней?

Гагик КАРАПЕТЯН

«ДЕЛО ДЖАНГИРЯНА» МЕНЯЕТ АДРЕС

Журналистское расследование истории ареста майора КГБ Армении. Продолжение

Впервые «Столица» рассказала об этом «деле» в 6-м номере еженедельника за прошлый год в статье «Армянский Калугин?». К тому времени майор КГБ Роберт Джангирян уже более года находился в следственном изоляторе в Лефортове, обвиненный во взяточничестве. Но за столь долгий срок следствие так и не смогло собрать убедительных доказательств преступной деятельности Джангиряна, хотя его коллеги из следотдела КГБ СССР старались изо всех сил. Знакомая с документами, беседа с людьми, знавшими Джанги-

ряна и имевшими отношение к «делу», журналист пришел к выводу, что главной «виной» его было сочувственное отношение к карабахскому движению, а основной целью следствия — создать другое, более громкое «дело» о разоблачении «мафии». Ряд народных депутатов СССР направили запросы в связи с этой историей, а она тем временем продолжалась.

Сегодня мы знакомим читателей с некоторыми новыми документами и фактами, собранными в ходе журналистского расследования.

Из письма подследственного Роберта Григорьевича ДЖАНГИРЯНА (изолятор Лефортово, 27.08.90) народному депутату СССР Г.СТАРОВОЙТОВОЙ: «Уважаемая Галина Васильевна! ...В октябре 1989 г. я был арестован в Москве без достаточно доказанных оснований, затем необоснованно привлечен в качестве обвиняемого во взяточничестве. Будучи сотрудником КГБ Армении в должности начальника отделения, поражен разгулом беззакония и произвола в следотделе КГБ СССР. Угрозами, шантажом, провокациями и фабрикации пытались вынудить меня к даче ложных показаний на должностных лиц ЦК КП Армении, МВД, КГБ, Совпрофа, таможи республики, занимающихся вопросами выезда наших граждан за границу, чтобы иметь возможность «зацепить» коррумпированных элементов, якобы виновных в происходящих событиях в республике и регионе».

Из объяснения адвоката А. САРУМОВА заведующему московской юридической консультации № 5 И.КОРОСТЕЛЕВУ: «Ознакомившись с письмом помощника начальника следотдела КГБ СССР А.Никифорова от 13.11.90 о моих якобы неправильных действиях по осуществлению защиты сотрудника КГБ Армении майора Р. Джангиряна, считаю необходимым доложить о следующем...

31.08.90 Джангирян был допрошен по вопросам его правозащитной деятельности в связи с событиями вокруг Армении и Нагорного Карабаха. Он привел ряд фактов своего отношения к этой теме, назвал фамилии следователей, которые, шантажируя, заявляли, что он брал взятки для покупки оружия с целью вооружения армянских боевиков. Мне было известно, что родственники Джангиряна обращались с жалобами на действия следователей в различные союзные и республиканские инстанции, к депутатам Верховного Совета СССР и Республики Армения...

19.10.90 меня вызвал следователь Фролов и сказал, что будет допрашивать Джангиряна по его личному офицерскому делу. Я попросил Фролова осветить в протоколе пять моих вопросов, касающихся участия Джангиряна в неформальном движении по поводу событий в Армении и НКАО, которые нашли отражение в допросе от 31.08.90 (и затем в заметках на страницах «Столицы». — Г.К.).

Он категорически отказал мне в этом, стал выражаться в мой адрес оскорбительными репликами типа: «Вы не знаете элементарных норм закона», «Мы еще с вами разберемся», «Джангирян будет осужден к длительному сроку лишения свободы» и т.д. На мои требования вести себя подобающе Фролов отвечал смехом и все время провоцировал Джангиряна на скандал.

25.10.90 я написал жалобу на имя Главного военного прокурора (копия — Генеральному прокурору СССР), в которой изложил о недопустимом поведении Фролова и просил устранить нарушения закона, допускаемые по делу Джангиряна.

17.11.90 я получил, наконец, ответ на мое письменное ходатайство от 29.08.90 об отводе следотдела КГБ СССР в связи с делом Джангиряна... Этот ответ, кроме общих фраз, ничего не содержал, и ни один из моих доводов, изложенных в ходатайстве на 4-х страницах, не был рассмотрен...

Из письма подследственного Р.ДЖАНГИРЯНА (Лефортово, 27.08.90) народному депутату СССР Г.СТАРОВОЙТОВОЙ: «...Не скрою, что определенную роль в запланированной расправе сыграло мое честное отношение к карабахской проблеме, поддержка Движения и принципиальная оценка дезинформирующим действиям отдельных руководителей КГБ Армении, о чем могут подтвердить коллеги. Поэтому в начальный период следствия меня бездоказательно и беспроточно обвиняли в отправке оружия родственникам в НКАО...

Я не совершал никаких преступных деяний. Сам факт расследования в Москве, а не Ереване указывает на запланированность этой акции. Вместе с тем я прошу приостановить жестокость, проявленную следотделом

КГБ СССР к парализованному сыну. Прикрываясь законом, они запрещают семье использовать автомашину для его транспортировки в школу и лечебные учреждения, вывезли в Москву телевизор с дистанционным управлением, приобретенным для него, чтобы в сидячем положении пользоваться учебными программами».

К письму приложена резолюция: «Пр. направить по адресу вместе со справкой. Помощник начальника Следственного отдела КГБ СССР, полковник юстиции А.Г.Никифоров.3.09.90».

Народный депутат СССР и России Г.Старовойтова познакомила меня с содержанием этой «справки». Написана она, «бумага», в печально известном жанре выдающегося доноса. Без кавычек. Ведь парадокс заключается в том, что Галина Васильевна, получив личное письмо подследственного, не запрашивала подобный материал, да и не собиралась это делать. В ход пущен прием дискредитации и содержания послания, и личности его автора.

Из запроса народного депутата СССР от НКАО, собкора «Литературной газеты» по Армении З.БАЛАЯНА, направленного Генеральному прокурору СССР Н.ТРУБИНУ (12.01.90): «...Джангирия всегда поддерживал тесную связь с родственниками, проживающими в Карабахе. Эта связь, естественно, стала еще теснее с начала «карабахского движения». Поскольку в УК нет статьи, по которой можно было бы обвинять человека за подобные «преступные действия», следотдел КГБ СССР предъявил ему обычное в таких случаях обвинение в получении взяток, хорошо вписывающееся в господствующую в то время доктрину о «коррупцированных элементах»... Не имея прямых доказательств данного обвинения, следотдел КГБ СССР всячески, незаконными методами пытался и до сих пор пытается сфабриковать «дело». Только этим можно объяснить, что срок предварительного следствия по столь тривиальному обвинению продолжается почти полтора года.

К обвиняемому и свидетелям применяются незаконные методы ведения следствия. В частности, на допросах некоторые следователи используют шантаж и угрозы (имеются материалы, доказывающие вышеизложенное). У меня есть все ос-

нования полагать, что данное дело имеет политическую окраску. Очевидно, определенные круги, несмотря на многочисленные провалы, явную абсурдность версии о «коррупцированном» характере карабахского движения, не потеряли надежду доказать недоказуемое...

Если за столь длительный срок ведения следствия следственные органы КГБ СССР вообще не имеют достаточных доказательств виновности майора КГБ Республики Армения — требую немедленного освобождения Р. Г. Джангирия».

Среди материалов, доказывающих предположения, приведенные в этом депутатском запросе, стоит привести один из откликов, полученный мною на нашу первую публикацию о «деле Джангирия».

«Джангирия Роберта Григорьевича я знаю уже много лет по совместной работе в КГБ. У меня были с ним (и не только с ним) дружеские отношения... Публикация статьи «Армянский Калугин?» на многое открыла мне глаза, заставила, наконец, отбросить страх и рассказать о том, как на протяжении нескольких месяцев следственные органы союзного КГБ издевались надо мной. Я не говорю об обыске, потому что он был проведен с санкции прокурора. Я говорю о том, как они уговаривали меня «признаться в совершении преступления» — соучастия в преступлении с Джангирием.

«Ты помоги нам, а потом мы поможем тебе», — говорил следователь Ю.Наскрипняк. Предлагали даже написать за меня «чистосердечное признание» (это уже следователь, допрашивающий меня в Москве, я не помню фамилии — следователи менялись очень часто), лишь бы я подписалась. В первый день в Москве, когда следователь Ю.Наскрипняк вел беседу со мной, в кабинет вошел следователь Малышев и, ударив по столу, строго заявил: «Считайте, что вы арестованы...»

Потеряв надежду вырвать у меня «признание», они стали больше напирать на угрозы и бесстыдный шантаж. «Выкладывайте все, если не хотите убедиться, что в этой папке для вас бомбы», — ядовито подшучивал следователь Ю.Наскрипняк. А «мой» московский следователь даже указывал срок от 3 до 8 лет. «Что же будет с вашим сыном?» — «заботливо» говорил он мне. Дома у меня 10-летний сын и престарелая мать — я их кормилица. Каждый день они страдали ме-

ня новой статьей УК, надеясь психологической атакой сломить меня...»

После публикации в «Столице» в конце января Р. Джангирия перевели в Ереван. Поэтому я решил встретиться с двумя ответственными сотрудниками КГБ Армении.

Из беседы с председателем КГБ Армении У.С. АРУТЮНЯНОМ.

— Усик Суменович! Почему, на ваш взгляд, только в январе-91, а не раньше Джангирия перевели из Лефортово в изолятор республиканского КГБ?

— Когда бы это дело ни передали нам, оно всё равно появилось бы в Ереване «вдруг». С самого начала его производство принял центральный аппарат КГБ. Однако волна общественного резонанса, возникшая после выступлений прессы, запросов народных депутатов СССР, России и Армении, парламентских комитетов по правам человека Верховных Советов РСФСР и Армении, подтолкнула меня поставить вопрос о передаче дела следственным, а затем и судебным органам нашей республики. Это следовало сделать и ради профилактики.

Я направил в Москву письменную просьбу, после чего неоднократно беседовал с руководством КГБ СССР по данному поводу, сообщал им о сложившемся вокруг дела общественном мнении.

Сами понимаете, когда позади столь много времени, а осталось почти ничего, и лишь в конце января этого года дело перешло из Москвы, его перманентные участники — следователи, естественно, прибыли в Ереван, чтобы помочь нашим сотрудникам быстрее войти в курс множества наработанных материалов...

— ...Таким образом вы ответили и на мой следующий вопрос.

— Я его предполагал. Да, коллеги из Москвы сотрудничают с местными следователями, чтобы те за кратчайший срок освоились с делом, многолетним и со специфическими нюансами.

— Однако довольно проблематичной выглядит ситуация, когда одни 15 месяцев мурыжат «дело» в Центре, а, выдохшись, финишировать поручают армянским коллегам. Как же это отразилось на качестве ведения (а теперь уже и завершения) следствия, ограниченного по закону полугодовым сроком?

— Вы правы в том аспекте, что в

прошлом затрачено больше времени, сил и средств, чем остается сейчас. Действительно, трудности имеются, но, увы, третьего не дано.

— У меня возникает вот какое субъективное ощущение: московским следователям не удалось завершить «дело» именно так, как хотелось, как они планировали. Получается, нашим соотечественникам уже в который раз за три года карабахского движения подбросили «дохлую кошку»?

— Не могу согласиться с вами по одной простой причине: на дворе — 1991 год. Скажем, 5–6, даже четыре года назад, это дело было бы завершено теми и там, где началось...

— ...И в кратчайшие сроки!

— Поэтому мы должны комплексно рассматривать фактор времени, изменения в республиках, в самосознании местного населения и т.д. и т.п. Конечно, если оторваться от сегодняшней действительности и поразмышлять доперестроечными категориями, то «они» сами все должны были сделать и тогда «мы» могли бы говорить о «браке». Но сейчас об этом я ничего не могу сказать — следователи до сих пор заняты делом Джангириана.

По делу нет окончательной ясности, да и не вижу пока смысла высказываться. Потом, в конце концов, какая разница, кто именно завершит дело — в общем-то это один Комитет госбезопасности...

— Но я хорошо помню ваше программное выступление с парламентской трибуны, когда после нескольких вопросов народные депутаты Армении, если не ошибаюсь, единогласно проголосовали за вашу кандидатуру. Тогда вы заявили о приверженности республиканского КГБ Декларации о независимости. Поэтому я представляю, насколько морально тяжело коллегам Джангириана заниматься «делом», заваленным в Москве и там же заваленным, как мне кажется?

— Насчет «заваленности»... Наверное, если я пока не знаю, то вам, журналисту, тем более не стоит распространяться...

Понимаете, есть вещи, о которых нельзя судить из-за дефицита подтвержденной информации.

— И все-таки, собирая материал для своего журналистского расследования, постоянно размышляю о соответствии действий органов следствия в Москве и Ереване с нашей Декларацией о независимости...

— Выключите, пожалуйста, ваш диктофон... (Эта часть нашей беседы не предназначалась для печати. — Г.К.)

— Вы виделись с Джангирианом? Не в качестве председателя республиканского КГБ, а как многолетние коллеги? Ведь он не очень здоров, у него большое сердце?

— Понимаете, у меня сейчас нет ни времени, ни возможностей, да и не вижу в этом проблемы. Да, Джангириан в прошлом наш сотрудник — мы вместе работали. По мнению следователей, общавшихся с ним, его физическое состояние удовлетворительно.

Из беседы с заместителем начальника следственного отдела республиканского КГБ Г.ВАРТАНЯНОМ, подполковником юстиции.

— Георгий Саркисович! Не обидно ли с профессиональной точки зрения: о местных следователях вспомнили лишь за полтора месяца до окончания следствия и предъявления, вероятно, стерильно вычищенного от «брака», нового обвинения?

— Чего скрывать — конечно, обидно! Невозможно с нуля возобновить уже наработанное 14-томное дело, опираясь исключительно на собственные силы. Поэтому мы вынуждены были попросить иногородних коллег о сотрудничестве до конца проведения следственных действий.

— Как распределены обязанности следователей на финише «дела»?

— Подключен весь наш отдел — 5 человек, еще семеро прикомандированы из Москвы. У каждого свой «квадрат» — перепроверяются эпизоды, и, уверен, останутся только доказуемые, а сомнительные отсекутся. Прямо скажу: нам психологически тяжело общаться с Робертом. Лично я знаком с ним много лет. Работая с раннего утра до позднего вечера, без выходных, мы стараемся успеть вовремя подготовить обвинение. Жалко, что на начальном этапе следствия московские коллеги не подпускали нас к «делу», вероятно, из-за опасности утечки «горячей» информации.

— Могли бы вы рискнуть и дать прогноз исхода этого марафонского и неоднозначного «дела»?

— Оно, скорее всего, дойдет до суда, точнее, до военного трибунала. Что он решит, безусловно, никто вам сегодня не скажет. Ждать всем нам осталось недолго.

Я понимаю ответственных сотрудников республиканского КГБ: только приговор суда ставит в любом уголовном деле последнюю точку и объявляет человека виновным или снимает с него обвинения. Поэтому, естественно, мне говорили не все, а из того, что говорили, я не обо всем могу рассказывать.

Однако есть в нашем распоряжении факты, от которых никуда не деться. По данным защиты, как в Москве, так и в Ереване, ко дню написания этих строк у Р.Джангириана не было очных ставок. Да, он общался со следователями, адвокатом, родными (при появлении командированных из Москвы Роберт Григорьевич, почти одновременно с адвокатом давший отвод следотделу КГБ СССР, прекращал давать показания). По уточненным сведениям, за полтора года состоялось лишь одно свидание с супругой и пара телефонных разговоров по несколько минут. Вот и вся гуманность на советский лад. Причем каждый раз следователи оговариваются, что нарушают... закон, предоставляя возможность услышать голос матери, близких.

Какими мотивами, какими причинами объяснить столь беспрецедентное решение, как неожиданное направление Джангириана через 15 месяцев со дня его ареста для дальнейшего расследования в следотдел КГБ Армении? Не шито ли это «соломоново» решение белыми нитками? Не есть ли это побег от ответственности за многочисленные нарушения закона московскими следователями? Если «дело Джангириана» по закону было подследственно республиканским органам, почему же нужно было 15 месяцев его мурыжить в Центре, а потом вдруг вспомнить о суверенитете Армении? Любопытно узнать, сколько государственных средств было истрачено на командировки следователей из Москвы и других регионов страны в Ереван (не менее 10 человек)?

Сейчас вместе с «делом» и его участниками в Армении находятся те же самые следователи (Фролов, Молодских, Золотарев, Зайцев и другие). Цель их нынешней командировки — оказание «помощи, сотрудничества» в завершении расследования. Лично для меня совершенно очевидно, что посланцы Москвы наделены функциями контроля над деятельностью коллег в КГБ Армении, чтобы не допустить ухода в сторону от курса Центра, взятого им со дня ареста Джангириана.

ПОЧЕМУ АМЕРИКАНЦЫ НЕ БОЯТСЯ ФБР

Соотечественника узнаешь по глазам. В Лондоне, Нью-Йорке, Париже не спасает ни холеное лицо, ни костюм миллионера средней руки. Где-то там, на донышке глаз, прячется страх, сознание собственного бесправия. И наоборот. Вычислить «западного» иностранца в московском метро — дело нескольких секунд. Даже если он в затертых джинсах и не издает чужеземных звуков, а просто — смотрит. Откуда берутся люди с таким вот взглядом, не затененным зловещей тайной по имени — Государство? Как умудряются доживать до седых волос и глядеть на мир младенчески открыто? Ответы Василия Анатольевича ВЛАСИХИНА, специалиста по конституционному праву и проблемам уголовной юстиции из института США и Канады АН СССР, на вопросы нашего корреспондента помогают в какой-то степени разгадать этот секрет.

— Несмотря на то, что задача советских правоохранительных органов формально состоит в том, чтобы охранять наши права, именно эти органы вызывают у людей наибольший страх. Причиной тому не только история страны, но и правовая безграмотность: незнание наших прав и обязанностей перед органами и, наоборот, — их прав и обязанностей по отношению к нам. Есть ли принципиальные различия в организации, а также в разделении функций и полномочий у американских спецслужб и аналогичных советских ведомств?

— Мне не нравится термин «спецслужбы»: это нечто вроде нашего эфемизма «компетентная организация»! В США есть разведка, есть контрразведка, есть уголовный розыск, службы безопасности. Разведкой занимается ЦРУ, которому запрещена любая правоприменительная деятельность внутри страны. На уровне федерального правительства расследованием занимаются около 50 различных правоприменяющих органов. В СССР функции расследования сконцентрированы в руках

КГБ, МВД и Прокуратуры. Американские «органы», напротив, рассредоточены по направлениям. Они есть практически в каждом министерстве. Думаю, что именно децентрализация правоприменяющих органов служит гарантией демократии. Кстати, крупнейший федеральный орган расследования — отнюдь не ФБР, как считают у нас, а служба внутренних доходов Министерства финансов. Она вызывает наибольший трепет у американцев — ведь речь идет об их деньгах и собственности. ФБР является следственным органом главного юридического ведомства США — Министерства юстиции. Замечу сразу, что Министерство юстиции США не имеет практически ничего общего со своим советским тезкой. В его юрисдикцию, если уж пользоваться нашими аналогами, входят функции прокуратуры, отчасти — МВД, отчасти — КГБ. Что же касается контрразведки, а точнее, расследования и оперативной работы по делам национальной безопасности, то она полностью возложена на ФБР. Кроме национальной безопасности, ФБР расследует дела, связанные с

организованной преступностью, терроризмом, распространением наркотиков, рядом общеуголовных преступлений.

Политический сыск, которым славились ФБР в 50—60-е годы, сейчас находится в предынфарктном состоянии. После уотергейтского скандала, когда ФБР сильно «надавали по лапкам», любая его попытка проявить себя в политическом сыске сразу попадает в фокус прессы, общественности, конгресса. Кроме того, инструкциями, регулирующими порядок деятельности ФБР, запрещено расследование какой-либо деятельности, связанной с реализацией гражданами политических прав и свобод.

— Мы подошли к вопросу о границах полномочий американских правоприменяющих органов. Что является ограничительной линией, за которой начинаются незаконные действия?

— Конституция и решения Верховного суда США как высшего органа конституционного надзора. Конгрессу иногда приходилось менять положения конституции так, чтобы они отвечали требованиям, установленным Верховным судом США. Кроме того, не следует забывать, что мы говорим о стране с прочными традициями конституционного правосознания.

Иногда мне становится смешно, когда я читаю очередное выступление эпохи гласности какого-нибудь деятеля КГБ СССР. Там обязательно встретится стыдливая фраза: «Ну, о некоторых формах работы мы говорить не можем». А все формы оперативной работы в любой стране известны наперечет: использование технических средств наблюдения, подслушивание, перехват телефонных разговоров, внедрение агентов-осведомителей, расследование в традиционной форме — опрос свидетелей и т.д. И глупо делать вид, что никто ни о чем не догадывается.

У американцев все это поставлено

иначе. Я держу в руках феноменальные, по советским меркам, документы. Вот, например, — Инструктивное письмо Генерального атторнея (главы Министерства юстиции США) директору ФБР от 15.12.76 г. «Использование осведомителей в расследовании по делам внутренней безопасности, организованной преступности и другим уголовным делам» или инструкция Генерального атторнея «О порядке проведения секретных операций ФБР». Вот еще — исполнительный приказ Президента США № 12333 от 4.12.81 г. «Разведывательная деятельность США». Снова инструкция Генерального атторнея, на этот раз — «О порядке расследования по делам об общеуголовных преступлениях, деятельности предприятий организованной преступности и терроризму». Эти документы — открытые, и добыты они без каких-либо «разведывательных усилий».

— Но в последнее время западные журналисты поговаривают, что на брифингах в КГБ можно получить такую информацию, какой ни в ФБР, ни в ЦРУ не получишь.

— Не знаю, не знаю... Это, наверное, в программе «Время» так сказали? Нашли какого-нибудь очень дружелюбного журналиста? Я сильно сомневаюсь в наших успехах на путях гласности. Вот вы как гражданин, как журналист можете прочитать ежегодный отчет КГБ СССР? Да что там КГБ — отчет Прокуратуры СССР хотя бы... А любой американец покупает брошюру или заходит в библиотеку — и читает себе подробный ежегодный отчет Министерства юстиции США по всем направлениям деятельности. Раздел ФБР, например. Пожалуйста, все в цифрах и по пунктам — что конкретно сделало ФБР в контрразведке, в борьбе с организованной преступностью, с наркобизнесом и т.д. Здесь же — структура. С указанием имен, фамилий, должностей, служебных адресов и телефонов.

— Мне кажется, стоит подробнее остановиться на «гласности по-американски». Кто и от кого вправе требовать информацию? Какие правовые акты это регламентируют? Есть ли в США «закрытая» информация?

— Правовое оформление гласности в США началось в середине 60-х годов этого века. В 1966 году конгресс принял Закон о свободе информации. В 1974 году положения этого закона были дополнены Законом о прайвеси (неприкосновенности частной жизни).

Итак, кто же вправе требовать информацию? Граждане США (а по закону 1966 года и иностранные граждане), сотрудники средств массовой информации, работники учебных и научно-исследовательских учреждений, представители общественных организаций.

Главное в двух законах — это то, что все федеральные правительственные учреждения обязаны всесторонне информировать население о своей деятельности. Закон 1966 года обязывает министерства и ведомства публиковать для всеобщего сведения или содержать в открытом доступе данные о структуре, курсе, функциях, направлениях и формах деятельности учреждения, а также служебные инструкции для сотрудников учреждения, затрагивающие права и интересы граждан.

Закон 1974 года, регламентирующий порядок доступа к личным досье граждан, обязал правительственные учреждения, имеющие системы таких досье, периодически публиковать в официальном сборнике следующие сведения:

наименование и местонахождение системы досье;
категории лиц, на которые собираются данные;

категории досье;
формы, направления и цели использования досье и категории должностных лиц, допущенных к такому использованию;

порядок хранения досье, извлечения данных, контролирование доступа к досье и их уничтожение;

должностное положение и служебный адрес сотрудника учреждения, ответственного за систему досье;

порядок уведомления гражданина о том, как он может получить доступ к своему досье и как он может оспорить его содержание;

категории источников информации для досье.

Таким образом, граждане могут составить себе представление о работе, например, Министерства обороны, открыв ежегодный правительственный сборник на нужной странице — с фамилиями, телефонами, званиями, схемами, описанием структуры всех подразделений — от разведки до военно-медицинского института. А также — номером телефона, по которому дается более подробная информация.

Гражданин, которого не удовлетворила общественная информация, вправе, руководствуясь законом 1966 года, затребовать конкретную

и интересующую его информацию. Если же он хочет ознакомиться со своим досье, то обосновывает свой запрос либо законом 1974 года, либо двумя законами одновременно. Практически в любом случае запрос удовлетворяется. Однако ограничивается возможность представления информации из таких досье третьим лицам в тех случаях, когда это нарушает интересы охраны частной жизни.

Граждане США наделяются безусловным правом на информацию: не человек обязан обосновать необходимость представления ему документов, а учреждения — свой отказ. Это один из ярких правовых признаков примата личности в праве.

— И какие материалы граждан вправе требовать от учреждения?

— Любые, находящиеся на хранении в любом учреждении. Исключение составляют только личные рабочие записи сотрудников.

— Но ведь есть же какие-то границы гласности? Есть основания, по которым отказывают в информации?

— Есть. Они проистекают из потребности охраны национальной безопасности, секретности оперативной следственной работы, ограждения конфиденциальных источников информации. Все обстоятельства, диктующие ограничения, описаны в законе самым подробным образом.

— А существуют ограничения на предоставление гражданам личных досье?

— Да. Не подлежат выдаче частным лицам досье, хранящиеся в ЦРУ, а также — в правительственных учреждениях, занятых борьбой с преступностью, если они содержат данные, идентифицирующие преступника или подозреваемого, данные об арестах и судимостях лица, «компромат», собранный на конкретного человека в ходе оперативной работы. Засекреченные по соображениям национальной безопасности или внешней политики США досье тоже не подлежат выдаче, как и досье, связанные с обеспечением безопасности президента США и других лиц, охраняемых секретной службой США. «Закрыты» досье, содержащие сведения о проверке лиц, допускаемых к секретной информации, и кандидатов на должности в правительственном аппарате, армии, если при знакомстве с документами можно раскрыть конфиденциальный источник информации. Не выдаются досье с результатами экзаменов кандида-

тов на службу в федеральном госаппарате, а также — содержащие доказательства, собранные для использования в гражданском или уголовном деле.

— **Гражданин может обжаловать невыдачу материалов?**

— Да. И учреждение информирует гражданина об основаниях отказа. Обжалование осуществляется сначала в административном, а затем и в судебном порядке.

— **Честно говоря, мне бы не хотелось, чтобы обо мне вообще кто-нибудь что-либо знал, а уж тем более — собирал досье с помощью осведомителей.**

— На этот случай есть ряд ограничений. Запрещается собирать в досье какие-либо данные о лице, отражающие реализацию этим лицом политических прав и свобод. Если чье-то досье предоставляется другому лицу и это предоставление по закону обязательно — учреждение обязано уведомить об этом человека.

В тех случаях, когда собираемая информация может быть использована для принятия решений, лишаящих гражданина каких-либо льгот, прав или привилегий, учреждение должно получать информацию преимущественно от самого гражданина, предупредив его, однако, официально, на основании какого нормативного акта собирается информация и в каких целях она будет использована.

За умышленное разглашение содержания досье с идентифицирующими гражданина данными лицам или учреждениям, не имеющим законного права на ознакомление, и другие нарушения порядка ведения досье, сбора и выдачи информации предполагается уголовная ответственность в виде лишения свободы на 1 год и штрафа до 1000 долларов.

— **Ну, хорошо. С системой досье более или менее ясно. А что вы скажете о методах работы секретных служб? Например, о давно вошедшем в практику подслушивании? Как-то не по себе становится от мысли, что и у нас теперь оно официально разрешено.**

— Законодательство и судебная практика США исходит из того, что элементарное подслушивание переговоров между людьми является как бы «аудиообъёмом».

Для его проведения необходим ордер — письменный приказ судьи. Чтобы получить такой ордер при расследовании общественного дела, сотрудник правоприменяющего органа должен подать специальную хо-

датайство и представить письменные показания под присягой. Необходимо аргументировать эту меру и указать период, в течение которого будет прослушиваться разговоры.

Ордер выдается не более чем на 30 суток. Для его продления повторяется первоначальная процедура, только в ходатайстве указывается, почему подслушивание необходимо продолжить. Дополнительный срок не может превышать 30 суток.

Даже по делам национальной безопасности ордер на подслушивание выдает опять-таки суд, специально формируемый для этого председателем Верховного суда США из числа федеральных судей. Отказ в выдаче ордера на «электронную контрразведку» может быть обжалован через апелляционный суд. Но — суд!

За подслушивание в обход установленных процедур в США предусмотрено весьма суровое наказание — 5 лет лишения свободы или штраф до 10.000 долларов либо обе санкции вместе. Гражданин США или проживающий в стране иностранец вправе предъявить иск к любому должностному лицу, проводившему электронное подслушивание незаконно, и потребовать денежного возмещения морального ущерба.

Что касается порядка разрешения подслушивания в СССР, то оно проводится без судебного ордера — достаточно санкции прокурора. А допустимый срок проведения подслушивания по сравнению с американским длительный — до шести месяцев. И основное: в Соединенных Штатах ордер выдает судья как незаинтересованный представитель независимой, третьей «ветви» власти, тогда как в нашей стране санкцию на использование такого технически изощренного средства вторжения в частную жизнь граждан дает прокурор — представитель обвинительного ведомства как структуры исполнительной власти. То есть лицо заинтересованное в эффективной (или эффективной) «борьбе с преступностью». А вообще-то, хотя подслушивание показывает свою действенность в выявлении, например, организованной преступности (впрочем, оно действительно и в выявлении политической крамолы), не могу не вспомнить слова бывшего Генерального атторнея США Рамсея Кларка о том, что подслушивание телефонных разговоров — это «мерзкое занятие».

— **И еще вопрос, который будоражит наше общество: осведомители. В Америке они официально «задо-**

кументированы», а их использование строго регламентировано нормами права. Кто эти люди? В чем состоят их функции?

— Говоря о ФБР, следует различать его осведомителей и секретных сотрудников. Осведомитель начинает «работать» на ФБР по разным мотивам: от денежных до патриотических. Использование осведомителей допускается только в тех случаях, когда это ведомство проводит официальное расследование и если не срабатывают другие приемы получения информации. Причем, с одной стороны, во время инструктажа сотрудник ФБР обязан предупредить осведомителя о том, что ему запрещается принимать участие в актах насилия, пользоваться незаконными способами получения информации (тайные обыски, перлюстрация писем и т.д.), проявлять инициативу в планировании преступлений, с другой же стороны — инструкции устанавливают, что осведомителю может быть разрешено строго «дозированное» участие в противозаконной деятельности, если это сочтут необходимым.

ФБР не вправе скрыть правонарушение своего осведомителя ни при каких обстоятельствах. На практике же, исходя из полезности каждого конкретного осведомителя, важности его функций в дальнейшем расследовании, Министерство юстиции и ФБР самостоятельно решают, предавать ли правонарушителя в руки правосудия или скрыть факт правонарушения.

Упор в оперативных мероприятиях стал делаться на секретных сотрудников.

Кстати, после принятия Закона о прайвеси в 1974 году, резко расширившего право граждан на ознакомление со своим досье, в ФБР начался массовый «отток» осведомителей — их стало легче «вычислять».

— **Чем отличаются от осведомителей секретные сотрудники?**

— Секретным сотрудником считается любой кадровый работник ФБР либо другого следственного или полицейского органа, участвующий в секретной операции ФБР и сохраняющий факт своего сотрудничества с ФБР в тайне. Под «секретной операцией» понимается оперативное мероприятие, связанное с созданием и функционированием фиктивных организаций, снабженных соответствующей «липой». Существуют подставные организации, которые фактически являются собственностью ФБР, имеют свой бюджет и соверша-

ют деловые операции, подтверждающие «легенду». Их задача — создать видимость интереса к противоположным сделкам, торговым операциям, финансовым махинациям и т.д.; установить доверительные отношения с лицами, подозреваемыми в правонарушениях, внедриться в преступные структуры и собрать таким образом обвинительные доказательства. Кроме того, подставная организация может создаваться для выявления коррупции среди должностных лиц. Наиболее известна в этом смысле «операция АБСКЭМ», когда сотрудники ФБР, действовавшие под видом богатых арабских шейхов, предлагали взятки членам конгресса, предположительно склонным к взяточничеству.

— То есть занимались откровенной провокацией?!

— Это очень тонкий вопрос. С одной стороны, провокация правонарушения («ловушка») запрещена как инструкциями, так и нормами уголовного-процессуального закона.

С другой стороны, инструкциями допускается «приглашение к совершению противоправных действий», «создание возможностей для противоправных действий».

В инструкциях также указано, что решение склонить лицо к участию в противозаконной деятельности основывается исключительно на сообщениях охраны правопорядка. Тем самым делается попытка предупредить использование этой формы оперативной работы, например, для дискредитации политических соперников конкретной администрации.

— Все равно — не весело. А знают ли граждане свои права перед ФБР?

— Они абсолютно такие же, как перед любым другим правоприменяющим органом. Во-первых, гражданин, если он не подозреваемый, может вообще отказаться от беседы с сотрудником ФБР, и принудить его к разговору невозможно. Во-вторых, прежде чем зашелкнуть наручники, любой детектив, полисмен, следователь

обязан разъяснить подозреваемому его права. Они отпечатаны на стандартных карточках, которые есть у всех сотрудников правоприменяющих органов. Основные права: не давать никаких показаний и пользоваться советом адвоката с момента задержания. Если на суде выяснится, что подозреваемому не были вовремя разъяснены его права, суд может вообще прекратить дело вне зависимости от виновности подсудимого. И такие прецеденты были.

Главное же, что противостоит потенциальным злоупотреблениям органов государства, — это нерушимое право гражданина предъявить иск в независимый суд по поводу любой правонарушающей акции и привести в действие конституционный надзор.

Виталий ЕРЕНКОВ,
Светлана СВЕТИЦКАЯ

ПЕРИСКОП

ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

СЪЕДОБНОЕ ОРУЖИЕ

Неподалеку от североавстралийского городка Элис Спрингс трое полицейских были атакованы и побиты группой аборигенов. Пятнадцать нападающих орудовали необычными дубинками. Как сказал на судебном заседании пострадавший полицейский Марк Коффи, разъяренные хулиганы били его и его коллег замороженными хвостами кенгуру, купленными в ближайшем магазине. Выяснилось, что хвосты оказались вполне надежным оружием — у полицейских обнаружены ссадины и синяки. Шестеро из группы нападавших предстали перед судом. Однако предъявить хвосты в качестве вещественного доказательства оказалось невозможным. По всей видимости, виновники после побоища хвосты эти съели, поскольку у аборигенов они высоко ценятся и как лакомство.

«ЗЮДДОЙЧЕ ЦАЙТУНГ», ФРГ

ТАЙНА МЭРИЛИН

Поклонников Мэрилин Монро ждет в ближайшее время большое разочарование. Дело в том, что ее формы на самом деле не были столь уж впечатляющими. Это выяснилось недавно в Лондоне на аукционе «Кристи», где на продажу был

выставлен купальный шерстяной костюм Мэрилин.

Это обыкновенный купальник черного цвета с белыми крапинками, который ничем не отличался бы от других, если бы... не вшитые массивные чашечки-накладки на грудь, которые придавали ее бюсту большую пышность.

«ДАГБЛАДЕТ», НОРВЕГИЯ

ОТЦЫ И ДЕТИ

Многие считают, что ребенок, родившийся в семье богатых и знаменитых родителей, имеет своеобразную гарантию на счастье. Но слишком часто в жизни все оказывается наоборот: стрессы, плохие отношения с родителями, вынужденная конкуренция с ними часто приводят к самым настоящим трагедиям. Сын Марлона Брандо предстал перед судом по обвинению в убийстве жениха своей сестры. Но и на этом черная полоса в жизни семьи Брандо не кончилась: дочь Брандо уже дважды со времени убийства своего жениха пыталась покончить жизнь самоубийством. Сын знаменитого актера Грегори Пека — тоже Грегори — покончил с собой, будучи не в силах выдержать конкуренцию с именем своего отца. Такая же участь ждала и сына Пола Ньюмена — Скотта, который безуспешно пытался идти по стопам отца, но слава последнего постоянно довлела над Скоттом, вольно

или невольно подминая под себя его индивидуальность.

Известный психолог Мария Тереза Коллитор отмечает, что если такие дети желают следовать по стопам своих родителей, то они должны заранее быть готовыми к возможному краху, ибо далеко не всегда слава детей может заставить зрителей забыть их отца или мать.

«ДОННА МОДЕРНА», ИТАЛИЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПРАЗДНИК МЭГГИ

У бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер неожиданно для нее самой появились все шансы войти в английский хит-парад. Все дело в том, что поп-группа «Вим» записала недавно пластинку, одна из песен которой представляет собой своеобразный салат из выступлений бывшего премьера, положенных на музыку. Песня получила название «Последний праздник Мэгги».

«ДОННА МОДЕРНА», ИТАЛИЯ

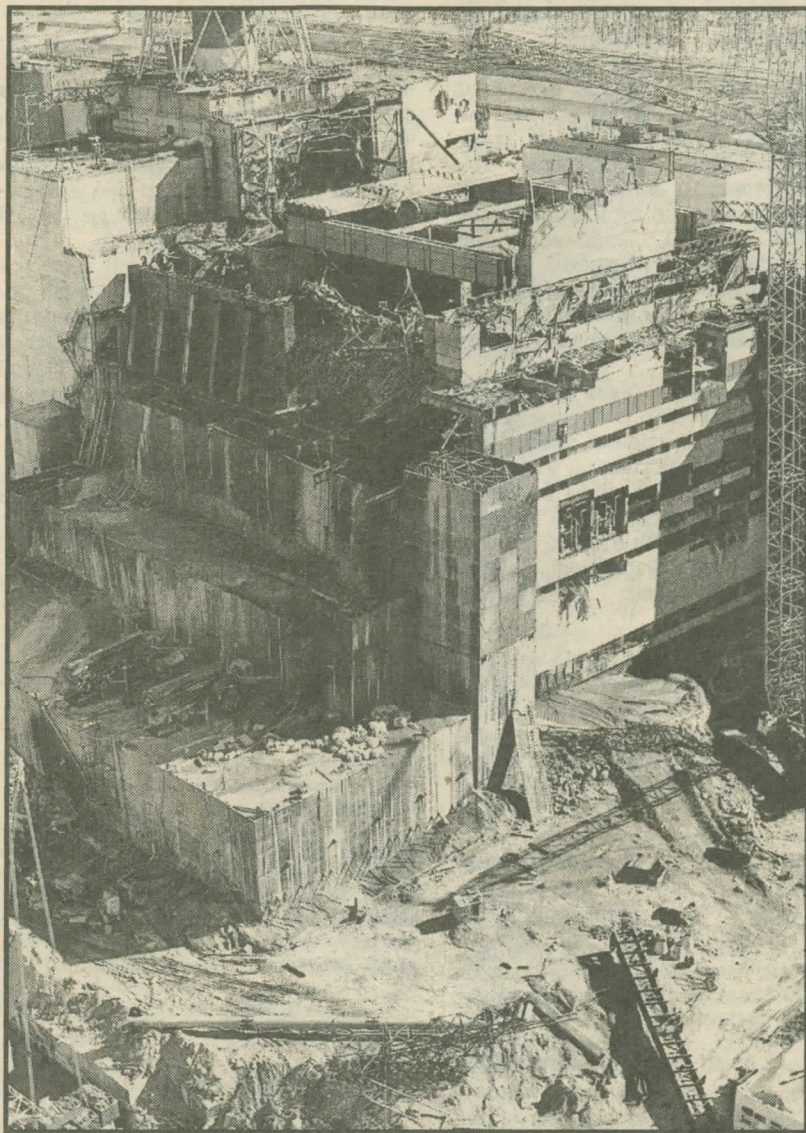

Фото В. Зуфарова

ПРАВДА О БОЛЬШОЙ ЛЖИ

Понять бы нам пять лет назад, в конце апреля 1986-го, что чернобыльский взрыв разрушил не только реактор ЧАЭС — в тот день рухнули главные мифы тогда еще милой нашим сердцам перестройки. Эти мифы погибли не потом — в Тбилиси, Карабахе, не в Баку или Вильнюсе, а именно там, в атомном пожаре, на зараженных землях Украины, Белоруссии и России. «Новое мышление», «гуманный социализм», «права человека» — все обратилось в пустой звук весной 1986 года, когда Системе понадобилось в очередной раз солгать, чтобы сохранить себя.

И она пошла на немислимую ложь, укрывалась за грифами секретности, подложными цифрами, с подлым равнодушием смотрела, как медленно умирают люди, вся вина которых в том, что они «неудачно» выбрали место жительства.

Как многократно бывало, Система повязала этой ложью многих — от мелких чиновников до высших руководителей страны, от простых исполнителей до академиков.

Понадобились годы отчаянной борьбы, чтобы правда о Чернобыле пробилась к нам. (Вернее, начала пробиваться, потому что если мы до сих пор не посчитали своих погибших в Великой Отечественной, то через сколько же лет узнаем число жертв Чернобыльской катастрофы? И узнаем ли вообще?)

Житомирская журналистка Алла Ярошинская была одной из первых, от кого мы услышали эту правду. С ее статьями пытались бороться испытанными приемами: новой ложью, клеветой, «административными мерами». Не получилось. И вот написана книга «Чернобыль с нами», в которой собраны десятки документов, писем из погубленных районов Украины, названы имена тех, на ком лежит главная вина за годы лжи. Документальная повесть Аллы Ярошинской подготовлена к печати в одном из издательства. Для сегодняшней публикации мы выбрали фрагменты из главы, которая называется «Наши дети умирают. Помогите!»

В. СТАРЧЕВСКИЙ

Алла ЯРОШИНСКАЯ

ЧЕРНОБЫЛЬ С НАМИ

Письма из зоны жесткой радиации — обжигающие документы. Я получаю их ежедневно. Исповеди. Коллективные. От жителей. От инициативных групп. От местных властей. От трудовых коллективов. От общественных организаций. Иногда отчаявшиеся люди присылают даже полные боли стихи. Дневники.

«Мне нет еще 32 лет, а я по несколько раз в год попадаю в больницу. И все мои четверо малолетних детей (до 12 лет) тоже бесконечно болеют (слабость, в суставчиках болят ручки и ножки, низкий гемоглобин, увеличена щитовидная железа, лимфоузлы, головные боли, боли в животике, бесконечные простудные заболевания). И так в каждой семье.

Мы хотим жить. Мы хотим, чтобы жили и росли здоровыми наши дети и чтобы у них было будущее. А через бездушность, черствость, жестокость тех, от кого зависит наша судьба и судьба наших детей, мы обречены на самое страшное, потому что сами это хорошо понимаем. Только не понимают или не хотят понять этого бюрократы в мягких креслах.

Народичам обещают хотя бы несколько сел переселить, а о нашем районе молчат. И мы вынуждены сколько лет кушать, пить радиацию и дышать ею и ждать последнего дня. И это в советской стране, где всегда и везде (по радио, в газетах, в школе) говорят, что в центре внимания стоит человек!

Неправда это! Никому мы не нужны. Куда обратиться? Если бы знала куда, написала бы в ООН, потому что наши местные органы, да и печать такие же бессильные, как и мы.

Просим, умоляем: помогите нашему горю, помогите спасти наших детей! Охремчук Валентина Николаевна, мать четырех сыночков, все «матери Олевщины».

«Мы, жители села Марьяновка Народического района Житомирской об-

ласти, обращаемся к Вам за помощью. Все оставили нас один на один со своей бедой.

Апрель 1986 года нам запомнился навсегда. Хотя уже прошло три года, но авария на Чернобыльской АЭС все больше нас беспокоит. Она все больше отражается на здоровье наших детей. Со слезами на глазах мы смотрим на них, а помочь мы им не в силах. Уже сейчас видно, что наши дети не те, что были раньше.

Куда девалась бодрость, радость, смех? Они часто болеют. И это не отдельные случаи. Да еще еду мы готовим для себя и для детей из того, что выращиваем на своем огороде. Хотя знаем, что этого делать не надо. Но по-другому поступить не можем. По всему колхозу загрязненность молока самая высокая, она превышает допустимую норму в несколько раз. В магазин овощи и фрукты не завозят совсем. Молоко привозят очень редко. А колбасу и мясо привозят только тогда, когда она останется в тех селах, куда завозят «чистые» продукты. Села эти размещены вокруг нашего в 3—4 километрах. Село наше небольшое. Проживают здесь почти все колхозники, работы такой нет, поэтому и заработки невысокие. В среднем за месяц по 60—70 рублей. Есть семьи, в которых по трое—четверо детей».

Под письмом 13 подписей колхозников села Марьяновка.

«К вам обращаются жители села Рокитно Овручского района Житомирской области, которые находятся в зоне радиоактивности. Специалисты, которые неоднократно проверяли почву, воду, продукты местного производства, говорят нам, жителям, что радиация превышает естественный фон в несколько раз. Нам сказали, что должны платить 25 процентов от зарплаты и 30 рублей, как в селах с повышенной радиоактивностью. Мы неоднократно обращались в Москву, но Вы знаете, что все письма возвращаются в область, а там в областном отделе агропрома сидит Быстрицкий и дает ответы на наши письма, что радиация в пределах нормы.

Приезжает санстанция, представители с Киева и говорят, что нам должны платить и завозить «чистые» продукты. Продукты изредка завозят. Обратились в райисполком по поводу оплаты за повышенную радиоактивность, нам сказали, что деньги выделяются, но этот вопрос решается уже три года.

Люди нашего села пострадали во время войны. Село пережило беду, подобную Хатыни.

От имени жителей села Рокитно Барановский Анатолий Иванович».

«Каждый прожитый день в «грязной» зоне еще раз подтверждает, как жестоко нас обманывали, припрятывая правду о Чернобыле. Высокопоставленные чиновники союзных и республиканских министерств и ведомств, прикрывая свою бездеятельность и равнодушие, пятый год безответственно и преступно уверяют о возможности проживания на загрязненной территории, оттягивают отселение людей в экологически чистые районы. А тем временем за их поступки мы расплачиваемся своим здоровьем, а возможно, и жизнью.

Чернобыльская беда, не обходя ни взрослых, ни детей, ни престарелых, пришла в каждый наш дом, в каждую семью, в каждый трудовой коллектив. Перечеркнув будущее многих...

сяч людей, она принесла боль и печаль в их жизнь, превратилась в безвыходную трагедию. Терпению нашему приходит конец. Так жить дальше нет возможности и сил.

...Мы ждем срочного решения конкретных, самых наболевших, неотложных проблем: ускорения отселения людей из грязных территорий, обеспечение полной гласности о выполнении государственно-республиканской программы ликвидации последствий аварии и ранее принятых правительственных постановлений по этим вопросам: полного решения проблем оздоровления всех потерпевших от аварии, и в первую очередь детей; обеспечения всех экологически чистыми продуктами питания в необходимом количестве; разработки и принятия... Закона о статусе потерпевших от аварии на ЧАЭС, который бы гарантировал получение квалифицированной медицинской помощи и систематический углубленный медицинский осмотр с привлечением специалистов, давал бы право на бесплатное получение эффективных лекарств согласно рецептам врачей; гарантировал бы право пенсионного обеспечения для женщин в возрасте 50, мужчин — 55 лет при условии, что они жили и работали на загрязненной территории соответственно пять и шесть лет, а не 12 лет, как того требует только что принятое постановление о «льготах». После таких «льгот» пенсию кому будет назначать. Разве авторы постановления не ведают, что здоровье у нас, у наших детей и родителей крайне подорвано? Из-за радиоактивного облучения наши ровесники с ленто-ткацкой фабрики, других промышленных предприятий не в состоянии выдержать восьмичасовой рабочий день. Разве могут 12 лет глотать радиоактивную пыль механизаторы, водители, трактористы, работники скотоводческих ферм и рассчитывать на «льготную» пенсию?

А что уже говорить о детях, нашей надежде, которые теряют сознание на уроках, не могут выдержать учебной нагрузки? Постановление о «льготах» их тоже обязывает прожить в зоне не менее 12 лет. А как быть людям предпенсионного возраста, которые потеряли силу и здоровье и теперь их безжалостно доконают малые дозы радиации? Им тоже ждуть 12 лет? Или умирать, не дождавшись «льгот»?

Иногда считаем непростительным преступлением действия сановных лиц и органов, которые такими постановле-

ниями заставляют людей, перенесших самый тяжелый первый удар радиации, длительное время жить и работать в атомном аду.

Исходя из сложившихся условий, считаем справедливым, если будет принято соответствующее положение о том, чтобы засчитывать каждый год работы в зоне жесткого контроля за два года трудового стажа.

Защита здоровья людей невозможна без всесторонне взвешенных нормативных документов, принятых на самом высоком уровне. Именно поэтому требуем, чтобы каждому жителю, который стал жертвой Чернобыля, был выдан заверенный правительством и подписанный конкретными лицами санитарный паспорт-гарант. Этот документ давал бы потерпевшим реальные льготы, защищал бы их интересы, обеспечивал бы человеческие бытовые и жилищные условия, давал гарантию на будущее.

Без этого мы чувствуем себя атомными заложниками, оставленными наедине со своими бедами и тревогами. Уже идет пятый год невиданной народной трагедии, но за это время в Народичи так и не нашли дорогу ни (ныне покойный) В.В.Щербицкий, ни бывший председатель Президиума Верховного Совета УССР В.С.Шевченко, ни В.А.Масол (обращались четыре раза), ни В.А.Ивашко.

Значит, наши страдания, жизнь наших детей и отцов для них ничего не стоят. Мы все больше убеждаемся, что для нас остался один выход — обратиться за помощью в Организацию Объединенных Наций или вместе с детьми и родителями погибнуть на растерзанной атомом родной земле. С уважением.»

Под этим письмом подписались 25 комсомольских секретарей колхозов, предприятий, больницы, поликлиники, отдела культуры, райпотребсоюза, школы, других учреждений Народичского района.

«Я живу в городе Могилеве, а пишу Вам. Мы все ждем, когда же прозвучит ясный ответ на вопрос: когда закроют вообще Чернобыльскую АЭС (и чем скорее, тем лучше)? Живем, как атомные заложники. Дозиметров ведь у нас ни у кого нет, и проверить данные мы не можем. Надежда на приобретение их тоже нулевая, хотя и пишут кое-где, что их начали выпускать. А замеры официальные брались из расчета два на один квадратный километр. Тогда как надо бы че-

рез 10—15 метров (как при поиске источника радиации). Так что, думаю, впереди еще много сюрпризов.

Все пишут о взрывоопасности и ненадежности того типа реактора, которые у нас в стране и в Чернобыле. Так чего же нам еще ждать? Когда следующий блок взорвется? Мы уже свою дозу получили, думаю. И добавляем каждый день.

В отношении же «нехватки электроэнергии» в стране при закрытии АЭС — это неправда. Согласно докладу Горбачева, мы экспортируем электроэнергию за границу (по договорам), а сами умираем. Так не слишком ли дорогая цена экспорта?

Грибы и ягоды не покупаем, говядину — тоже, в лес не ходим, на солнце стараемся быть меньше...

Надо нам вместе думать и бороться за закрытие Чернобыльской АЭС.

Ожеская Зинаида Филипповна, врач. Могилев».

В последнее время характер писем из пораженных районов несколько изменился. Люди пишут о неурядицах при выселении, о нечистоплотности некоторых должностных лиц, которые, пользуясь своим служебным положением, быстрее, чем другие, переселяются в лучшие, чем другие, места и квартиры.

«Мы, жители сел Малые Клещи и Старое Шарне Народичского района, подлежим выселению. Выселены еще с 20 июля 1989 года. Но жилья нам так и не предоставили. Хотя представители облисполкома обещали закупить нам жилье. Мы обращались за помощью в Народичский райисполком, слышали обещания в Барановском райисполкоме. Готовиц и Малиновский (работники Житомирского облисполкома. — А.Я.) в Народичах обещали нам все, а когда мы приехали и нашли себе дома, так эти товарищи отказались нам помочь. Куда нам еще обращаться? Куда нам детей своих девать? Где им ходить в школу? Возможностей для этого у них нет. Просим нам срочно помочь, так как нам негде жить».

12 подписей переселенцев.

Они нашли меня почти ночью, на дежурстве в типографии. Молодые женщины плакали. Мужчины говорили о том, что если их семьи не устроят с жильем, то вот завтра они разобьют палатки на площади возле обкома партии. Так горько для

этих семей началась «новая жизнь» после отселения.

«Убедительно прошу Вас разобраться в несправедливом распределении квартир на отселение из Народич.

Я, Ницович Наталья Евгеньевна, проживаю в Народичах с 1975 года. Приехала по распределению после окончания музыкального училища. Вышла замуж. От брака имею двух сыновей в возрасте 10 и 13 лет. С 1984 года осталась вдовой. На момент аварии на ЧАЭС с детьми проживала и проживаю в Народичах. После двух лет в зоне высокой радиации дети стали болеть, и по совету врачей я была вынуждена их оттуда увезти. Младшего сына отправила к своим родителям в Житомир. А старшего отвезла к свекрови в Ивано-Франковскую область. И так моя семья распалась. И вот уже два года я не могу жить вместе со своими детьми. Дети остались без отца. А теперь еще и лишены материнской ласки и тепла. Но вот в 1989 году появилась надежда на выселение и обретение крова, на то, что мы будем жить вместе. Но ув. Члены комиссии по распределению квартир лишили меня этой надежды, мотивируя тем, что я сделала преступление, ценой разлуки с детьми вывезла их из Народичей.

В первый этап в город Житомир я не попала (дали 37 квартир). Затем Киев дал 200 квартир. Я записалась туда, тоже отказали, записав меня на Житомир во второй этап. Но Житомир до сих пор квартир не дает, и обещают в 1991 году.

Из 37 человек, которые получили уже квартиры, трое отказались. Так их заняли члены райисполкома, у которых дети взрослые, старше 18 лет. Лукьяненко, заместитель председателя райисполкома по строительству, и Шуляренко, заместитель председателя райисполкома. Так где же справедливость?

Председатель комиссии по распределению квартир тов. Ковальчук был записан в четырех областях, но решил остановиться на Киеве. Тов. Иванченко работает в плановом отделе райисполкома, уже получила ордер в г. Хмельницком, а через неделю — ордер в г. Киеве. Тов. Шелюк — заведующая ЗАГСом была записана на Житомир. Еще не взяв открепления, получила ордер на Киев. Получается так: если ты работник испол-

кома или приближенный к исполкому, так можешь менять квартиры где и как хочешь. А на таких, как я, никто внимания не обращает. Хотя в первую очередь должны выселиться семьи с детьми до 14 лет...»

С этим письмом я обратилась в Житомирский облисполком. Оттуда ответили, что «гр. Ницович Н.Е. выдано направление под № 4/2 от 05.06.1990 г. на поселение в квартиру по адресу: г. Житомир, улица Шевченко, 85. Завершение строительства дома планируется в первом полугодии 1991 года». И ни слова о злоупотреблениях должностных лиц. Пришлось направить ксерокопию письма Ницович в прокуратуру. Письмо такое в моей почте — не единственное...

«Мы все очень боеем, а больше всего жена и дети. Жену уже дважды возвращали из смерти. Мы старые люди, вдвоем проработали 80 лет. Вызвать «скорую» — проблема, бегаем по соседям. Хорошо, если днем. А если ночью — будим соседей. Мы им уже в печенках сидим. Прошу год начальника Бердичевского РУС поставить телефон. Хотя бы такой, который бы работал после шести вечера. Так он меня, старого человека, выгнал из кабинета. Не от добра прошу тот телефон. Совести нет у начальника РУСа, он мне в сыновья годится. Провели в Гальчине газ, обещали и мне. Купил у спекулянтов трубы. Выкопали с сыном и зятем яму посреди двора. И стоит яма, пока внучек, три года, не упал в нее и не вывихнул руку. Дали дочери телеграмму. Куда я не ходил за этот газ, нигде не помогли.

Не дай бог этим начальникам и их внукам, их детям того горя, как у нас. Если бы знали, что так будет, никогда бы не поехали.

Я работаю с 14 лет. Жена тоже. Разве наша вина в том, что мы переехали? Иностранцы помогают, а здесь — свои... Горько и больно нам. А дети, а внуки? Как им в глаза глядеть? Год езжу прошу: ну, дайте, ну, продайте. Если бы у них беда была, я бы свое отдал.

Вы знаете, никогда, век, можно сказать прожил, не думал, что это у нас такой порядок. До свидания. Извините.

Зайченко Александр Федорович и его семья. Село Гальчин».

Вот такое обиженное письмо от старого человека, запутавшегося в

недрах кабинетов различного уровня чиновников, обивающего их пороги.

Но письма не остались безответными. После серии моих публикаций о жесткой зоне радиации рядом с такими письмами на стол ложатся другие — с предложениями помощи. Отовсюду. Они как бы уравнивают первую стопку боли на весах нашей жизни. Если бы не было их, трудно, невообразимо трудно было бы жить нам. Но, слава богу, они есть.

«Недавно мы с моим отцом ездили в его родное село Корино Тейковского района, — пишет О.Д. Гусева из Иванова, — в нем очень много пустующих домов. Они еще в хорошем состоянии. Я и подумала, почему бы жителям зараженных районов Житомирской области не переехать сюда? Конечно, эти бедные люди, пострадавшие от радиации, вправе требовать новых домов, официальной помощи и всего прочего от правительства. Но не будет ли официальная помощь слишком запоздалой? Не лучше ли подключиться общественности? Если понадобится моя помощь, я всегда к Вашим услугам».

Жительница Бердичева, инвалид второй группы Н.И. Самойленко, сообщает о том, что в селах Бердичевского района тоже есть немало пустующих домов. Она уверена: «Надо немедленно предложить людям и такой вариант, пока новых квартир нет. Будут спасены дети!»

Ко мне на депутатский прием пришел пенсионер с просьбой: «Живу сейчас у детей в городе, в селе у меня осталась хата. Отдайте ее переселенцам».

Украинское общество в Литве вместе с «Саюдисом» доставили малышам в Народичи целый КамАЗ чистого питания.

Благотворительная международная организация «Врачи без границ», представитель которой позвонил из Парижа, предлагает свою безвозмездную помощь: обследование людей, дозиметры. Известно, что эта благотворительная организация уже не раз оказывала помощь нашей стране — и в Армении, и в Тбилиси.

Иерусалим предлагает взять народичских детей к себе на оздоровление. Армянские дети после землетрясения тоже отдыхали там...

О, если бы слова милосердия могли избавить нас от радиации! Если бы!

Юрий БОГОМОЛОВ

Пожалуй, нет более скучного времяпровождения, чем созерцание фильмов из жизни первых лиц. В картинах типа «Наш Никита Сергеевич» (о Хрущеве) и «Быть самим собой» (о Горбачеве) все предопределено, как в дипломатическом протоколе: информация, интонация, интерпретация.

А С ДРУГОЙ СТОРОНЫ...

Олеография может быть весьма познавательной, если посмотреть на то, что показано в фильмах об ильичах и сергеевичах, не как на действительное, а как на желаемое.

Что более всего обращает на себя внимание в фильме о Михаиле Сергеевиче, так это уровень приватизации образа государственного деятеля высшего ранга. Чтобы по достоинству оценить новацию в фильме «Быть самим собой», связанную с показом мамы президента, с перелистыванием его семейного альбома, надо вспомнить, что в документальных и художественных изображениях Сталина редко можно было найти намек на частную сторону биографии вождя.

Дело было, конечно, не в недостатке верноподданнического воображения тогдашних олеографов. Дело было в самом типе олигарха.

Сталин — явление сугубо идеологическое. Его происхождение не могло быть ни человеческим, ни божественным. Конечно, за ним числились отец с матерью. Но ни тому, ни другой не было места в канонизированной и документализированной легенде. Как не было там места и детям вождя. По легенде выходило, что Сталин произошел непосредственно от Ленина. В переносном, разумеется, смысле. Но тогда все понималось и осознавалось только в переносном, фигуральном значении. Заводы и фабрики, поля и леса, реки и горы. Все норовило стать символом, знаменем или просто знаком чего-нибудь. Про серп с молотом не говорю. Про первый трактор и первый сепаратор — тоже. Про Днепрогэс — тем более. Но и реальные люди с энтузиазмом отдавали собственные имена общественным движениям и политическим кампаниям.

Происходила тотальная семиоти-

зация и символизация всей нашей действительности. При этом граница между значимым и знаком вполне успешно стиралась в пользу последнего. Изобилие на экране было более реальным, чем нищета в действительности.

Мертвый Ленин в Мавзолее представлял перед скорбящими посетителями как ж и в о й. Но и живой Сталин на Мавзолее являлся перед ликующими демонстрантами как ж и в о й. Он уже не мог и просто не был в состоянии появиться просто так, самим собой, в натуральную величину и без свиты. С ним и перед ним, вокруг него было К А К. Иными словами, Сталин стал абсолютной условностью. И все, что с ним происходило, носило исключительно условный характер.

В финальной сцене «Падения Берлина» Сталина поцеловала простая советская девушка. Попросила разрешения, не встретила возражений и приложила губами к мундиру генералиссимуса в районе груди. Сегодня смотрю на это с чувством неловкости и за девушку, и за вождя.

Это потому, что я смотрю неправильно. Потому что не вижу переносного смысла самой сцены.

Тот поцелуй не был поцелуем в конкретно-физическом смысле. Он был медалью (а может быть, и орденом) чистоты, невинности, словом, народной наградой, присужденной фигуральному отцу фигуральными детьми. Потому, вероятно, поцелуй и был запечатлен не на челе, а на груди, в том ее месте, где прикручиваются знаки отличия.

Поцелуй стал знаком отличия. Знаком величия был вождь. Знаком самоотречения стал простой советский человек.

Мы оказались в Зазеркалье, во власти собственных отражений, под присмотром словесных выражений. Слово «Сталин» было много могущественнее того реального человека, которого оно обозначало.

Хрущев, заняв место Сталина на административной пирамиде, попытался скинуть с себя его семиотическо-символическую амуницию. Под ней обнаружился реальный человек, плотный, полный, совсем простецкий, очень земной... И по льстивому документальному фильму «Наш Никита Сергеевич» было видно, что новый вождь спустился к нам не с небес, а всего лишь с высоты своего служебного положения.

Однако выйти из Зазеркалья не просто даже при желании. Хрущев был человеком отчаянным. Он смело сорвал с себя маску, но под ней оказалось не лицо, а новая маска. Маска земного человека. И те, кто его приветствовали, подносили ему хлеб-соль, тоже были в масках — простых

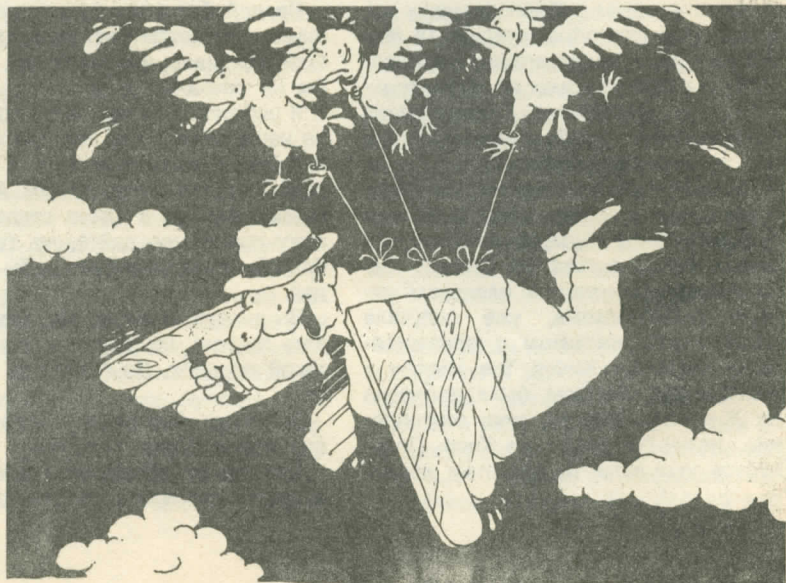

Рис. В. Иванова

советских людей. Авторы документальной ленты не погрели против истинности желаемого. Никита Сергеевич был «нашим».

Да мы-то были еще никем и ничем. Считанным людям удалось в годы оттепели и застоя эмигрировать из Зазеркалья, освободиться от страха перед словами и прочими символами. Впрочем, дело не только в страхе, но и в потребности. В потребности быть под знаком, зависеть от знака, наконец, чувствовать себя знаком: в одном случае — внимания, в другом — интереса, в третьем — чего-нибудь еще.

Для Брежнева в последние и предпоследние годы его правления процедуры награждения и самоодаривания стали, можно сказать, такой же физиологической потребностью, как голод и жажда. И лобзания у трапов самолетов в знак идеологической солидарности носили сугубо семиотический характер, несмотря на их почти натуралистическую страстность.

Легко заметить, что едва ли не каждый из наших вождей состоит из набора взаимозаменяемых подробностей. У одного это картавость, кепка, прищур, характерный жест правой руки. У другого — акцент, трубка, усы. У третьего — кукуруза, изображение про Кузькину мать, башмак. У четвертого — родимое пятно, характерное косноязычие. Наши вожди сводимы к подробностям, как гоголевский майор — к носу.

Перестройка тем оказалась отличной от оттепели, что уже не только «наш Михаил Сергеевич» попытался скинуть с себя семиотическо-символическую шкуру, но и остальной народ. Каждому, как и Михаилу Сергеевичу, хочется вернуться к самому себе. Все дружно навалились на зеркало с той, темной, стороны. Оно наконец треснуло и разбилось вдребезги. Далее по Андерсену: осколки злого зеркала стали попадать в глаза отдельных граждан. И началась гражданская война между символами и знаками. Воюют знаки, а умирают люди.

Современные сервиллисты делают ту же ошибку, что и Иван-царевич в сказке про Царевну-лягушку: думают, что если сжечь опостылевшую номенклатурную амуницию, то президенту ничего не останется, как «быть самим собой». Прежде «прямые, честные старики» (по Е.Шварцу), чтобы сделать вождю приятное, говорили без экивоков, что он Бог. Теперь — что он человек.

ЗВЕЗДА НУЛИСЬ

Как звезда и свастика чуть не стали символами Красной Армии

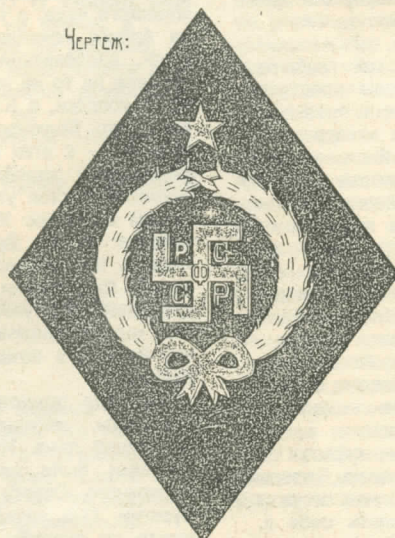
Кандидат исторических наук полковник Владимир Оттович Дайнес возглавляет отдел Института военной истории Министерства обороны СССР. Уже давно его основная работа стала и главным увлечением — он открывает, вернее, возвращает из забвения героев гражданской войны. «Ведь кроме пресловутого Василия Ивановича были и другие командиры и командармы.

Как-то работая в Центральном государственном архиве Советской Армии, Владимир Оттович наткнулся на весьма любопытный документ, в котором, в частности, говорилось:

«Приложение к приказу войскам Юго-Восточного фронта с.г. № 213.

ОПИСАНИЕ

Ромб 15×11 сантиметров из красного сукна. В верхнем углу пятиконечная звезда, в центре — венок, в середине которого «ЛЮНГТН» с надписью

«Р.С.Ф.С.Р.» Диаметр звезды 15 мм., венка — 6 см., размер «ЛЮНГТН» — 27 мм., букв — 6 мм.

Знак для командного и административного состава вышит золотом и серебром и для красноармейцев трафаретный.

Звезда «ЛЮНГТН» и лента венка вышиты золотом (для красноармейцев желтой краской), самый венок и надпись — серебром (для красноармейцев — белой краской).

Отыскать в архивах другие факты, касающиеся этого символа, ему пока не удалось. Известно лишь, что командовал красными на Юго-Восточном фронте в 1918—1919 годах (время, когда создавался «ромб») Василий Ива-

нович Шорин, бывший полковник царской армии, репрессированный в конце 30-х годов и реабилитированный посмертно. Известно также, что предполагались и другие элементы символики для Красной Армии, но пятиконечная звезда с серпом и молотом оказалась «всех сильнее».

Кто конкретно создавал найденный Дайнесом символ, кто и почему его отверг, что означает «ЛЮНГТН», не известно. Не понятно, почему лопасти свастики, которая у древних являлась символом плодородия, загнуты в другую сторону.

Публикуя этот отвергнутый символ Красной Армии, мы надеемся, что кто-нибудь поможет историку ответить на вопросы. И еще, как говорится, чем черт не шутит, а вдруг эта самая звезда «ЛЮНГТН» все же обретет жизнь на флаге одного из движений «наших» или «патриотов», проповедующих национальную, партийную и прочую чистоту своих рядов. Неплохо бы он смотрелся и на беретах доблестных «омоновцев», покрывших себя неуязвимой славой в тбилисских, вильнюсских, рижских битвах, сражениях в селах Нагорного Карабаха и другими подвигами.

Александр ФИТЦ

И УМЕРЕТЬ В ПАРИЖЕ...

Ж.Оффенбах
«Парижская жизнь»
Театр «Эрмитаж», реж.
М.Левитин

Такие веселые, озорные спектакли ставят, когда на душе невесело, но надо нести свой крест и сопротивляться нарастающей энтропии. Такие спектакли про парижскую жизнь ставят, когда находятся в добровольном плену московской жизни, в которой не достать материалов на шикарные костюмы для богатых французов. Такие спектакли ставят, когда талантливы, как Михаил Левитин и художник Гарри Гуммель, и умеют договориться со своими артистами. Наконец, такие спектакли ставят, когда хочется немного полететь по-французски, но зато поговорить уже на чистом русском языке.

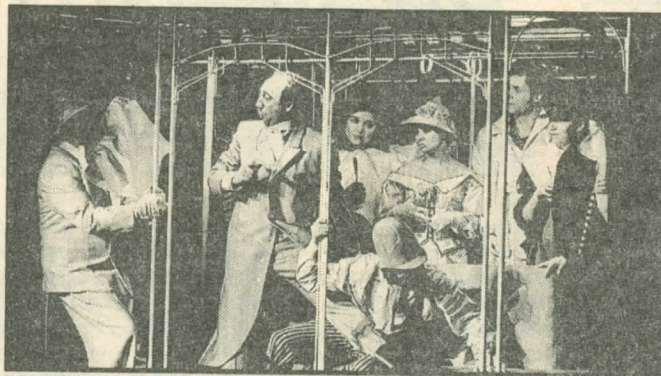
И ничего, что спектакль длинноват. В конце концов хорошего должно быть много. За это никто из зрителей не корит авторов спектакля. Во всяком случае, когда режиссер приглашает их на сцену, в Париж, к Эйфелевой башне и на вокзал Сен-Лазар, то в путешествие из Москвы в Париж они отправляются с удовольствием. И уставшие, но довольные артисты катают по сцене на парижской конке стареющую не унывать московскую публику. Правда, катают недолго. Ну а потом — оревуар, Париж, «где я не был никогда...»

Михаил ШВЫДКОЙ

НЛО

В. и М. Ивановы «Серсо»
Издательство АРТ, СТД
РСФСР

«Серсо» зависло над театральным процессом неопознанным объектом. Все кричат и показывают на него пальцем, но, кажется, мало кто уверен, что оно действительно существует...» Наблюдение точное, с одной поправкой — в текущем

Сцена из спектакля «Парижская жизнь»
Фото А.Иванишина

репертуаре этого спектакля больше нет. Слишком разным оказался масштаб Дома — героя спектакля — и пристанища, обретенного его создателями: в полуподвал на улице Воровского с трудом вставал только первый этаж декорации.

Остались бесчисленные фотографии, режиссерские разработки и записи репетиций, доступные лишь посвященным, фильм А.Васильева и О.Морозова «Не идет», который никто не видел, и вот теперь — книга В. и М. Ивановых, откуда и приведена цитата. К счастью, авторы не ставили задачи создать портрет «неопознанного объекта», что неминуемо обернулось бы занудством. Это — не повествование, но размышление той глубины, когда за словом проступает образ. На месте привычного сопоставления «театр и жизнь» здесь иное — театр и искусство. Поэтому понятия из сферы живописи, музыки, кинематографа вошли в книгу так же свободно, как и в постановку Васильева. Едва ли не впервые слова «акция» и «перформанс» употреблены безотносительно к андерграунду. Последнее, впрочем, не вполне верно: в судьбе «Серсо» немало общего с бывшим «подпольем» — скрытая от большинства жизнь, прорыв, триумф и... полное отсутствие попыток закрепить себя в «разомкнутом пространстве действительности», как названа одна из глав книги.

Лариса ЮСИПОВА

ВОСТОК НА СУВОРОВСКОМ

Государственный музей
искусства народов
Востока

Выставка «Традиционное
искусство бурят
XIX—XX вв.»

С тех пор, как Пифагор вынес свою эзотерическую ученость от магов и халдеев Египта, с тех пор, как смутные воспоминания об арийском родстве стали приводить в Индию русских от Афанасия Никитина до Рериха, со времен крестовых походов и монгольских нашествий, китайских революций и японского чуда, с тех пор, как на Арбате появились бритые люди, распеваящие нечто похожее не то на частушки, не то на колядки, а Б.Г. сообщил всем, что Бодхидхарму звали Иваном, — с этих и многих других пор калейдоскопом осколков Восток утрясается в нашем сознании. Утрясется — выходит музей. Заходишь туда, а там рассерженный синий Ваджрапани, уродливый до умильности. Там «другой мир» не потому, что Восток, а потому что — другой.

Зал, где представлены экспонаты, освящал настоящий лама. На открытии выставки были депутаты Верховного Совета от Бурятии. Они заседают, а кто-то по способу пращуров вырезает из дерева священного верблюда или козу. И пока на Суворовском бульваре — живописные иконы, скульптура,

Фото В.Шишова

ритуальные предметы, ювелирные изделия из серебра, украшенные кораллом (и откуда у бурят коралл?), две молитвенные мельницы «хурдэ» — экзотика отечественных буддистов пронумерована, разложена, расставлена на темном сукне...

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ЭЛИТАРНЫЕ ШТУЧКИ

«Вероника Долина.
Элитарные штучки»
Компакт-диск ВПТО
«Мелодия»

Каждый новый компакт-диск — подарок. Как на транспорте положить можно, пожалуй, только на метро, так и во всем хозяйстве «Мелодии» лишь эта часть остается вне критики.

Наверное, это не самый коммерческий диск «Мелодии», но, без сомнения, один из самых достойных. Чудо лазерной технологии позволяет услышать, как песни рождаются из тишины. Песням Вероники Долиной присуще качество, которое в сочетании с талантом встречается, увы, все реже: интеллигентность. Они помогают поверить, что мы

еще не полностью его потеряли.

Странно, что во вкладыше нашлось место для откровений типа: «Песня Вероники Долиной — это песня поэтическая», — но не нашлось для слов самой Долиной о «Родине, изгоняющей своих детей», или о «мальчишках, хмуро входящих в жизнь с оружием в руках», хотя они напечатаны на конверте обычной пластинки, выпущенной той же «Мелодией».

Несмотря на название диска, полностью в него вошла лишь программа «Дитя со спичками», а сами «Элитарные штучки» оказались урезанными. Что это — редакторская небрежность? Или воля самого автора? Или косвенный намек на то, что вскоре выйдет следующий диск, куда войдут и пропавшие пять песен, и программа «Волшебный сурок», и что-то новое?

Хочется надеяться именно на это.

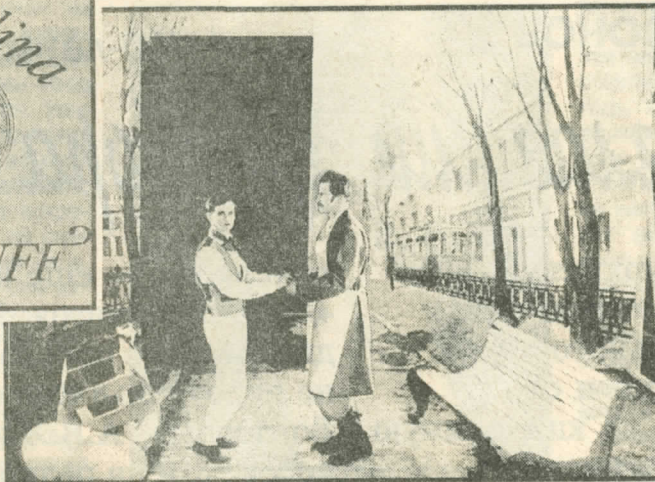
А.Г.

Дилетанты в стране кино

«Твербуль»

КТПО «Экран», ВПТО «Союзтеатр», реж. А.Паперный, Е.Аршанский

Поскольку для большинства кино — это помесь проходного двора с увеселительным аттракционом — вошел, увидел, вышел, забыл, — то по моим прогнозам эту картину не ждет большой общественный резонанс. И слава Богу, потому что нет ничего глупее, чем общественный резонанс. Тем не менее двум неопитам —

Кадр из фильма «Твербуль»

музыканту и студенту ГИТИСа (не ВГИКа!), ничего толком не знающим о тайнах съемочного процесса и композиции кадра, удалось снять кино, в котором нет ни театральщины (хотя фильм отталкивается от одноименного спектакля), ни литературщины (вечный грех кинематографа).

Авторы отказались от сюжетосложения, «если не считать сюжетом страну, в которой мы живем, и воздух, которым мы дышим». Поэтому лучше не рецензировать вышеуказанные страну и воздух, тем более что впечатления от картины остаются по ту сторону слов. Тут нужен не критик, а зритель. Все же добавлю: это во многом параллельное кино, но без привкуса домашнего рукоделия на полусвеченной пленке.

Ирина МОРОЗОВА

МИМО

«Багдадский вор»

«Сатирикон», реж.

А.Горбань

В новом мюзикле Ю.Энтина и Д.Тухманова все как-то неуместно: и багдадский сюжет на фоне сюжета с совсем другим багдадским героем, и сомнительная театральная роскошь на фоне

несомненной жизненной скудости, и декларируемая простодушная беззаботность, граничащая с бессмыслицей, на фоне всеобщей мрачной озабоченности.

Легко предположить: это и было сверхзадачей театра — дать возможность публике порадоваться, забиться, отдохнуть от политики. Однако истинного веселья не получилось, потому что бодрчество не заразительно.

Художественная программа «Сатирикона» все еще не ясна. От него можно ожидать разного. К примеру, не раз глядя на молодую тренированную труппу, казалось, что здесь вот-вот появится мюзикл или шоу бродвейского уровня. Более того, глядя на лидера труппы Константина Райкина, казалось, что его исполнительский класс вполне может стать при этом ориентиром. Однако дистанция между театральной магией, которая подвластна Райкину, и ремеслом, которым владеет труппа, не сокращается.

В «Багдадском воре» Райкин не занят. Поэтому о Бродвее не вспоминаешь, а ясно чувствуешь, где ты. В Марьиной роще, а у нее совсем другая слава.

Мария СЕДЫХ

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей Гаврилов

ГОУ, КАНАДА, ГОУ!

«А затем ты умрешь!»

Канада, реж. Ф.Манкевич

На удивление неплохой фильм. На удивление — потому что нет ни одного известного нам актера, не всегда профессиональные съемки, простейший сюжет — торговец наркотиками борется с полицией и конкурентами, — явно небольшой (по их понятиям) бюджет, но в фильме есть то, чего часто бывают лишены совершеннейшие по форме американские боевики: настроение и сопереживание. И есть человечность, которая еще и не начала появляться в наших лентах.

НЕ ПОМОГ И ГАРПУН

«Гладиатор»

США, реж. А.Феррара

Единственное, пожалуй, что интересно в этом фильме, — то, что один из продюсеров — Том Шульман, получивший «Оскара» за сценарий «Общества мертвых поэтов». Увы, это все. Ни Кен Уол, ни Нэнси Аллен, исполняющие главные роли, не оживляют этот очередной тягостный вариант любимого американцами сюжета: мститель-одиночка, стоящий вне закона. Забавна, правда, идея останавливать обгоняющие вас машины с помощью якоря-гарпуна. Но даже это снято плохо.

БОЙТЕСЬ ЧЕРВЯКОВ

«Подземные толчки»

США, реж. Р.Андервуд

Род человеческий в кино, по-моему, пытались извести уже все кому не лень: пришельцы, акулы, киты, пирания, волки, андройды, крысы, муравьи, автомобили, птицы, болотные твари и просто твари. На этот раз сохрять нас пытаются гигантские подземные червяки. Как вы думаете, кто победил? Еще можно объяснить, почему был так популярен «Бэтмен» в Америке, или, по крайней мере, поверить чужим объяснениям. Но огромный успех «Подземных толчков» — полная загадка. Неужели Бэйкон и Уорд — такие популярные актеры?

Дневник И.

Владимир БЕССОНОВ

К 100-летию М.А.Булгакова

Булгаков глазами доктора Живаго

«Итак, был белый, мохнатый декабрь». Я сидел в маленькой комнатухе Театрального музея имени А.А. Бахрушина и с изумлением смотрел на каталожную карточку, где было написано: «Дневники А.В. Живаго, №№ 1—32». Изумление мое возросло еще больше, когда выяснилось, что автор объемистых тетрадей, исписанных ровным, почти каллиграфическим

почерком, — еще и врач, то есть «доктор Живаго». Но, начав читать дневники из простого любопытства, я не подозревал еще о двух сюрпризах. Во-первых, А.В. Живаго оказался человеком на редкость интересным, а во-вторых, на страницах дневника меня ждала встреча с кумиром автора — М.А. Булгаковым. Я отставил все дела и чуть ли не поселился в Бахрушинке...

Александр Васильевич Живаго родился в 1860 году и был потомственным москвичом. Отец его владел солидной фирмой по производству и торговле офицерским обмундированием, однако ж не лишен был чувства прекрасного, водил знакомство с актерами и композиторами

Его дети с ранних лет были приучены ценить и понимать музыку, литературу, театр, что, разумеется, не помешало сыну Александру поступить на медицинский факультет Московского университета. По окончании его он много лет заведовал отделением хирургии Голицынской больницы (ныне 1-я Градская). Впрочем, параллельно Александр Васильевич увлекся археологией, да так серьезно, что впоследствии стал профессиональным историком (с 1919 года работал в Музее изящных искусств). Он много путешествовал, собрал уникальную коллекцию древностей, пробовал писать стихи, был прекрасным рисо-

вальщиком и даже имел диплом художника-графика, с его мнением о спектаклях считались маститые театральные критики. Словом, доктор Живаго был человеком незаурядным во всех отношениях.

Как и многие в то время, имел он привычку вести дневники — занятие, сегодня напрочь забытое. Первую тетрадку он завел в 12-летнем возрасте, озаглавив ее «Театральными записками», и с тех пор не расставался с дневником до конца своих дней. С годами тематика записок расширилась: первая мировая война, сводки с театра военных действий, рассказы беженцев, нахлынувших в Москву, забастовка низшего персонала Голицынской больницы; Москва послереволюционная, разруха, исчезновение архитектурных памятников любимого города... И все же главной темой дневника всегда оставался театр, который с детства был для Живаго тем миром, в котором отдыхала душа, миром, казавшимся вечным и неизбле-мым, что бы ни происходило вокруг.

дить Ленина не закрывать Большой театр, но, уступив (с большой неохотой), пролетарский вождь мнения своего не изменил, прищурился знаменитым прищуром и оставил за собой последнее слово: «А все-таки это кусок чисто помещичьей культуры и против этого никто спорить не сможет». Но Анатолий Васильевич спорить и не собирался. Он и сам призывал «пролетарских гениев — композиторов» сочинять революционные оперы, чтобы вытеснить из Большого обветшавший буржуазный репертуар».

В других театрах было не лучше. Репертуарная политика большевиков была наступательной и бескомпромиссной, в статьях новых критиков все чаще звучали слова «бой» и «фронт».

И вдруг... Поначалу и поверить было невозможно, хотя говорили об этом на каждом углу. Шутка ли сказать — пьеса о белогвардейцах, и не где-нибудь, а в Художественном театре! Живаго, называвший пьесы современных драматургов дешевыми агитками, на сей раз заинтересовался чрезвычайно. Да и автор был ему уже известен по повести «Роковые яйца»...

«Пьеса Булгакова... наделала много шума, много помоев вылили на нее критики», — читаем в дневнике Александра Васильевича.

В.А.Бессонов — историк, сфера специализации которого — культурная жизнь Москвы конца XIX — первой четверти XX веков. Неоднократно публиковался в «Неделе», «Московском журнале»; в серии «Биография московского дома» выпустил (в соавторстве) книгу «Большой Гнездиковский, 10» о знаменитом доме Нирнзее.

«Для одних это эпилог, для других — пролог»...

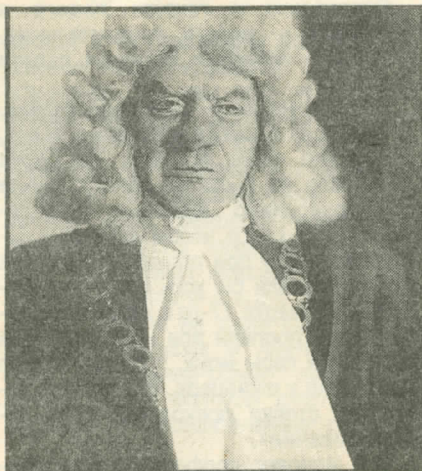
1917 год быстро разрушил эти иллюзии. Луначарскому удалось убе-

Говорили, между прочим: «Нам не надо идеологии Булгаковых», «пожалуй, были и среди белогвардейцев порядочные люди, но зачем они пред современным зрителем» и проч. Усиленно фигурировали слухи, что пьесу надо было во многом урезать, во многом перекроить, кое-что добавить; что десять тысяч рабочих уже потребовали снять «Дни Турбиных» со сцены. Нам все это знать точно не надо, но небезызвестно, что сборы она дает полные, что билетов дешевле пятирублевых (вторые места партера) никоим образом не получишь, что на дешевые места ранним утром устраиваются лотереи у театра и проч.».

Читая записки Живаго о «Днях Турбиных», видишь, что в вечер после спектакля он не торопится расстаться с увиденным: подробно записывает запомнившиеся фразы, анализирует игру актеров («играют пьесу очень хорошо. Жизненно-правдиво, просто, но в то же время искусно»), работу драматурга и режиссера («пьеса написана хорошим языком, спектакль слажен, хорошо поставлен... все последнее действие не лишено красок покойного А.П.Чехова»), не забывает декорации и костюмы.

Для А.В.Живаго, старого русского интеллигента, история, рассказанная Булгаковым в «Днях Турбиных», была невыдуманной, узнаваемой. Она давала возможность «как бы снова пережить тягостное время революции и гражданской войны. «Время для нас близкое, и критика событий затруднительна», — с пониманием отмечает он в дневнике. Ему ясно, что над пьесой поработали цензурские ножницы: «События на сцене поставлены в известные рамки».

Но «какое же общее впечатление от этой пьесы? Ответ один — тяжелое». Живаго еще не раз повторит эти

М. Булгаков в роли Судьи в спектакле «Пиквикский клуб».

слова: «Снова на душе тяжело», «тяжел и финал пьесы», когда «надвигаются на город красные, слышны уже звуки «Интернационала», и для одних это эпилог, а для других — пролог».

Живаго понимал, что пьеса Булгакова — инородное тело на советской сцене, что такую правду не потерпят и «Дни Турбиных» разрешили лишь «на известный срок». Он не ошибся — к концу сезона последовало волевое изъятие спектакля из репертуара.

«Не выношу я конструктивизма...»

Эта акция властей лишь подогрела интерес к Булгакову. Теперь, бывая у Леонтьевском переулке у К.С.Станиславского, с которым у Живаго сложились давние приятельские отношения, Александр Васильевич непременно интересовался: как там Булгаков, есть ли что-нибудь но-

венькое, что думает о нем сам мэтр?

В дневнике сохранилась подробная запись одного разговора с Константином Сергеевичем в июне 1932 года, перед самым его отъездом на лечение в Баденавайлер: «Мне захотелось узнать мнение К.С. о Булгакове, и он мне сказал так: «Ну, режиссера из него не выйдет, но как драматург, как писатель он куда талантливее всех этих. Хочется ему играть, быть актером, а нам боязно — писать бросит. Хорошая пьеса пойдет у нас вслед за (его) «Мертвыми душами» — «Мольер». Назвать пьесу, кажется, придется «Смертью Мольера» (ранее хотели «Святошей»).

Импульсивный Станиславский изменил свое мнение после истории с «Мертвыми душами», булгаковская трактовка которых пришлась ему не по душе. «Ведь, знаете, я застал уже все подготовленным: декорации, роли розданы, под руководством Булгакова шли репетиции, — рассказывал он Живаго. Ну, и все пришлось изменять, кроме розданных уже ролей. Вы знаете, не выношу я конструктивизма, а и он был».

Вероятно, после этих слов оба старичка одобрительно закивали головами — любой «изм» в театре они не переносили на дух, а уж при упоминании, скажем, Мейерхольда Александру Васильевичу впору было принимать сердечные капли. Посмотрев «Ревизора» у Мейерхольда, он был так возмущен, что вместо характерной для него обстоятельной рецензии ограничился коротким, но энергичным стихотворным отзывом:

«О, зритель, не ходи ты в балаган,
Где смех страдает благородный.
Ты ж, Мейерхольд, не просто
хулиган,
Ты наглый хулиган, а не артист
народный...»

После премьеры «Дней Турбиных». В центре — М. А. Булгаков.

В те же дни, когда Москва шумела и говорила о «Днях Турбиных», в Вахтанговском состоялась премьера еще одной новой пьесы Булгакова — «Зойкина квартира». Живаго помчался и туда, хотя этот театр не входил в сферу его интересов. Увы, его ждало разочарование! Что за «выкрутасы», так разменивать свой драматический талант на «какие-то смешные мелочи», недостойные имени Булгакова!

Зато «Мертвые души» доставили массу удовольствия, и, вернувшись домой, Живаго принес с собой «неповторимый аромат гоголевской поэмы» и весь вечер рисовал в дневнике персонажей спектакля.

Вот только почему на афише не была упомянута фамилия Булгакова? Его заслуга «вопиюще очевидна»: «Изобразить и оформить ряд сцен из поэмы Н.В.Гоголя — задача весьма трудная», но «весьма талантливому Булгакову это оказалось под силу». Живаго был восхищен тем, как драматург «умело komponует сцены, другой раз опуская или перемещая первые знакомства действующих лиц, заимствует нужные ему из 2-й части поэмы [...], но в работе ни в одном слове нет отступлений от текста».

«В одном трамвае времени...»

После этой записи имя Булгакова в дневниках Живаго не встречается. Это странно для такого знатока и любителя театра — ведь Москва продолжала говорить и судачить о Булгакове, да и круг знакомств позволял Александру Васильевичу быть в курсе самых последних театральных новостей. И все же это так. Но отчего-то я никак не мог согласиться с тем, что столь «странное сближение» не будет иметь продолжения.

Начитавшись дневников Булгакова и Живаго, я много раз пытался представить себе, как мог бы звучать диалог этих двух людей, если бы судьбе оказалось угодно свести их однажды. И так увлекся этим, что стоило мне прочесть страницу из дневника Живаго, как на ум приходило соответствующее продолжение из Булгакова. Дает ли эта «литературная игра» хоть что-нибудь для понимания самого Булгакова и его эпохи? Не знаю, как-никак один из них был Мастером, а второй — всего-навсего скромным, пусть и благодарным, зрителем. Но разве один существует без другого?..

Совпадения в текстах Живаго и Булгакова — просто поразительные, а порой — забавные. Впрочем, судите сами.

«Не угодно ли — калошная стойка. С 1903 года я живу в этом доме. И вот, в течение этого времени до марта 1917 года не было ни одного случая — подчеркиваю красным карандашом ни о д н о г о, чтобы из нашего парадного внизу при общей коридорной двери пропала бы хоть одна пара калош[...] В марте 17-го в один прекрасный день пропали все калоши, в том числе две пары моих, 3 палки, пальто и самовар у швейцара. И с тех пор калошная стойка прекратила свое существование».

Это монолог профессора Преображенского из «Собачьего сердца».

А вот дневник А.В.Живаго: «В Большом... капельдинер просил меня, к крайнему моему удивлению, надеть в последнем антракте калоши, «а то пропасть могут», но я все же не решился последовать его совету...»

Старый служака-капельдинер сказал мне в ответ на вопрос «почему это теперь много народа ходит за шапками и шубами, а не музыку слушать» — «теплых одежд украли уже на 12 000 рублей...»

Оба, кажется, всего лишь подмечают приметы «разноцветного московского быта, но суть этих горестных замет, конечно, глубже».

Осенью 1924 года Москва была взбудоражена активизацией нового общества «Долой стыд!». 7 сентября Живаго занес в дневник колоритную сценку: «А как славно, как весело сейчас в Москве, где появились первые ласточки обоего пола[...] без признаков костюма. Лично мне повезло, но не вполне. Я ехал в трамвае, пересекая Тверскую в Охотном ряду, а с Тверской перебежала площадь неинтересная собой, толстомясая дева или уже женщина, Аллах ее ведает, на которой были лишь весьма коротенькие синие трусики. Эту раскрасневшуюся на свежем воздухе физкультурницу, оплывшую жиром, вывалившаяся из вагона публика проводила улюлюканьем. В Москве слышатся возгласы о бесстыдстве, о наглости этих особ. [...] Толчок дан, у нас пойдет! Итак, мы начинаем».

12 сентября того же года Булгаков помечает в своем дневнике: «Яркий солнечный день. Новость: на днях в Москве появились совершенно голые люди (мужчины и женщины) с повязками через плечо «Долой стыд». Влезли в трамвай. Трамвай останавливали, публика возмущалась».

Позднее Булгаков использовал этот сюжет для написания фельетона «По голому делу», который был опубликован в «Гудке». Не кажется ли вам, что в тот осенний день и Живаго и Булгаков ехали в одном трамвае?

...В сущности, ничего удивительного в этих совпадениях нет. Оба были москвичами, оба любили бродить по улицам и переулкам любимого города, и тот и другой воспринимали близко к сердцу его горести и радости. Несмотря на разницу в возрасте, и Живаго и Булгаков были похорошему старомодны во вкусах и пристрастиях. В самый разгар социалистического реализма Булгаков любил, как вспоминает С.Ермолинский, надеть черный костюм и, прицепив бабочку, пойти слушать «старорежимную» «Аиду» «чуть ли не в дореволюционной постановке». Живаго в 50-й раз (!) наслаждался «Гугенотами» Мейербергера или смотрел до боли знакомый «Вишневы сад», принципиально избегая новых «пакостников сцены». Все свои дневники до конца 30-х годов он писал в соответствии со старой орфографией...

После «Дней Турбиных» один пролетарский критик заметил, что в этой пьесе Булгаков «исчерпывающе обнаружил свое старое русско-интеллигентское мировоззрение». Он, конечно, не заметил, что, желая укунить побольнее, выдал писателю самую большую похвалу, какую только мог.

И Живаго, и Булгаков, и сотни других людей после 17-го года упорно не желали расставаться с «интеллигентским мировоззрением», они были носителями одного генетического кода, который, как полагают, ныне утерян едва ли не безвозвратно. Они с достоинством несли крест русской интеллигенции. А ведь слово это стало после революции с благословения ее вождя самым грязным ругательством. В одной из ранних редакций «Мастера и Маргариты» Воланд говорит Иванушке, что тот мыслит, как интеллигент. «Этого оскорбления Иванушка не мог вынести. — Я — интеллигент! — прохрипел он, — я интеллигент, — завопил он с таким видом, словно Воланд назвал его по меньшей мере сукиным сыном».

И доктор Живаго, и бывший доктор Булгаков ехали в одном трамвае времени. Их легко было распознать в толпе, с которой они упорно не желали смешиваться, чего бы это им ни стоило. Им было бы о чем поговорить, если бы встреча состоялась.

Говоря с представителем «Столицы» о публикации этого рассказа (впервые напечатанного в журнале В. Максимова «Континент»), автор попросил: «Только, пожалуйста, обязательно как-нибудь пометьте, что эта вещь не вполне в моей манере»... «Что вы имеете в виду? Что в ней ни одного матерного слова?» — Алешковский рассмеялся и ответил: «Можно написать и так».

Юзу Алешковскому, русскому писателю, живущему в городе Миддлтаун (США), и повезло и не повезло с возвращением в контекст нашей литературы: оно началось с опублико-

ванных в «Новом мире» воистину народных песен «Товарищ Сталин» и «Окурочек»... и увы, пока не получило сколько-нибудь достойного продолжения. Главная тому причина — своеобразная поэтика прозы Алешковского, его вдохновенный, раскованный язык. Законодателям литературных вкусов кажется, что, скажем, мини-роман Алешковского «Николай Николаевич» не причислен. Между тем как на фоне романов Чаковского, Маркова и Анатолия Иванова этот мини-роман выделяется прежде всего чистотой чувств, целомудрием и пронзительным гуманиз-

мом. Если относиться к некоторым словам, употребляемым героем, так, как мы относимся к ним, слыша на улице или сами употребляя в разговоре, — не буквально, а иносказательно, вникая не в смысл, но в подтекст.

Мы печатаем «Призрак в белом халате» не из соображений цензурных — в чем-то он кажется нам даже острее других прозаических сочинений Алешковского. Предлагаемый читателям «Столицы» рассказ — еще одно подтверждение того, что истинный талант — всегда неожидан...

Даже если и не матерится.

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

ПРИЗРАК В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

Из книги «Рассказы майора Пронькина»

Вот — вызываю я в памяти своей февраль 1953. Бывали, конечно, в жутковатом советском прошлом времена пострашней той зимушки. Намного страшней. Но такого бездарного беснования обывателя, урча глотающего мосол юдофобии, брошенный ему под нары властительным усатым уркой, пожалуй, прежде не выдвигали все нормальные русские люди.

Хорошему сыщику, скажу я вам, труднонато быть мистиком. Тащиться по следу нашему брату приходится либо за примитивным бандюгой-убийцей, либо за невероятным монстром, а не за каким-то там inferнальным дядей, отбивающим сыщицкий нюх серным смрадом адской скверны.

Так вот, мне — человеку, повторяю, не склонному к мистике, — мрак общественных настроений того времени казался вызванным прямо из преисподней. Все вокруг — черным-черно; черны угрюмые небеса, грязновато черен снег тоскливой городской зимы, черна на смутных людских лицах печать беснования и взаимного ожесточения, черные — один черней другого — слухи.

От них просто некуда было деться, поскольку до работы я добирался на двух трамваях и троллейбусе, после службы торчал в очередях, а вечером волей-неволей обалдевал от перемола тех же самых слухов соседями по коммуналке... «Скоро Сталин ВСЕХ ИХ выселит»... «Каганович вагоны готовит. Свояк в отпуск ушел, а билетов в кассе не достать»... Это был слух о поголовной депортации евреев в зону вечной мерзлоты.

Но воодушевленной, чем на все остальное прочее, обыватель клевал на слух о появляющемся по ночам в районе площади трех вокзалов черном призраке в белом халате...

Бродит он без шапки... как и положено — кучерявый брюнетиче... рублило — красный и крючковатый, а в каждой ноздре — пучки волосни... глазищи — здоровые, вроде пухляк на лужах, тоже — без зрачков, но сверкают нехорошим пламенем... В одной ручище у того призрака — кривая опасная бритва... в другой — бутылка с усыпляющим ядом... Сначала этот змей усыпляет, а потом горло перережет... от уха до уха... Карманы обчистит и — след его простыл... За что только вам — паразитам — зарплату платят, ответь ты нам, Пронькин?..

Я молча уходил с кухни, не в силах выносить всего этого бреда. Уходил, садился за стол, брался за голову и думал, содрогаясь от стыда и ужаса: «Господи, что же дальше с нами будет?.. Дальше ведь вроде бы — некуда»... И как это иногда случается в мрачных тупиках жизни или в ужасной безысходности безумных сновидений, вам, непонятно каким образом, удается высветить на одно лишь короткое мгновение весь этот душу удручающий бред. Вы в поту, как бы выводящем из всего вашего существа адскую нечисть, чувствуете вдруг облегчение и надежду. Чуете вы, что так больше продолжаться не может, что это — тупик, об который сам Дьявол расшиб себе в очередной раз лоб, успев, однако, снова возратить часть нашего общества в темные низины, кишашие гадами бессмысленного, взаимного ожесточения. Вы, конечно, не ведаете, с чем именно связаны весьма смутные прозрения души, и только потом, в спасительном отдалении от гнилостного безвременья, удивитесь, что были эти смутные прозрения предчувствием агонии правившего нами чудовищного злодея.

Но это все — потом, а в те зимние дни нагнетание мрака стало таким невыносимым, что я взял да и запил. Запил,

естественно, не в одиночку, но тайком от супруги. Я вызвал на дом нашего участкового врача Федора Самойловича Козмана, в просторечьи — Кошкина, человека славного и добрейшего. Вызов мой страшно его обрадовал.

В те дни обыватель, уверовав в расположение властей, в соучастие нашей поганенькой, нашей зловонной прессы и в собственную безнаказанность, просто ошалел от юдофобской паранойи. Вид любого белого халата доводил его до театрально аффектированного психоза и истугленного словоблудия. Даже продавцы продмагов и воспитательницы детских учреждений чувствовали себя неловко в спецодежде «убийц» и «отравителей». Само собой резко сократились вызовы участковых врачей на дом и посещение поликлиник...

Доктор Кошкин разделся в передней нашего коммунального террариума. Кое-кто из пожилых нетопырей угрюмо «давил на него косяка», как говорят уголовники. В фигуре, да и во всех движениях добрейшего Федора Самойловича, когда он доставал из старенького саквояжика халат и облачался в него, не было привычного и, так сказать, ритуального священнодействия лекаря, гордого своим милосердным призванием. Было некоторое смущение, неизвестно перед кем, как бы извинение, неизвестно за что, и такая безропотная готовность к очередному унижению, то есть совершеннейшая жалкость и потеряность, что все во мне содрогнулось. Я пьяно выматерился на коммунальных змей и сделал безотказно действующий жест — якобы полез в карман за пистолетом.

В нашей комнатухе я сказал доктору Кошкину, что совершенно здоров... меня просто распирает от физического здоровья... однако не могу больше... не-е мо-огу!!! ...нас довели, доктор: до полнейшего безобразия... у меня радикулит души... зубная боль в печени... тоска мозга... черней совести... дайте, говорю, больничный и выпьем за скорейшее выздоровление нашего окончательно павшего общества... у меня, доктор, есть интуиция сыщика: никто никуда вас не высылит...

Доктор Кошкин охотно согласился со мной выпить. Вызовов у него в тот день больше не было, несмотря на большое количество в столице гриппующих граждан. Он выпил и пошутил насчет того, что выселение в зону вечной мерзлоты будет исторической компенсацией евреям за пребывание в жару фашистских крематориев...

Затем он рассказал мне с грустноватым и мрачным юморком о циркулирующих в столице слухах. Признался, что к веселому его сердцу гадливо подбирается крыса депрессии, то есть явное нежелание жить. Он не бредет уже вторую неделю и перестал повязывать во время обеда салфетку — явный признак полного уныния духа...

Одним словом, мы с доктором Кошкиным надрались и шепотом высказали друг другу одну общую нашу интуитивную догадку: все вокруг настолько черно и отвратительно удушливо, что долго так продолжаться не может. ЧТО-ТО вот-вот непременно должно произойти. Нормальным людям следует как-нибудь перемочь помойное sieve время...

Мы даже завели патефон и с печальной надеждой на перемены к лучшему послушали «Аргентинское танго».

В разгар нашей пьянки вдруг позвонили из Управления. Спросили: «Что это с тобой, Пронькин, случилось, когда в городе — взрыв средневековой преступности? Вполне реальный призрак бродит, ясно с какой внешностью. Граждан по ночам грабят»...

Хотел я им кое-что прояснить насчет средневековья и призрака с выразительным лицом коммунизма, но воздержался. Сказал, что прикован к постели на больничном.

Встану с нее не раньше, чем ВСЕ ПРОЙДЕТ, и пошли вы все к едрени фене. Повесил трубку...

Продолжаем поддавать и слушать гластиночки, приятно заглушающие наши крамольные разговоры. Вдруг — как это всегда бывает в жизни сыщиков — снова звонок. Звонил мой старый знакомый, директор одного из «престижных» московских кладбищ. Ничего не объясняя по телефону, он многозначительно попросил разрешения приехать навестить меня, поскольку на работе сообщили, что я очень болен. Это значило, что у него ко мне — крайне срочное и серьезное дело.

ОН ВСКОРЕ прибыл с французским шампанским «Вдова Клико» и бутылкой «Арманьяка», года рождения 1917. Это, сказал он, дары первого секретаря нашего посольства во Франции, похоронившего вчера свою бабушку в хорошем месте вверенной ему «Зоны вечного отдыха трудящихся». «Вдова Клико», надо сказать, подействовала на меня весьма освежающе. А глоток «Арманьяка» я смаковал с поистине неопишуемым чувством. Чувство это повергло меня в бесконечную философическую грусть. Было почти невозможно логически увязывать все сообщаемое директором кладбища с трагической глубиной этой грусти. В чистом и крепчайшем ее настое существо во мне словно бы растворилось без остатка. Это были редкостные, по остроте воздействия на душу, мгновения ужаса и восторга. Я словно бы встал на самом хрупком краешке 1917, на бедной его кромке, с болью и крушением всех надежд обрывающейся в бездну — в адское будущее. И бездна та — бездна непостижимого Времени — поддранивала мое воображение иными, к невыразимому нашему несчастью, так и не вызванными к достойной жизни возможностями...

И вот — слушаю я, находясь в крысиной помойке НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, рассказ директора кладбища. К нему вдруг явился восточный человек. Представился командировочным хлопководом из Бухары. Все как полагается: на плечах — помесь телогрейки с ярко полосатым халатом, на голове — чудесная тубетейка. Он сказал так: «Тут мне один барыга продавал твое доходное хозяйство, поскольку ВАС выселяют. Зачем нам с тобой какой-то барыга? Я презираю барыг. Могу заплатить хороший калым за кладбище с большим будущим. Если захочешь, куплю твою квартиру, машину и дачу. Обстановку куплю. Всего не вывезешь, друг. Чего добру пропадать? А я тебе на Север каждый месяц сухофрукты присылаю буду и чеснок. Что делать? Троцкому теперь голову не свернешь. У меня самого отец и два дяди на Колыме. Давай, сговоримся»...

Открывает восточный человек чемоданчик. Денег там — не меньше пары миллионов. Мой знакомый, разумеется, сообразил, что командировочного, под слух о выселении евреев, охмуряет какой-то ловкач-аферист. Охмуряет — подлец — с гарантированной безнаказанностью и как бы с молчаливого согласия властей. Я спяну никак не мог сообразить: при чем тут мой старый знакомый и слух о выселении? Доктор Кошкин тоже весьма удивился, поскольку внешность директора кладбища была совершенно не семитской.

Мой знакомый, впрочем, сам этого сначала не понял. Он сделал вид, что согласен на сделку, поторговался. Выторговал еще семьсот пятьдесят тысяч. Правда, аванс взять отказался. Договорились встретиться завтра, прямо в Управлении бытового обслуживания. С тем, чтобы все, так сказать, оформить официально и через своих людей. Уходя, человек из Бухары бросил долгий и очарованный взгляд на табличку, висевшую на двери директорского кабинета. Он вообразил свою фамилию под толстым

Р. С.

стеклом и на солидном бордовом фоне. Вот тогда-то мы с директором расхохотались, несмотря на тошнотворную подоплеку всей этой грязной истории, ведь фамилия на табличке и имя-отчество моего знакомого вполне могли показаться еврейскими предприимчивому, но поразительно наивному предпринимателю: Исаак Иоганнович Герстенмайер! Он был чистокровным немцем, потомком давно обрусевших выходцев из Германии.

Я уже прикидывал в уме: кто у нас проходит «королем» по такого рода охмурениям ближних?.. остановился на Милькисе. Однако то, что сам он был евреем, поставило меня в тупик. Неужели, думаю, дошел Милькис, он же Чекушкин, он же Элотов, он же Робинзон-Волконский, до крайнего такого, до такого омерзительного цинизма в тяжкие для его народа и всех нормальных людей времена?

В голове моей уже готов был план поимки мерзавца. Я надеялся выйти на него с помощью человека из Бухары.

Засиделись мы в тот день допоздна. Закосели и расчувствовались до того, что Герстенмайер упал в ноги Федору Самойловичу и, еле ворочая языком, взмолился: «Прости меня, Федя, за тяжкий грех моего народа против твоей нации... Он был тогда безумен. Стебанулся вместе с фюрером. Прости! Не то поеду сейчас на работу, лягу в чужую свежую могилу и бессильно сложу на груди руки!»...

Я тоже бухнулся вдруг в ноги доктору Кошкину, окинул бесстрашным взглядом отоляринголога коммунальные ушастье наши стены и самым искренним образом возопил: «Проклятье бесноватым вождям! Чтоб они все сдохли до зачатия!»

Федор Самойлович, не выдержав душевного порыва чистых наших чувств, разрыдался. Он рыдал от радости возникновения между всеми нами чувства глубочайшего человеческого родства.

Супруга моя была в тот вечер на дежурстве. Федор Самойлович ушел первым. Он жил совсем рядом. А директор кладбища был, что называется, вдрабадан и, прижимая к груди пустую бутылку, без конца предлагал мне расследовать одну из самых странных тайн истории — тайну смерти месье Кливо. Будучи холостяком и фанатичным женоненавистником, он с пьяным упорством, и все перегугтав, утверждал, что в нашем бардаке виновата проклятая дамочка... вдова Тимашук...

Не помню уж, как и когда мы заснули. Разбудил меня непрерывный, истерический, сбивающийся на хрип, звонок. Он проведен был от входных дверей прямо в нашу комнатушку. Был пятый час утра. Башка трещала совершенно невыносимо. Проклиная все на свете, в том числе криминальную «Вдову Клико» и злополучный «Арманьяк 1917», я пошел открывать дверь. Из-за темноты в подъезде я не разглядел звонившего. А разглядев, глазам своим не поверил: передо мной стоял Федор Самойлович. На нем лица не было в буквальном смысле этого слова. Депрессивно запущенная за пару недель борода его была чисто выбрита. От него, как от куражистого солдафона, пришедшего в женское общежитие, просто адски разило одеколоном «Курортный». Пальтишко доктора вываляно было в какой-то пыли и грязице. Сам он дрожал с ног до головы и пытался что-то объяснить, но не мог вымолвить ни слова. Чувствовалось, что какое-то неожиданное потрясение мгновенно его протрезвило. Докторский саквояжик был, однако, при нем. Я провел его в мою комнату. Чтобы унять в докторе дрожь потрясения, мне пришлось разбудить соседа-таксиста и втридорога купить у него бутылку водки. Федор Самойлович, невнятно мыча, отмахивался от предложенного «лекарства». Затем с трудом превоз-

мог нашествие на бедное свое существо череды похмельных спазмов и слегка поправился. Глядя со слезами искренней благодарности — как на истинное чудо — на поллитровку, он наконец смог поведать мне о случившемся.

Он решительно не желал возвращаться домой в таком пьяном виде, ибо ни в коем случае не имел права травмировать в ЭТИ ДНИ свою БERTУ Яковлевну. Завалился спать в первый попавшийся подъезд. Положил под неимоверно кружащуюся голову саквояжик, всплакнул, словно в детстве, от какого-то странного — одновременно печальнейшего и сладчайшего — чувства общей нашей, человеческой потерянности и бездомности и заснул. Проснулся от внезапного удушья — от того аллергического удушья, которое находит на него от запаха некоторых духов и одеколонов. В подъезде было полутемно, но он — перед тем, как потерять сознание — успел немного разглядеть смутную, безумно злобующую фигуру человека, вытиравшего носовым платком опасную бритву. Человек этот был в... белом, в чистейшем белом халате. Вдруг он молниеносно исчез. Доктор Кошкин захрипел, подумав, что ночной бандит перерезал ему горло, и его, именно в ту минуту, ужасно затрясло. Не столько от страха и мгновенного осознания образа своей нелепой кончины, сколько от того, что бездарные ее обстоятельства окончательно доконают БERTУ Яковлевну. Она и без того издергана соседями-хулиганами. Затем, с отчетливой мыслью, что это — конец, это — все, он потерял сознание. Очнувшись, дотронулся продолжавшей дрожать рукой до горла. Ощупал лицо. Лицо и горло были выбриты безукоризненно. Ему померещилось, что в голове трепетно затухают последние, посмертные мерцания мысли, а вся его фигура, готовая к выносу для прощания с БERTОЙ Яковлевной, возлежит в каком-то случайном, невзрачном морге...

Возможно, он скончался бы в том подъезде от всего пережитого, от удушливого запаха «Курортного» и все еще как бы стоявшей перед глазами злобующей фигуры ночью призрака в белом халате. Но, к счастью, в подъезд зашла какая-то загулявшая парочка. Мужчина наступил на доктора и, пробуя его живот на мягкость, сказал: «Зойка, аля-улю, тут топчан для нас приготовили добрые советские люди!» Он с трудом ворочал языком и еле-еле стоял на ногах.

Но доктор продолжал молчать, как труп. Он почему-то молчал даже тогда, когда мужчина, призывно замурлыкав, снял брюки, сел ему на грудь, судя по всему, голым задом и злобно посетовал, что вот атомных бомб мы — сволочи — понаделали, а командировочному невозмож-но через четверть века Советской власти переспать с бабой в гостинице. Затем он снова замурлыкал: «Я тебя, Зойка, озолочу за чуткость! Резко иду на растрату!.. тут Ташкент подо мною, и топчан что-то потряскивает». Трещали же ребра безропотного доктора. И все же он решительно встрепенулся, увидев прямо над собой еще что-то необозримо белое. Он дернулся и застонал. Мужчина сначала недоверчиво икнул, потом подскочил и заорал. Жуткий вопль бездомных любовников был неописуем. Подобно двум ночным призракам, белые зады мужчины и его дамы молниеносно исчезли из подъезда. Наверху послышались тревожные голоса жильцов.

Это возвратило доктору Кошкину жизненную энергию, достаточную для того, чтобы успеть выползти на улицу. Дрожь от ужаса и ночной холодрыги, он, слава Богу, сразу же хватился саквояжика. И вот тут полностью проявился его человеческий характер. Он живо вообразил, что за слухи расползутся по столице, когда жильцы обнаружат

чей-то докторский саквояжик... Там — рецептурные бланки! Там же все его документы!.. Пожилой убийца в белом халате, участковый врач Козман, терроризирует по ночам мирно спящих строителей коммунизма... О Боже!..

Доктор возвратился в подъезд, просто вырвал из рук у какого-то типа в кальсонах драгоценную свою принадлежность и...

Судорога в горле снова лишила доктора дара речи. Он, выпучив глаза, хватал воздух побелевшими губами. Я растормошил директора кладбища Герстенмайера. Мы вдвоем привели доктора в чувство. Он хватанул еще грамм сто, закурил огурчиком и схватился за голову. «О Боже, я вчера не предупредил Берту Яковлевну! Что делать? Она уже обрыскала все милиции, больницы и морги... она может подумать, что я тоже пошел этой ночью по делу врачей! Лучше бы я убил ее, вернувшись домой в пьяном виде!»

Я посоветовал ему немедленно позвонить домой и сказать жене, что провел ночь у постели больного Пронькина. Это не такая уж, сказал я, неправда. Доктор заявил, что никогда жене не лгал и лгать не намерен. Это совершенно невозможно. Лучше — смерть!.. Точно так же немислим телефонный звонок в такое время... Мы не представляем, какие у них в коммуналке соседи и что за гвалт поднимут эти хулиганы... хотя сами они ни в чем не виноваты... их ожесточило и свело с ума наше проклятое время...

Последние слова доктор произнес еле слышным, но мужественным шепотом. Он поблагодарил нас за возвращение ему с помощью стакана водки нравственного и физического здоровья, то есть за чудодейственную поправку. Очень удивился, когда узнал, что это и есть та самая, спасительная опохмелка, столь презираемая некоторыми горделиво спивающимися псевдоинтеллигентами, но весьма почитаемая в нужный момент людьми вроде нас — мудрыми и простыми. Затем доктор клятвенно пообещал нам возвратиться для окончательной поправки и бросился, как он туманно выразился, «предупредить Берту Яковлевну».

ПОСЛЕ его ухода мне начали дозваниваться из Управления. Я поднимал и сразу же бросал трубку. Я болен. Я сплю. Пошли вы все к чертовой матери... Звонки прекратились. Но через некоторое время под окнами моими начала настырно сигнализировать служебная машина. Она квакала, не умолкая. Мне давали понять, что кваканье не прекратится, пока мною не займутся уже запсиховавшиеся и разбазвавшиеся в коридоре соседи. Я вынужден был открыть окно, хотя во дворе был гнилостный февраль, и заорать, размахивая больничным, что никто не имеет права меня тревожить. Представьте, орал я своему непосредственному начальнику, что меня нет, что я подою и что рядом со мной уже находится директор кладбища. Я это орал, ненавидя похабную бесцеремонность начальства и полное отсутствие у всех нас человеческих прав. Но также знал, что через пять минут я оденусь. Я не пожру и не врежу для поправки стопки водки. Не побреюсь. Лишь почищу зубы, чтобы от меня не разлило перегаром «Вдовы Клико» с «Арманьяком 1917», и спущусь, провожаемый взглядами взбешенных, давно затравленных нашими внутренними органами соседей, к черной, служебной «Волге».

Я предьявил начальству свой больничный и сказал, что подам жалобу в профком и в местком, а в следующий раз буду прикован к постели прогрессивным параличом. Начальство ответило так:

— Не выламывайся, Пронькин. Меня самого с постели знаешь КТО поднял? Берия! Могу передать, что ты посылаешь его куда подальше, потому что сел на больничный. Хочешь?

— Что такого могло произойти в нашем государстве? — спросил я, мрачно намекая на то, что после всего некогда трагического происшедшего происходит вроде бы уже и нечему.

— Наверху принято решение, что ОНИ, то есть УЗЕ-УЗЕ и СТАРУШКА НЕ СПЕЩА ДОРОЖКУ ПЕРЕШЛА, хотя бросить нашу страну в средневековье. Только в эту ночь перерезано горло одному узбеку и нашему, русскому Ивану. По Москве, повторяю, ходит-бродит призрак в белом халате и с еврейской наружностью. Узбек, как выяснилось, был в бегах после землетрясения в Ашхабаде. Украл изпод развалин госбанка 13 миллионов и скрылся. Пытался, подлец, бросить тень на дружбу народов. Безнаказанно тратит те деньги вот уже пять лет. Русский же Иван перперся из Иркутска в Госплан давать взятку за комбайн и навести шороху среди блядей на площади трех вокзалов. Навел. Шлюшка этого Ивана своими глазами видела призрака с бритвой в руках, но не могла заорать от страха. Раннее она же наткнулась еще на один труп в подъезде, но обнаружить его не удалось. Даю тебе, Пронькин, два дня на обезвреживание всего этого поганого, израильского средневековья... Ясно?

Дело, ответил я, как всегда ясное, что дело — темное. Башка моя трещала неимоверно. Не столько с похмелья, сколько от кошмарной и кашеобразной информации начальства. Я просто содрогнулся, представив, что было бы, если бы жильцы задержали ночью в подъезде доктора Кошкина. При таком жутком стечении всех обстоятельств он уже через пару часов расколосился бы на Лубянке в убийстве предприимчивого бухарца с несчастным командировочным и еще кое в чем, леденящем кровь обывателя...

Первым делом я попросил Герстенмайера опознать в море личность странного профессионала — грабителя банков, разрушаемых азиатскими землетрясениями. Это был он. Убили его и ограбили в одной из подворотен, вблизи от площади трех вокзалов. Рядом покоилось огромное тело ночного гуляки. Директор «кладбища с большим будущим» проклинал себя за то, что сразу же не задержал этого беспутного человека. «Его смерть, Пронькин, на моей совести!»...

Работать Герстенмайер в этот день, разумеется, не мог и умолил разрешить ему послушно следовать за мною. Он дал по телефону указание своему заму насчет некоторых захоронений и усиления охраны венков из свежих цветов, расхищаемых по ночам недремлющими мародерами.

Затем я сходу нагрязнул на квартиру короля мошенников Милькиса — Чекушкина — Элотова — Легашкина — Промокашкина и т.д. Он резался в «коротенькую» в компании себе подобных сравнительно безобидных злодеев. Алиби его было безусловным. Злодеи мгновенно смылись после того, как я их опросил.

— Ну что, товарищ подонок, — сказал я, — не брезгуешь в такие времена ничем? Распродаешь собственность смятенных гонениями соплеменников? Кажется, ты у меня раньше их всех окажешься в зоне вечной мерзлоты. Быстро, говнюк, выкладывай адреса и фамилии всех охмуренных! Ни одной не забудь!..

Аферист пытался изворачиваться и уверял меня, что все бабки, вырученные «с фуфла событий», намеревался переслать в Израиль — внести свой скромный вклад в дело создания Фигуры Народной Скорби. Я, естественно, не

поверил ни одному его слову. Имена и должности людей, поспеживших халануть собственность, от которой якобы хотели избавиться депортируемые евреи, потрясли меня и Герстенмайера.

Забегая вперед, скажу, что потом, в разговорах с этими людьми, я считал возможным не скрывать своей брезгливости. Все они были людьми состоятельными — двое членов ССП СССР, известный композитор, заведующая продскладом крупного госпиталя, генерал-полковник в отставке, постановщик фильма об американском образе жизни и кассир Ярославского вокзала. К величайшему моему удивлению, все они, кроме известного композитора, оказавшегося патологическим жлобом, отказались взять деньги обратно. Очевидно, устрашились фельетона в «Крокодиле» насчет гнусоватой попытки группы аморальных лиц обзавестись чужими квартирами, картинами, библиотеками и даже, как бы трагически оставшимися на улице, домработницами...

Одним словом, между мошенником, призраком в белом халате и ночными убийствами не было ничего общего...

Затем я опросил в присутствии Герстенмайера нескольких мужчин, о которых дружно засигналили наши многочисленные сексоты... Все допрашиваемые были старыми алкашами, вызывающе гордо превозмогающими желание поддаться. Показания их были такими стереотипными, словно они успели в какой-то момент телепатически сговориться. Вот пример одного из них...

Завалился я дрыхнуть, не помню, как, когда и где. Вдруг чую — кто-то намыливает щеки мои, вот уж пару недель запоя небритые, замечательно горячей мыльной кисточкой, какой падлы-парикмахерши никогда не намывают. Потому что этим гнидам серолицым важно лишь содрать с тебя бабки за освежение «Красной Москвой» или «Курортным».

В этом месте показаний я удовлетворенно похмыкивал. Если помните, в ночном подъезде доктор Кошкин чуть не задохнулся от аллергии именно к этому виду нашей отечественной парфюмерии. При похмыкивании моем алкаши взрагивали с ног до головы, ибо личности, превозмогающие мучительную абстиненцию, реагируют на любую — даже существующую в их затравленном воображении — опасность более чутко и трепетно, чем горные козлы и полевые мышки...

...Вроде бы все это было во сне... под балдой мало ли чего может присниться... а с другой стороны, до такого эффекта присутствия на твоей щеке мыльной кисточки — я лично еще не нажирался. Чертиков безбилетных с подножки трамвая — скидывал, говорящими грибами-поганками и мухоморами, поющими «Интернационал», — закусывал, но такого... такого сроду со мной абстыга не вытворяла... Такой даже случай был. Выпил рассольчика. Хрущу огурчиком. А он настырно попискивает на зубах: получка... получка... получка. Вот до чего иногда наглеют огурчики... Открыл, в общем, глаза. Все перед ними пляшет-пританцовывает хороводом и одновременно вприсядку, под управлением Игоря Моисеева, вижу белый халат... курчявое лицо... нос натурально похож на опрокинутый вопросительный знак. На конце его, от холодрыги — капля дрожит... то ли еврей, то ли армянин, то ли цыганская витрина театра «Ромэн» — понять невозможно. Но понимать, товарищ Пронькин, в таких случаях ничего не следует, потому что можно «поехать» от бесполезной попытки добиться с похмелюги торжества Разума... Глаза различил на то же небритом, как у льва в зоопарке, лице. Вместо глаз на нем — два пузыря огромных. На лужах такие пузыри бывають после грибного дождя... Я ведь — грибник, между

прочим, то есть между запоями... И тут призрак этот бритву опасную вынимает... я теряю сознание, но слышу сквозь глубокий обморок, как выбривает он меня, выбривает... В падлах-парикмахерских скребут твоё лицо, вроде как жопу поросенка к седьмому ноября, либо говяжью паленую ногу, а ЭТОТ, чую, — броеет! Броеет с уважением душевным к несчастному твоему кожному покрову, обветренному суровой действительностью и чересчур шустрым нашим движением к будущему... слезы, помню, в тот момент потекли тихонько и холодненько по задрожавшим вскрылиям сиротливо хлюпнувшего моего носа... Призрак белым халатом их сочувственно вытер... Броеет, значит, он меня душевно, а я внутренне благодарствую ему, хотя понимаю, что после бритвы вымоет он меня от уха — до уха, и в таком вот благопристойном виде предстану я в морге перед супругой и детьми, напрасно ожидавшими трое суток от родного человека полочки, премии за выполнение полугодового плана и двух приличных взяток от директора булочной и рюмочной «Романтики»... Разумеется, не шелохнусь. Замер, как детская сопля бездомного сироты, прихваченная морозом, или как часовой у Мавзолея, о чем прошу помалкивать в протоколе допроса... Бритва-то опасно гуляет по центру и периферии безвольной моей физиономии... ножнички, чую, малехонькие — чик-чик-чик в носу и в ушах... чик-чик-чик... к бровям насуспенным вспорхнули... Тут слез я снова удержать не смог, потому что войну прошел, еще раньше от раскулачивания уцелел, ревизоров лучше меня никто в Горторге не приделывал к ногтю, но такого отношения к себе не встречал я никогда и подраумеваю, простите, за рифмочку, что именно от сердечной тоски по нему тягостно запиваю...

Текут мои слезы за воротник, холодят область сердечной мышцы, а призрак все броеет, броеет и вполголоса картаво внушает: «До чего ж вы довели себя, сударь! До чего же вы себя довели!.. Завязать надо... Вместо выпивки взял бы да вышли в Нескучный. Закат встретили бы. Потому что рассвет следует встречать дома, а не на помойке. Пожалейте себя, сударь, а заодно и детишек своих с супругой, изведенной ожиданием беспутного мужа. Содрогнитесь от пагубности низкого своего пристрастия... Настоятельнейше советую завязать...» Господи, думаю, может, это я помер в подвале, может, замерз в печальном обществе затрапезных крыс, паутины времени и старых противогазов, а голос Стража Небесного подготавливает меня за все тяжкие, за все неисповеданные грехи мои Страшному Трибуналу?.. До чего же довел я себя трагической взаимосвязанностью взяток и пьянства!.. Господи, прости и помилуй, если жив останусь в таковой беспробудности, клятву даю — завяжу! Отдам себя на растерзанье безжалостной похмелюге, но — завяжу, Господи, прости... Призрак же тот спрашивает душевно: «Вас, сударь, освежить?» — и, ответа не дождавшись, намазывает бритое мое, бесстыжее рыло всепрощающим кремом... приводит его затем в гордый и божеский вид массажиком... массажиком... и вот уже — освежает... освежает... освежает... Потом заключает: «Всего хорошего, сударь, завяжите, пожалуйста, не губите сами себя в такое погибельное время... Хочу воскликнуть слова благодарности, но призрака уж след простыл. Добираюсь на карачках домой для покаяния перед своей несчастной половиной. Утыкаюсь полутрезвым лбом в нашу двухспалку, рыдаю и ничего вразумительного произнести не могу. Ибо потрясен. Лишь повторяю: «Настя, Настя! Понимаешь ли ты, что я теперь СУДАРЫ?.. Сударь я, Настя, а не пьянь пропащая... СУДАРЫ!.. СУДАРЫ!»... Настя орать начинает, как бешеная, что шлюхи-продавщицы выбрили меня и намазали одеколоном. Зовет на помощь

проходимцев-соседей. Я активно внушаю им, что я — СУДАРЬ. СУДАРЬ я, внушаю, а вы — сволочи коммунальные! Закономерно оказываюсь в психушке, где вынужден был дать правдивые показания, но в людях не нашел сочувствия и ответа... Выпустили после вмешательства дружков из Моссовета, которые перестали доверять медперсоналу в связи с делом врачей-убийц. В рот не беру вторую неделю. Не беру также взятки. Регулярно встречаю закат в Нескучном, над Москвою-рекой, а ночью дома и решительно отказываюсь отречься от веры во встречу с ночным Призраком трезвости и совести... Побольше бы нам таких, а не прохиндеев с брошюрками «Спутник атеиста»... Броюсь теперь каждый день, хотя буду жаловаться самому Сталину на поганое качество наших бритв, которыми только горла поджигателям войны перерезать и убийцам в белых халатах, а не брить физию советского человека.

Кстати, я не мог не заметить, что умудренно-спокойная и ненавязчиво-устрашающая, в силу своей должности и призвания, фигура директора кладбища каким-то мистическим образом воздействовала на психику людей, оказавшихся в поле ее зрения. Все, без исключения, опрашиваемые становились вдруг внутренне строже и осмозрительней. Воздерживались от мелких шуточек, особенно пугало меня то, что все они, бессознательно поддаваясь таинственной притягательности фигуры моего старого знакомого, как по команде, складывали крест-накрест на груди руки. Непроизвольно закидывали вверх подбородки и, умудренно соотнося НЕЧТО никому не известное с ЧЕМ-ТО известным только им одним, упирались в потолок печально отрешенным от повседневности, полузакрытым взглядом...

После опроса бывших алкашей, завязавших столь странным и неправдоподобным образом, нам с Герстенмайером стало ясно, что таинственный парикмахер не имел никакого отношения к участвовавшим ограблениям и убийствам.

Какой-то бандит грабил и убивал под чужую, так сказать, марку, заодно способствуя распространению чудовищных юдофобских слухов. Я дал указания нашему патологоанатому тщательно обследовать трупы пострадавших. Как я и подозревал, их сначала оглушали мощным и неожиданным ударом в затылок, грабили, а уж потом — для запугивания следов и отвлечения сыщицкого взора — перерезали горло.

Мне пришлось подробней расспросить доктора Кошкина о его встрече с ночным Призраком, стиль поведения которого совершенно не укладывался в рамки представлений криминалистики о нравах самых экстравагантных преступников. Доктор ничего нового не добавил... Пьян он был тогда так, что не помнит никаких антиалкогольных нотаций... не успел рассмотреть внешности Призрака, ибо чуть-чуть не умер от ужаса и аллергического удушья... Одеколон был «Курортный»... Он полагает, что все это было странным проявлением белой горячки редчайшего типа, а не действительным случаем...

Я не стал переубеждать моего лечащего врача, до того травмированного происшедшим, что ему самому пришлось забюллетенить.

Затем мы разыскали вокзальную даму, которая чуть-чуть не присела в подвале на доктора Кошкина. После всего случившегося она не выходила «на работу», но целыми днями рассказывала и в коммунальной кухне, и во дворе, и в очередях о своих кошмарных ночных приключениях...

Да... было дело... с гостиницами для приезжих дело об-

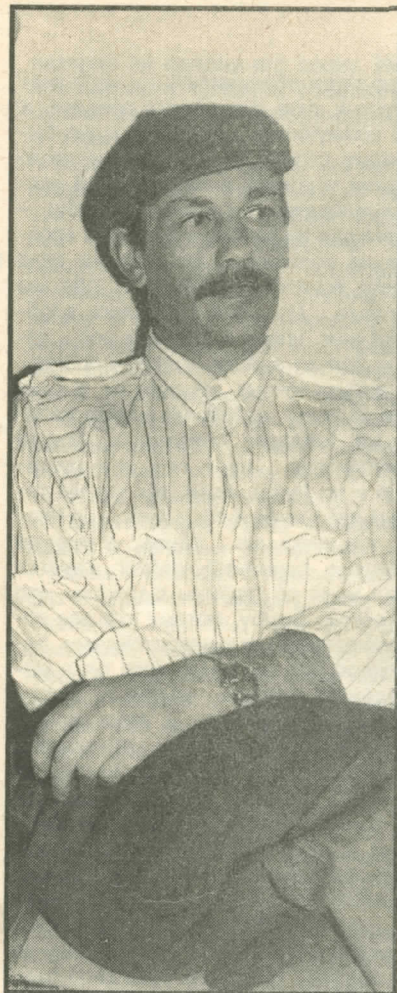
стоит так плохо, что приходится обслуживать их черт знает где, иногда даже в пустых купе курьерских поездов, а мы ведь стоим на пороге коммунизма... просто стыдно бывает перед людьми, которые строят на периферии такую клеветную формацию в трудных условиях и без женской ласки, а в столице хотят по-человечески отдохнуть... один — вот теперь отдыхает без выхода на работу... Да... она вполне может не отвлекаться на политику... она чуть не села на труп человека... от него воняло одеколоном... оба мы выбежали на улицу полуголые... Да... она запуталась в юбке, потеряла шелковый чулочек, упала и разбила нос... теперь с таким «пятакон» — только зайцев пугать в зоопарке, а не соблазнять командировочных «пиджаков» у Трех Вокзалов... Да... несмотря на испуг, отбивший всякое желание «работать», она все же пожалела приезжего... пошли в одно знакомое бомбоубежище... чего ему зря пустовать?.. войны, может, еще и не будет, если, как сказал товарищ Сталин, мы возьмем дело мира в свои руки... но Черчилль ему грубо ответил, что мир — не... хм-хм... в руки не возьмешь... в бомбоубежище приезжий клиент отдыхал душой и телом... возмутил меня до глубины души тем, что накликал на Москву атомную бомбу, потому что все гостиныцы все равно оккупированы дальневосточными евреями и китайцами... смеялся, что мы с ним всех тут в момент атомной атаки перележим, а потом гульнем по пустому буфету... я презрительно промолчала и даже пошла вздремнуть в другой отсек, в котором от газа спасаются... от обиды за родной город и другие национальности... У трех вокзалов я лично стала большой интернационалисткой, потому что фуфло мне двигали все наши республики, чукчи, нанайцы, негры и даже глennyй японец, потерянный в сортире Ярославского пьяным конвоем... сам маленький такой, вроде черного сухарика, а в любви — маршал Ррро-кко-сов-ский... я говорю: банзай, а банзай, с тобой кошмарно хорошо... оставайся у меня... чо те в плену-то делать?.. чо ты там не видел-то?.. хотел мне весь свой паек отдать — мешочек зернышек, с наперсток сахара и пяток сухеных килек, но я не взяла... разве не стыдно пленных так кормить?.. Извините, господа менты... слышу вдруг в газовом отсеке жуткий хрип и бульканье... не трубы ли, думаю, прорвало?.. иду туда, а там бандит стоит с бритвицей кровавой в руках... я — от него, но не ору, потому что орать не было сил... он — за мной... темнотища... я там каждый закуток знаю... стальную дверь — на задвижку, а выбралась на улицу через окно, всю жоржетку порвала... Морды его зверской не помню. Там было темно. Бомбоубежище — не Колонный зал Дома союзов...

Я был потрясен, когда увидел, что Герстенмайер — этот убежденный холостяк и фанатичный женоненавистник, — извинившись, покидает меня вместе с распутной, но, честно говоря, весьма симпатичной дамой. Мне только оставалось пробормотать про себя: жизнь на Земле, господа, жизнь на Земле... и развести руками.

(Окончание следует)

Василий КОЛОТЕВ:

«Я писал их с добрыми намерениями...»

Статью о творчестве Василия Колотева можно было бы назвать «Художник из Мертвого переулка». Именно по этому арбатскому переулку мы входим в домашний мир художника, в ту самую, многократно им изображенную коммунальную квартиру, к соседям, чьи характеры и поступки, а главное — «авторское» отношение к ним художника, который видит ситуации одновременно и изнутри, и несколько отстраненно, могут напомнить «Письма из Мертвого дома».

Родившийся в Воронежской области, Колотев уже взрослым вошел в эту арбатскую среду. Работая в кинотеатре и на ткацко-отделочной фабрике, испробовал профессии слесаря, сторожа и художника-оформителя. Ему потребовалось семь лет на освоение пространства, чтобы оно превратилось в живописную тему, а быт перешел в бытовой жанр. Может быть, именно отсутствие некоего «родового» начала придает остроту его восприятию «московских дворишков» и коммуналок. Такие сюжеты привычно соотнося-

тся с традицией «шестидесятников» и отмечены ностальгией, неизбежной при восприятии безвозвратно ушедшего: нет уже часто повторяющейся в работах художника пивной; будочки «Чистка обуви» сохранились, но уже трудно представить, чтобы вокруг них толпились народ... А в основном мир его полотен не только продолжает существовать, но ему свойственна даже некоторая экспансия. Он выплывает, как вода из бесконечно прорывающихся труб, за пределы одной коммунальной квартиры в мир внешний и стремится передать этому миру свои законы. Художник изображает людей в пивной или в бане, на улице, но это те же «семейно-коммунальные» сцены. В них участвует не единая масса толпы, а отдельные узнаваемые персонажи. Запечатленные на холсте, они перерастают самих себя и узнаваемы не только потому, что встречались на улице. Они встречались нам в истории русского бытового жанра, хотя и в несколько иных обличьях и ситуациях. Гротескные персонажи Л.И. Соломаткина, тем более — П.А. Федотова, никогда не уменьшались в пространстве до такой степени. Здесь, скорее, влияние школы П.Брейгеля с его характерным отношением к персонажу. И дело тут вовсе не в заимствовании художником тех или иных мотивов, но в восприятии им вполне сегодняшних сцен в более широком контексте искусства. Свет от лампы, растекающийся по коридору коммуналки (картина «Алс-о-о...») и так напоминающий освещение соломаткинских бытовых сцен, органично связывает пространство нынешнего века с прошлым. Бесконечный коридор, залитый водой, отделен от остального мира, где все устроено иначе, похоже, даже иное время суток: дневной свет, падающий из окна, создает странный световой контраст. Границы жанра держат изображаемое в рамках жи-

тейского смысла. «Я писал их с добрыми намерениями», — как-то скажет об этом художник. Соседка, говорящая по телефону, сосед, пускающий в ванне кораблик («Плывет, плывет кораблик...»), находят спасение в своих занятиях. И даже очередь в магазине, замороженная мясником, не попавшим на холст («Очередь...»), удивительно красива в отличие от множества сходных сюжетов, прошедших за последние годы по выставкам.

Эта красота почти совпадает с приемами «соц-арта», сталкивающего штампы, чтобы подчеркнуть абсурдность ситуации. Однако у Колотева возникает совсем иной результат. «Гурзуф. Вид на чеховский домик» — две картинки из разной жизни действительно соединяются. Но декоративная красота пейзажа и характерности типажей обретают удивительную естественность в неожиданном контексте. Художнику удалось то, что не получалось у предшественников, — свое воплощение замысла «Охотников на привале» В.Г.Перова. В.Колотев, избрав какую-нибудь тему, редко ограничивается одной картиной. Одни и те же персонажи, ситуации, интерьеры проигрываются во множестве вариантов. Это не поиск лучшего, но освоение целого пласта культурной памяти бытового жанра, всех его возможностей.

Такой подход, особенно если тема найдена удачно, всегда таит опасность сбиться на повторения. Художник счастливо этого избегает. Посмотрев серию, посвященную жизни коммуналки, никак нельзя было предсказать поворот к таким работам, как «Гурзуф. Вид на чеховский домик» или «Очередь...». Поэтому есть все основания предполагать, что в будущем откроются совсем иные возможности живописи В.Колотева.

Евгений МАНСУРОВ

«Плывет, плывет кораблик». х.м. 55x45см. 1988г.

САКСЕСС

SUCCESS

21-3-198

-ЭТО УСПЕХ:

У НАС И ДЕШЕВЛЕ И ЛУЧШЕ!

Много приятных минут и успешный отдых ожидают Вас на маршрутах совместного советско-американского предприятия «САКСЕСС», ведь САКСЕСС - это УСПЕХ!

СП «САКСЕСС» предлагает Вам туры в Китай, Турцию, Тунис, Сингапур, Германию, Австрию, Францию, Таиланд, Египет, Гонконг. Вы узнаете, что такое настоящий сервис и действительно настоящий отдых. Наши цены на 20% ниже государственных, а уровень сервиса несопоставимо выше.

СП «САКСЕСС» устраивает бизнес-туры, религиозные и экологические туры по нашей стране, организует охоту и рыбалку в Сибири, на Украине и в Абхазии. Для любителей активного отдыха имеются горные, водные и спелеологические маршруты на Кавказе.

СП «САКСЕСС» издает художественную, научно-популярную литературу с авторскими правами.

СП «САКСЕСС» разрабатывает и продает программно-математическое обеспечение и программно-технические комплексы на базе IBM PC.

СП «САКСЕСС» производит и продает изделия народных промыслов и товары народного потребления. Вы сможете купить их в магазине «Бородино», который расположен на территории музея «Бородинская панорама» и входит в состав совместного предприятия. Цены - на 30% ниже, чем в «Березке».

СП «САКСЕСС» сдает в аренду заинтересованным фирмам квартиры, площади под офисы и складские помещения.

СП «САКСЕСС» ведет обширную благотворительную деятельность с участием в реставрации заповедной зоны музея «Бородино» и других памятников русской истории, культуры и архитектуры, организует музыкальные благотворительные вечера в Музее-панораме «Бородинская битва».

СП «САКСЕСС» принимает оплату в рублях и свободно конвертируемой валюте.

ТОЛЬКО «САКСЕСС»!

ЗАЯВКИ И ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ:
МОСКВА, КУТУЗОВСКИЙ ПРОЕЗД, 3
ТЕЛ.: 148-99-66
ФАКС 2926511
ANKRAS 002934.

